

ОН ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ.
ПРОСТО ОН НЕ
ПРИНАДЛЕЖИТ ЕЙ.

КОРОЛЕВСКАЯ ЭЛИТА #5

ПОРОЧНЫЙ ПРИНЦ

<https://vk.com/neviofal>

РИНА КЕНТ

Порочный Принц - Рина Кент

Книга: Порочный Принц

Автор: Рина Кент

Серия: Королевская Элита #5

Перевод группы: <https://vk.com/neviofal>

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Не использовать русифицированные обложки книг в таких социальных сетях, как: Тик Ток, Инстаграм, Твиттер, Фейсбук. Спасибо.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Тем, у кого улыбка похожа на заряженный пистолет.

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Привет, дорогой друг!

Обычно мои сюжеты и персонажи снятся мне во сне. Однако «*Порочный Принц*» это книга, которая заговорила со мной вместо того, чтобы присниться. Ронан и Тил жили во мне еще долгое время после того, как я закончила писать их историю. На пути встречались грубые сцены, но я все равно продолжала работу, потому что я многим обязана этим двоим.

Если тебе раньше не доводилось познакомиться с моими книгами, возможно, ты не знаешь, но я пишу мрачные истории, которые могут тебя расстроить и вызвать беспокойство. Мои книги и главные герои не для слабонервных.

Эта книга имеет дело с домогательствами. Надеюсь, ты знаешь о своих триггерах, прежде чем погрузиться в эту книгу.

«*Порочного Принца*» можно читать отдельно от других книг серии, но для лучшего понимания мира Королевской Элиты рекомендуется сначала ознакомиться с предыдущими книгами.

АННОТАЦИЯ

Он прекрасный принц. Просто он не принадлежит ей.

У меня есть секрет.

Я украла сердце, точнее, брачный договор.

Не мне было владеть договором, смотреть или даже думать о нем.

Но он существовал для того, чтобы взять, поэтому это я и сделала —
взяла.

Совершив огромную ошибку.

Ронан Астор аристократ в этом мире.

Высокомерный игрок.

Бессердечный ублюдок.

Порочный принц.

Теперь он желает уничтожить меня.

Чего он не предполагает, так это того, что у меня те же намерения
уничтожить его.

Меня зовут Тил Ван Дорен, и я там, где умирают принцы.

ПЛЕЙЛИСТ

Worst In Me — Unlike Pluto
Nightmare — Halsey
Dying In A Hot Tub — Palaye Royale
The Last Of The Real Ones — Fall Out Boy
Alone — I Prevail
What A Man Gotta Do — Jonas Brothers
Bad Liar — Imagine Dragons
To Tell You The Truth — Written by Wolves
Doctor Doctor — YUNGBLUD
Popular Monster — Falling In Reverse
Imaginary Illness — Call Me Karizma
Old Me — 5 Seconds of Summer
I'm Gonna Show You Crazy — Bebe Rexha
Play with Fire — Sam Tinnesz & Yacht Money
Everything Black — Unlike
Pluto & Mike Taylor
Circles — Post Malone
Sick of Me — GARZI & Travis Barker
Leach — Bones UK

КОРОЛЕВСКАЯ ЭЛИТНАЯ
ШКОЛА

Глава 1

Тил

Начало это конец.

Начало это когда вы решаете, каким будет финал.

Для некоторых людей финал загадка и величайшее открытие среди всего.

Не для меня.

Я уже решила, чем все закончится, еще даже не начав. Все это в папках, уложено в аккуратные коробки и в ожидании, когда это выпустят в мир.

Как ящик Пандоры.

Я зашла слишком далеко. Мне это снилось — или, скорее, стало кошмаром. Этот сценарий существовал в каждом ночном кошмаре, в каждом сонном параличе, сидя у меня на груди, как чертов мрачный жнец.

Он украл мое дыхание, мою жизнь, мое проклятое существование.

А теперь я украду его.

Меня зовут Тил Ван Дорен, и я похититель.

Тот вид похитителя, который не заинтересован в ювелирных изделиях или товарах, но вид, стремящийся к жизни.

К *его* жизни.

— Тил?

При звуке мягкого голоса справа от меня я отрываю голову от телефона, отвлекаясь от статьи о военной тактике Наполеона.

Моя сводная сестра Эльза наблюдает за мной, слегка нахмутив брови. Ее светлые волосы собраны в длинный хвост, который прикрывает ее стройную спину. Взгляд ее ярко-голубых глаз полон беспокойства и... чего-то еще, что я не могу определить.

Единственная причина, по которой я определяю причину ее беспокойства, это изгиб ее губ, нахмуренные брови и то, как она сжимает

ремень своего рюкзака. Это своего рода разговор с ней, который помогает понять ее эмоции.

По крайней мере так. Обычно она сохраняет спокойное стержневое лицо, которое трудно расшифровать.

Или, вероятно, потому что я плохо разбираюсь в взаимодействии с людьми.

Некоторые рождены для того, чтобы населять; я была рождена для всего, что не включает в себя это.

Эльза это воплощение ангельской красоты с ее бледной кожей и стройной фигурой. Тем не менее, я ни разу не чувствовала себя несуществующей рядом с ней, даже с моими короткими черными волосами в резком каре и моим в целом мрачным макияжем. Когда в юности люди начали называть меня очаровательной снежной красавицей, я подавляла это.

То, что другие находят прекрасным, ускользает от меня, поэтому, когда я впервые встретила ее, я подумала, что она сука, наследница папиного состояния. Своим поведением — как сейчас, она доказала мне, что я ошибалась.

Словно она брала уроки у моего брата, она всегда следит за тем, чтобы я не слишком копошилась в своих мыслях.

Мы идем на первый урок. Большой зал Королевской Элитной Школы, или КЭШ, почти поглощает нас. Это одна из тех школ, в которые привилегированные имеют прямой доступ, тип школы, в которой учатся величайшие фамилии в Великобритании, включая отца. Чувство, что я продолжаю идти по стопам папы, является одной из причин, по которой я смирилась с идеей уехать из Бирмингема и проделать весь путь до Лондона.

И он.

Тот, кто скоро пойдет ко дну.

Кроме этого, меня здесь ничего не интересует. Ни высокие башни, ни престижное образование, ни студенты с миллионами в своих трастовых фондах.

Они смотрят на меня как на фрика, а я их совсем не замечаю.

Почему?

Потому что я никогда не была заинтересована, чтобы соответствовать.

Вы не можете желать того, чего на самом деле никогда не хотели или даже не думали об этом.

У меня свой мир, и никому в нем не рады.

Иногда, как сейчас, их лица расплываются, пока черты не сливаются друг с другом, оставляя четкие линии позади.

Оторвав от них свое внимание, я сосредотачиваюсь на Эльзе.

— Да?

— Я слышала о твоей сделке с папой.

Она достает плитку темного шоколада.

Я без колебаний беру одну дольку у нее и откусываю, наслаждаясь насыщенным вкусом. Эльза ведет себя как старшая сестра, хотя всего на несколько недель старше меня.

— Ты не должна этого делать, Тил, — ее голос смягчается.

— Не должна делать что? — я украдкой бросаю еще один взгляд на статью о Наполеоне.

— Ты знаешь, о чем я. — она хватает меня за локоть пиджака, что является для меня сигналом обратить внимание.

— Это не ракетостроение, Эльза. Папа нуждается в помощи, поэтому я вмешалась.

Она прикусывает нижнюю губу, и я не уверена, является ли это какой-то тактикой соблазнения или ее способом сдержать что-то. Я видела, как она делала это со своим парнем, и до сих пор не могу этого понять.

Я соглашаюсь с необходимостью сдержать что-то, потому что сомневаюсь, что она жаждет меня соблазнить. Это было бы, э-э, неловко, тем более что я почти уверена, что она вроде как поняла, к кому я неровно дышу.

— Папа никогда бы не заставил тебя делать то, чего ты не хочешь, Тил. Помнишь, как он повел себя, когда я отказалась от брака по договоренности?

Это потому, что ты его биологическая дочь и его гордость.

Не то чтобы папа не любил меня и моего брата близнеца. Он заботился о нас с того дня, как нашел нас, свернувшихся калачиком, истекающих кровью и умирающих от голода.

Но факт остается фактом: мы всего лишь его приемные дети. Эльза его настоящая дочь.

— Я вызвалась добровольцем, — говорю я.

Эльза останавливается посреди зала, привлекая некоторое внимание зрителей.

— Что?

Я приподнимаю плечо.

— Я сказал папе, что сделаю это.

— Но в другой раз ты спросила меня, хочу ли я этого. Думала, ты против браков по расчету.

— Я спрашивала, хочешь ли ты этого, и если бы ты этого не хотела, я бы выдвинула свою кандидатуру. Кто-то же должен помочь папе после того, как ты решила этого не делать.

— Ой. — она морщится.

— Эх, извини, я думаю.

С тех пор как я начала каким-то образом постигать человеческую природу, я поняла, что они обижаются, когда им в лицо бросают правду. Мой брат близнец Нокс говорит, что я слишком прямолинейна и что я звучу, как сука.

— Все в порядке. Я знаю, что твой разум думает только о донесении сути.

Мои губы приоткрываются, когда ее рот растягивается в улыбке. Она... знает. Все это время только Нокс и папа понимали, как работает мой мозг. Никогда не думала, что до Эльзы дойдет это так быстро.

— Спасибо. — мой голос едва слышен, и я откусываю еще дольку шоколада, заполняя тишину.

— Тил. — она обнимает меня за плечи и встречается взглядом. — Дело не в моем нежелании помочь папе. Дело в том, что я не могу выйти замуж за кого-то другого, когда я так влюблена в Эйдена. Не так это все работает.

Влюблена.

Не так это все работает.

Я позволяю своему мозгу остановиться на этих словах и их иностранных значениях. Эльза продолжает говорить эти вещи, и они каждый раз врезаются в меня, как металлическая стена.

Конечно, я знаю словарное определение любви, но только теоретически. Реальный мир это практическая область, и такой вещи, как любовь, не существует.

Существуют гормоны, нейромедиаторы и эндорфины — химические реакции.

Интересно, когда Эльза наконец это поймет? Она умна во всем, кроме этого.

— Конечно, — говорю я вместо этого.

Есть еще кое-что, что я узнала о человеческих взаимодействиях: если вы согласны с ними, они оставляют это, что означает меньше головной боли и больше спокойствия.

— Кроме того, папа объединит силы с отцом Эйдена, так что нет необходимости в дополнительных союзниках.

— Конечно, необходимость есть. Папа вернулся из девятилетней комы, во время которой он был отрезан от мира. Он нуждается во всех союзниках, которых он может заполучить. Отцу Эйдена, этому мужчине Джонатану Кингу, нельзя доверять. Ты действительно думаешь, что он будет вести себя правильно по отношению к папе, после той обиды, которую он держал в течение десяти лет? Он считает отца ответственным за смерть своей жены, и это не исчезнет просто так.

Она убирает от меня руки и снова прикусывает нижнюю губу. На этот раз я почти уверена, что это из-за обдумываний.

— Ты права. — она вздыхает. — Но я верю, что Джонатан и папа со временем решат свои проблемы. Тебе не нужно приносить себя в жертву.

Мои брови хмурятся.

— Приносить себя в жертву?

— Ну, у тебя уже есть... ну, знаешь, любовный интерес. Свадьба на ком-то другом это жертва.

— Приносить в жертву — означает убийство животного или человека в качестве подношения божеству. Другими словами, это означает отказ от чего-то ценного ради других соображений. Я не делаю ни того, ни другого. — я позволяю легкой улыбке изогнуть губы. — Во всяком случае, я получаю что-то ценное.

Она выдыхает, что означает, что она не понимает моей логики. Все в порядке, я думаю. Это правда, Эльза понимает кое-что из моих мыслей, но она не поймет все так быстро.

Кроме того, никто на самом деле не знает меня — или, по крайней мере, не так, как они думают.

Они не видят постоянной тени за моим плечом или слез, застрывших неизвестно где.

Только я вижу.

— Что Нокс думает об этом? — спрашивает она.

— Он... — я замолкаю, когда сильная рука обнимает меня за плечо.

Это так неожиданно, что я напрягаюсь и поднимаю локоть.

Темная фигура хватается меня, его пальцы на мне, его запах, его проклятое...

— Я слышал свое имя?

Ужасно веселый голос прерывает обычный порочный круг мыслей.

Мой брат. Нокс. Это всего лишь Нокс.

Обычно я спокойно отношусь к тому, что кто-то прикасается ко мне, когда я вижу, что это произойдет, как, например, когда Эльза схватила меня

за плечи раньше. Я увидела ее, потом почувствовала, и это было прекрасно, но внезапный приступ всегда вызывает это каменное состояние.

— Прости, — шепчет Нокс и ослабляет хватку.

Он из всех людей знает, каково это. Эта тьма, ощущать, без возможности увидеть — все это.

Я поднимаю плечо, притворяясь, что не находилась на грани приступа. Он маскирует свои извинения ухмылкой, вставая между мной и Эльзой, схватив каждую из нас за плечо.

Мы с Ноксом разнояйцевые близнецы, но мы едва ли похожи на брата и сестру. Там, где мои волосы черные, у него каштановые. Все его черты похожи на черты модели — или жиголо; на самом деле я не могу сказать, в чем разница. Это серьезная проблема — не судите. Не думаю, что это нормально сравнивать брата с жиголо, но в некотором смысле он таковым и является. Он очарователен своей беззаботной личностью, которую он использует только для достижения цели.

И он много говорит, чертовски *много*. От этого болит голова.

— Так что насчёт меня? — он толкает нас обеих локтем. — Это что, какой-то заговор в стиле *Игры Престолов*? Потому что я смотрел все сезоны — я могу сказать.

Эльза смеется.

— Я просто спрашивала Тил, что ты думаешь о ее новом решении.

Он достает пачку чипсов и бросает два себе в рот, а остальное предлагает нам. Мы отказываемся — Эльза, потому что ей запрещено есть еду вне кафетерия, и она часто следует правилам, а я, потому что я не ем эту нездоровую пищу. Я выбрала свой яд, и это темный шоколад.

— Мне больше достанется, — усмехается он, проглатывая горсть.

Я толкаю его локтем, чтобы он дал мне немного пространства. Он хрустит чипсами напротив моего уха, звук усиливается от его близости, и это еще один способ просачивания триггеров.

Нокс отпускает меня, теперь держась только за Эльзу.

— Итак, что ты думаешь? — настаивает она.

— Я? — он притворяется невинным. — Мне все равно.

Лжец.

— Ты серьезно? — Эльза хватает его за локоть.

— Я брат Ти, а не ее отец. Она может делать то, что хочет. Знаешь, как я испугался, когда она сказала, что хочет мне что-то сказать? Я думал, она собиралась сообщить мне о беременности и вечеринки, чтобы оплакать мою молодость. — он указывает на меня своей пачкой чипсов. — Я прощаю все, кроме того, что сделает меня дядей в таком юном возрасте.

— Все? — я ухмыляюсь.

Его ухмылка на секунду дрожит.

— Ты заноза в заднице, Ти.

— Утренние комплименты? — я притворно ахаю. — Что я сделала, чтобы заслужить тебя?

— Ты вроде как украла мое яйцо.

— Твое яйцо? — спрашивает Эльза.

— Элли, ты ведь знаешь, как формируются близнецы, верно? Как когда-то давным-давно, я плавал в утробе своей шлюхи-матери и боролся со всеми другими ублюдками, которые хотели попасть в яйцо. Кстати, я выиграл. В итоге, я был счастлив в яйце и дерьме, а потом пробирается Ти и делится моим яйцом.

Эльза раздражается смехом, когда я просто смотрю на него своим фирменным пустым взглядом.

— Над чем ты смеешься? — Нокс сжимает плечо Эльзы. — Вот как на самом деле образуются близнецы.

— Одно яйцо, — говорит она.

— Хм?

— Вот как образуются однояйцевые близнецы. Вы с Тил по-братски близки. Она не крала твое яйцо — их уже было два.

— Откуда ты это знаешь? — он прищуривается, глядя на нее. — Ты была там?

— Боже, нет.

— Тогда мы продолжим мою историю.

Он такой глупый, мой брат, и у меня нет слов, чтобы описать, как сильно я ценю его за это.

Я бы не зашла так далеко, если бы он не был у меня.

Когда тьма поглощает меня и мне некуда идти, он рядом, говорит без слов, что мы есть друг у друга.

Мы всегда так делали, начиная с утробы нашей шлюхи-матери.

Мы были друг у друга, даже когда та же самая шлюха хотела сделать нас похожими на нее.

Когда мы думали, что умрем в этом пустом, темном месте, в то время как мы почти истекли кровью.

Я беру свой телефон, готовая вернуться к статье о Наполеоне. В войне есть что-то интересное, не в массовых разрушениях или жертвах, а в том, как они начались.

И в том, как они закончились.

Между ними царит хаос, но хаос не возникает просто так.

Я в начальной фазе, когда малейшее действие может спровоцировать кровавую битву.

Первую из многих.

Когда я вот-вот потеряюсь в словах, в разврате человеческого разума, ещё одно присутствие крадет мой интерес.

Он идет к нам, обнимая Эйдена за плечи. Последний — парень Эльзы — высокий, смуглый и красивый, и играет роль с тем хмурым видом, который говорит: *Подойди ближе, и я уничтожу твоё генеалогическое древо.* Вот почему наблюдающие за ним студенты восхищаются им издалека, не смея встать у него на пути. Для Эйдена в женском населении существует

только один человек — или, на самом деле, во всем населении — и это моя приемная сестра.

Эйден Кинг один из компании, известной как четыре всадника футбольной команды этой школы, и что-то глупое в том, какой ущерб они наносят обороне своих противников. Эйден Завоеватель, и, верный своему прозвищу, он уже покорил Эльзу.

В то время как он игнорирует всех, его внимание падает исключительно на нее, будто он может сократить расстояние и волшебным образом оказаться рядом с ней.

Тот, кто рядом с ним, делает противоположное тому, чтобы игнорировать свое окружение.

Он подмигивает одной девушке, дает пять другой и говорит случайной первокурснице позвонить ему с огромной ухмылкой, которая почти прячет его лицо. Они все поглощают это, чуть не спотыкаясь о свои ноги перед ним.

Ронан Астор.

Сын Графа с комплексом Прекрасного Принца.

Прозвище Смерть за его положение в команде.

Он не знает, что смерть это не титул. Смерть это начало каждой войны, а свою я уже начала.

Я украла его волю, его будущее, и довольно скоро за этим последует его жизнь.

У меня есть секрет, я похититель.

Ронан Астор моя следующая цель.

Так же, как и мой будущий муж.

Глава 2

Тил

Красота субъективна.

Я прочитала это однажды, и с тех пор у меня возникло странное чувство, что это говорило со мной.

Красота странное понятие для меня. Черный цвет красив, и темный шоколад с орехами тоже можно считать красивым.

Но кроме этого, что такое человеческая красота? Жиголо — извините, я имею в виду парней с модельной внешностью, таких как у Нокса, считаются красивыми. Эйден, парень Эльзы, тоже красивый.

Есть другой тип красоты, более темный, немного зловещий, скрывающийся под поверхностью, а не стремящийся к вершине.

Думаю, что это красота для меня. Дело не в физическом аспекте, а скорее в том, что скрывает внешность. Вы можете почувствовать это, когда кто-то не обладает красотой по общественным стандартам, но его харизма так или иначе говорит с вами. Вы этого не видите, но оно есть.

Ронан, однако, совсем не красив.

Он мелкий типаж, вроде жиголо. Если бы он был девушкой, его бы прозвали шлюхой, но в его случае его называют плейбоем.

Снаружи у него пропорциональное лицо, и на самом деле оно симметрично. Оно одинаково по обе стороны его гордого прямого носа, от глаз до щек, от острой челюсти и даже до ушей.

Такой симметрии я никогда не видела за всю свою жизнь. У некоторых людей, таких как актеры, есть то, что напоминает симметрию, но на самом деле никогда не бывает идеальной.

У него все идеально.

Его лицо слишком симметрично, будто его изваял греческий бог. Глаза людей обычно имеют небольшую асимметрию — но не его. Даже когда на

них светит солнце, они оба светятся насыщенным одинаковым коричневым оттенком.

Я прихожу к выводу, что это часть его грязной аристократической крови, наследие, на которое он претендует, будучи тем или иным поколением мировой знати.

Его красота не имеет смысла по двум причинам. А, он слишком хорошо это осознает; это пугает. Б, и самое главное, за этим нет никакой глубины.

По крайней мере, в случае Нокса он использует пластичную легкую личность в качестве защитного механизма, получая то, что он хочет. Я слишком хорошо знаю, что он скрывает за всеми этими смехами и ухмылками.

За те несколько недель, что я наблюдала за Ронаном, он ни разу не проявил ни одной грани болезненной, жизнерадостной личности. Он всегда улыбается, смеется, ухмыляется, устраивает вечеринки, трахается, трахается, и еще раз трахается.

Это... скучно.

И да, я наблюдала за ним. В конце концов, он часть моего плана.

Он просто еще не знает об этом.

Впрочем, скоро ему станет ясно. Очень скоро.

— Опустит руку, Ван Дорен.

Эйден останавливается перед нами. Он улыбается, но в его улыбке нет теплоты.

Глубина.

Человеческое отчаяние.

Это то, что делает его красивым, не как парня, а как того, кто выделяется из толпы нормальных.

Эйден совсем не такой. Он огромная тьма с небольшим количеством света, который он показывает только Эльзе.

— Ой, Кинг. — мой брат ухмыляется. — Она моя сестра.

— Вы не одной крови. На самом деле... — он делает паузу. — Даже если бы вы были кровными родственниками, я бы все равно сказал тебе убрать руку.

Эльза подавляет смех, прикусывая нижнюю губу, когда Эйден тянет ее к себе за другое запястье. Я наклоняю голову, когда она прижимается к нему, обнимая его за талию, в то время как он держит ее рукой за поясницу.

Словно они не могут стоять достаточно близко или касаться друг к другу достаточно долго.

Зачем им это делать?

Человеческое прикосновение переоценивают. Я пробовала, и это действительно не имело значения. По крайней мере, не так, как я хотела.

Нокс и Эйден вступают в какой-то спор, который на самом деле не регистрируется. Как будто они говорят в открытом космосе — понятия не имею, то ли я блокирую это, то ли это просто больше не существует для меня.

Когда я возвращаю свое внимание к телефону, в моем периферийном зрении появляется резкий яркий свет. Поднимая голову, мои глаза сталкиваются с этим возмутительно симметричным взглядом, меня встречает ухмылка, совершенная, собранная воедино и достойная сына Графа.

Я могла бы поклясться, что кто-то только что посмотрел на меня, но он единственный в поле зрения. Кто-то с его репутацией и поверхностностью даже не знает, как смотреть в упор. Ронан все время смеется и хорошо проводит время до такой степени, что негативность считается ниже его. Я никогда не видела его сердитым или недовольным. Даже когда Эльзу отвезли в отделение неотложной помощи, он появился, полный смеха и шуток, пытаюсь подбодрить ее.

— *Bonjour, ma belle* — *Привет, моя красавица*, — говорит он мне легким, приветливым тоном, и думаю, что в этом тоже есть какой-то флирт, но я не уверена.

Ma belle.

Моя красавица.

Не знаю, почему он так меня называет, если никогда не считал меня красивой. Я слышала, как он разговаривал с Кимберли — лучшей подругой Эльзы — на днях, и когда она сказала ему, что я симпатичная, он ответил: «Есть симпатичная, а есть жуткая, и она относится к последней категории. Ммммлады?»

Это был первый раз, когда кто-то произнес эти слова. Жуткая? Конечно. Я чувствовала это во время моего ограниченного общения с людьми, но никто не говорил об этом вслух, или, может, никто не говорил об этом вслух, чтобы я это услышала. Они обычно думают, что я сумасшедшая, ненормальная... странная.

Мне любопытно посмотреть, что он почувствует теперь, когда вынужден жениться на жуткой, но у меня нет ни мыслей, ни терпения продолжать это.

Любопытство может быть полезным, но результат обычно катастрофичен, а у меня нет на это времени.

Снова сосредоточившись на своем телефоне, я оборачиваюсь.

Они все так заняты разговорами, что сомневаюсь, что кто-нибудь заметит мое отсутствие.

Нокс подталкивает меня локтем, на его губах играет хитрая усмешка.

Ладно, кто угодно, только не мой брат.

Я игнорирую его и иду по коридору. Мне придется выбрать более длинный маршрут, чтобы добраться до класса.

Я не возражаю, пока это выводит меня из этого круга.

Отсутствие разговорчивости может стать недостатком в окружении людей, которые не затыкаются. Иногда компания друзей Эльзы и Эйдена бросает замечания в мою сторону, и я обычно понимаю это слишком поздно. Ненавижу это.

Не моя вина, что я не такая остроумная, какими кажутся все они.

Я прохожу мимо безликих студентов и пытаюсь сосредоточиться на одном из них, прищурившись, чтобы сформировать образ. Насколько это может быть тяжело? Два глаза, нос и рот. Так просто.

Но нет.

Мне нужно много внимания, чтобы сфокусировать лица, своего рода знакомство, но у меня все еще нет этого со студентами КЭШ. У того, на ком я концентрируюсь, едва есть глаза; они размыты, и человек быстро проходит мимо меня, разрушая все, над чем я работала.

Я качаю головой и снова обращаю внимание на телефон.

Возможно, однажды, после окончания войны, я буду стоять в общественном месте и узнаю каждое лицо и каждого человека. Я буду нормальной.

Хотя, что такое быть нормальной? Я никогда не жила этим, никогда не испытывала этого, так почему я так сильно этого хочу?

В конце концов, я человек, как говорит мой психотерапевт. Я могу отрицать это сколько угодно, но продолжаю возвращаться к тому, что считается нормальным, даже без моего разрешения.

Дурацкая анатомия.

— На пару слов, *ta belle* — моя красавица, — шепчет мне на ухо сзади низкий голос.

Я вздрагиваю, мои руки дрожат, чуть не роняя телефон на пол.

Что-то дергается у меня в груди, будто невидимые руки роются в моих органах.

Мне требуется слишком много времени, чтобы восстановить контроль над дыханием.

Отказываясь показывать реакцию Ронана, я продолжаю идти, словно он только что не запустил мой второй триггер за день. Сначала Нокс, теперь он.

Обычно я лучше осведомлена о своем окружении именно по этой причине, но я провела всю ночь в поисках и просмотре видео своего противника, убеждаясь, что я знаю его лучше, чем он сам себя.

Думаю, что недостаток сна может вызвать недостаток внимания.

— Ты меня слышала? — он говорит с этой улыбкой, приклеенной к его лицу, идя в ногу со мной.

— Да, и мое молчание было ответом, точно так же, как я ушла, чтобы перестать находиться в непосредственной близости от тебя.

— Ты все неправильно понимаешь, но я великодушен, поэтому исправлю твоё заблуждение. Молчание это знак подтверждения.

— Для меня это знак отрицания.

Я иду быстрее, чем обычно, но все бесполезно. Он намного выше меня, и его ноги сокращают расстояние, не отставая от меня без каких-либо дополнительных усилий.

— Это прекрасно.

Он улыбается, но я не думаю, что он верит в сказанное — я имею в виду ту часть, где он думает, что это прекрасно.

Нет.

Он настолько понятен, насколько это возможно. Даже с моими странными отношениями с чувствами, я могу понять его. Я наблюдала за ним неделями подряд, прежде чем решилась на этот шаг. Он не может ничего прятать в рукаве.

— Ты не против?

Я останавливаюсь, жестом показывая ему, чтобы он шел вперед. Мы с Ронаном часто бросаемся колкостями друг в друга. Что? У меня аллергия на его чрезмерную позитивность, и я не могу молчать об этом. Он всегда мстит, и вскоре мы сталкиваемся лбами.

Но это только тогда, когда кто-то рядом.

Я никогда не провожу время наедине с Ронаном, и на то есть причина. Он всегда окружен людьми; просто наблюдать издали кажется удушающим.

— Вообще-то, против. — он снова улыбается, добавляя подмигивание, но это не мне — это девушке, проходящей мимо. — Вечеринка у меня дома, Ники!

Она несколько раз кивает, как нетерпеливый ребенок рождественским утром, а затем краснеет, когда он вновь подмигивает ей.

Я обхожу его и продолжаю свой путь. В конце концов, я не хочу мешать его мужским похотям.

Я направляюсь напрямик в библиотеку, чтобы вернуть книгу *«Военная История и Атлас Наполеоновских Войн»*. Я прочитала ее вчера вечером, так что я могу взять еще что-то.

Я встаю перед полкой, когда сильная рука хватает меня сзади за руку.

Третий и последний триггер.

Мое сердце почти перестает биться, когда я кричу. Звук такой громкий, что закладывает уши.

Только оттуда не доносится ни звука.

Рука крепко сжимает мой рот, убивая любой протест, который я могла бы выразить.

Я смотрю в симметричные глаза Ронана. В них нет ни смеха, ни подмигиваний, ничего знакомого. Они немного пустые, немного слишком... пустые.

Как будто я смотрю на другого человека.

Перемена исчезает через секунду, когда на его лице появляется ухмылка, и вот так просто возвращается поверхностная версия.

Была ли она вообще? Возможно, это изменение было игрой моего воображения из-за триггера, который я только что испытала.

У меня до сих пор звенит в ушах от этого эффекта.

Тем не менее, моя грудь поднимается и опускается так тяжело, будто в моем сердце уже началась война, и теперь она вот-вот захватит меня.

Ронан опускает руку, словно он не просто заглушил мой крик и не спровоцировал мой чертов эпизод.

— Какого черта, по-твоему, ты делаешь? — огрызаюсь я.

— Тише. — он подносит указательный палец ко рту, указывая на миссис Эббот, библиотекаря. — Мы в библиотеке.

— И что ты здесь забыл? — шепчу я.

— Я же говорил. — он возвращает мне мое личное пространство, будто он не конфисковал его секунду назад. — Я хочу поговорить с тобой.

— А я сказала тебе, что не горю желанием.

Я поворачиваюсь, тяжело дыша и пытаюсь подавить тень на моем плече, пытаюсь не дать ей наброситься на меня.

Мне нужно убраться отсюда к чертовой матери и принять таблетку, чтобы успокоиться. Иначе я буду нервничать весь чертов день.

Мои эпизоды оказывают на меня такое влияние.

Рука взлетает перед моим лицом, и я отталкиваюсь, вздрагивая, когда она хватается за полку, блокируя выход.

Черт бы его побрал.

Я уже чувствую обычную одышку и дрожь в пальцах ног. Если он продолжит это делать, у меня действительно не будет возможности остановить то, что назревает на расстоянии.

С таким же успехом можно покончить с этим.

— Хорошо. — я выдыхаю, встречаясь с ним взглядом. — Чего ты хочешь?

— Рад, что ты передумала. — он с улыбкой наклоняет голову.

Передумала? Скорее, он вынудил к этому.

Мудак.

Я до сих пор не могу точно определить, сделал ли он это нарочно или это был удачный удар. Пожалуйста, пусть это будет последнее, потому что, если это первое, я в беде.

Самое лучшее в составлении планов это следовать им до конца. Все это домино; как только одно падает, другие вскоре следуют за ним.

Я единственная, кто может толкнуть первое домино. Никто не сделает за меня.

Я постукиваю ногой по полу и шепчу из-за строгой политики библиотеки.

— Я жду на случай, если ты не заметил.

— Ох, я действительно заметил. Это не значит, что меня это волнует. Это касается меня, а не тебя, *ta belle* — *моя красавица*, не забыла?

Высокомерный придурок.

— Если есть какой-то смысл, ты уже должен был его достичь.

Я притворяюсь, что смотрю на часы. Цифры видны, но по какой-то причине я, кажется, не могу определить время. Дерьмо. Этот эпизод хуже любого из моих недавних.

— Вот в чем дело, *ta belle* — *моя красавица*. Мой отец сказал мне, что у меня появится невеста. Сначала я был с этим в порядке, так как это была Эльза, но, по-видимому, произошел внутренний обмен сестрами, будто мы находимся в средневековье. Я знаю, что принадлежу к аристократии старой школы, но такое поведение наглое — представь это в тоне королевы. В любом случае, суть в том, что я не нуждаюсь в невесте. Мне только что исполнилось восемнадцать, и у меня есть блестящий план, который начинается с того, что я останусь холостяком в течение следующих пятнадцати лет и буду трахаться с экзотическими девушками по всему миру. Дело не во мне, а в тебе. А теперь сделай мне одолжение и исчезни, черт возьми, мммлады? — он ухмыляется.

— Зачем мне это делать? — я не медлю.

— Что?

— С чего мне делать тебе какие-то одолжения? В последний раз, когда я проверяла, я тебе ничего не должна.

Он усмехается, звук низкий и сдержанный в тишине библиотеки.

— Этого ты хочешь? Быть мне чем-то обязанной?

— Это не относится к сути. Я имела в виду, что я не обязана что-то для тебя делать. Ни сейчас, ни когда-либо.

— *Ma belle, ma belle* — *Моя красавица, моя красавица...* — он все еще улыбается, размышляя. — Я называю тебя *ma belle* — *моей красавицей*, но ты постоянно упускаешь суть.

Его слова заставляют меня задуматься. Что это должно означать? Я сопротивляюсь желанию спросить его именно об этом, и у меня есть проблема с тем, чтобы не быть прямолинейной. Словно слова задушат меня, если я их не произнесу. Если он хотел напугать меня, то будет разочарован, потому что не получит никакой реакции.

Он протягивает руку к моим губам, прикосновение мягкое, почти как перышко. Как раз в тот момент, когда я собираюсь освободиться, он надавливает на нежную кожу и размазывает мою фиолетовую помаду по щеке, заставляя мою челюсть двигаться в такт движению.

— Думаю, ты пропустила памятку о макияже. Он должен делать тебя красивой, а не уродовать.

Я застигнута врасплох его грубым прикосновением, и едва слышу тихо, произнесенные слова. В его прикосновениях так много противоречий, как он мягко начал, а потом, как грубо закончил, как он нежно говорил, но в то же время придал им подлый оттенок.

Я отрываю голову от его непосредственной близости. Его губы кривятся в ухмылке, прежде чем он быстро маскирует ее своей обычной непринужденной улыбкой.

Что. За. Черт.

— Итак, вот в чем дело. Во время завтрашнего ужина я хочу, чтобы ты села, как хорошая маленькая девочка, и сказала всем, что не принимаешь эту помолвку, а потом я подарю тебе новый набор фиолетового дерьма для макияжа. Договорились? Рад иметь с тобой дело.

— Если ты так против того, чтобы жениться на мне, почему бы тебе самому не высказаться?

Я знаю почему, но то, что я действую ему на нервы, справедливо только после того, как он не только спровоцировал мой приступ тревоги, но и дал мне предчувствие, что он способен разрушить мой замок домино.

Ронан Астор единственный наследник Графа, и у него нет возможности отказаться от желаний своего отца. Он идеальная марионетка, которую кто-то использует из-за его симметричного лица и игривого характера.

Он всегда должен был жениться по договоренности, и у него нет возможности отказаться. Это означало бы опозорить фамилию великого Эдрика Астора, чего человек никогда не допустит.

Вместо гнева или, по крайней мере, раздражения, как я ожидала, его ухмылка становится еще шире.

— Зачем мне говорить, когда я поручаю тебе выполнять грязную работу, *ta belle* — *моя красавица?*

Я буду выполнять не только твою грязную работу.

Вместо того чтобы сказать это, я улыбаюсь ему, подражая его улыбке, но я плохо умею притворяться, поэтому сомневаюсь, что это выходит чем-то иным, кроме гримасы.

— А если я откажусь, ваша светлость?

— Я дам тебе один совет просто потому, что ты сестра Эльзы и Нокса.

Я не получаю предупреждения, прежде чем он хватает меня за затылок. Его рука заполняет крошечное пространство, шокируя мою кожу, обхватывая шею сзади.

Аромат чего-то пряного наполняет мои ноздри, когда он наклоняется, чтобы прошептать мне в мочку уха.

— Беги, *ta belle* — *моя красавица.*

Глава 3

Ронан

Быть мной легко.

Есть несколько рецептов успеха.

Первое, всегда улыбайся.

И все. Тебе больше ничего не нужно. Есть какой-то философ, который сказал, что люди проигрывают свою борьбу, свой гнев и даже чувствуют себя униженными, когда вы противостояте их злобе с улыбкой.

Хотя я подозреваю, что он имел в виду это как: *«Старайтесь быть хорошими людьми, дети.»* Должно быть, я как-то пропустил эту часть своего философского путешествия, которая в основном состоит в слушании, как Коул несет чушь о последней прочитанной им книге.

Зачем тратить свою жизнь на чтение книг, когда вы можете прожить ее? Когда вы можете вдохнуть ее в свои легкие и выдохнуть обратно в мир?

В то время как такие ботаники, как Коул, тонут в книгах, я даю авторам вдохновение и материал. Моя жизнь лучшая форма повествования, которая когда-либо существовала.

Не благодарите меня пока.

Я зеваю, спотыкаясь, поднимаюсь с кровати и принимаю роботизированное положение стоя. Первая странная вещь, которую я замечаю, это отсутствие плоти. Я имею в виду, девушки. Знаете, их конечности обычно обвиваются вокруг меня парами по три или четыре — у меня нет предела.

Сегодня в моей постели никого.

Конечно, я недостаточно выкурил травки, чтобы представить себе конкретно веселую ночь, так? Черт, если бы я это сделал, мне понадобилось бы больше того дерьма, которое мне продал Ливерпульец.

Я, пошатываясь, иду в ванную и быстро принимаю душ. Этого недостаточно, чтобы разбудить меня, поэтому я стою у раковины и плещу водой себе в лицо. Когда я поднимаю голову, выражение лица приветствует меня в зеркале.

Люди говорят, что вы знаете, как вы относитесь к себе, по тому, как вы реагируете на отражение своего лица. Если вы хмуритесь, значит, вы несчастливы. Если гримасничаете, у вас проблемы с уверенностью.

Мое лицо автоматически расплывается в улыбке. Чертовы лжецы. Есть и другие типы людей, такие как я. *Попробуйте найти для меня категорию, ублюдки.*

Я чищу зубы и отдаю утреннюю дань уважения Рону Астору Второму. Да, это имя моего члена, и да, мне всегда нужно давать ему утреннюю рутину. Обычно рядом есть рот девушки, готовый облегчить ему день, но сегодня ему придётся возобновить роман с моей рукой.

Серьезно. Была ли прошлая ночь настоящей, или мне нужно больше травки?

Я возвращаюсь в свою комнату и нахожу Ларса, разглаживающего мою отглаженную униформу на застеленной кровати. Клянусь, у него сверхзвуковая скорость. Когда, черт возьми, он вообще застелил кровать?

Комната светлая, блестящая и пахнет каким-то лавандовым дерьмом. Нам не хватает только единорогов для идеальной драмы.

— Доброе утро, Ларс. — я направляюсь к своему шкафу. — Сегодня у нас ужин. Никакой формы.

— Вы попросили напоминать вам, чтобы вы надевали форму, чтобы его светлость и ее светлость не заподозрили, что вы прогуляли школу.

Он говорит профессиональным старым тоном, похожим на BBC. Он лишнего смотрит «*Аббатство Даунтон*» и воспринимает все это слишком серьезно. Я даже подозреваю, что у него где-то спрятана маленькая черная книжечка с заметками.

Ларсу под сорок, он высокий, худощавого телосложения. На нем черный смокинг дворецкого с бабочкой и белые перчатки. Поскольку он главный дворецкий, он заставляет всех одеваться так, как он, и в этом он нацист.

Его голубые глаза могут показаться вежливыми, но он будет судить вас ими до бесконечности, если вы не вздернете мизинец, когда будете пить чай, который он приносит.

Я щелкаю на него пальцами.

— Спасибо, что напомнил мне о моих гениальных мыслях, Ларс.

— В любое время, сэра.

— Отца и матери здесь нет — забудь о сэре.

— Да, юный лорд.

— Ты не смешной, Ларс.

Его лицо остается стоически — снобистским, на самом деле, что является его дефолтом. Никогда не знаешь, осуждает он или дразнит, как сейчас.

Я натягиваю брюки, и тут моя память возвращается.

Блядь.

Мать и отец возвращаются сегодня. Вот почему не было девушек и..

Вечеринка.

— Все в порядке? — спрашиваю я Ларса, глядя на него краем глаза.

— Да, как эта комната.

— Идеально. Ты лучший, Ларс.

Не только потому, что он прикрывает меня, но и потому, что делает он это блестяще.

Он не хочет, чтобы мои родители разочаровались во мне, поэтому мы с ним заключили сделку, как только я проявил особый интерес к вечеринкам.

— Я знаю это, — говорит он с холодным выражением лица. — Беру свои слова обратно.

— При всем моем уважении, ты не можешь забрать комплимент обратно.

— Наблюдайте.

Я застегиваю рубашку, а затем пиджак в рекордно короткое время. Опаздывать это вроде как моя фишка. Иногда я даже одеваюсь в машине.

— Если вы меня извините. — Ларс подходит ко мне и разглаживает мой пиджак несколькими профессиональными рывками. — А теперь, пожалуйста, сделайте что-нибудь со своими волосами.

— Хочешь сказать, что мои волосы в беспорядке?

— Ваши слова, не мои, сэр.

Его тон не меняется.

— Да пошел ты, Ларс, ммлады? Если бы ты знал, чему вчера стали свидетелями мои волосы, ты бы не говорил таких вещей.

— Полагаю, вы их помыли?

— Мне любопытно, Ларс. Ты все еще девственник? Потому что, если это так, я могу организовать для тебя оргию.

Выражение его лица остается прежним.

— Вы даже не можете спланировать свой день.

— Планировать свой день не моя специальность. Оргии да.

— И я должен быть впечатлен?

— Черт, да, ты должен.

— Пас.

— Ларс!

— Да, юный лорд?

— Я лучший в том, что делаю.

— Поверю вам на слово.

Ларс уходит, и я следую за ним, перечисляя свои качества, чтобы он согласился. С тех пор как я был ребенком, с ним всегда было так. В конце концов, я провожу с ним больше времени, чем с собственными родителями.

Это также лучше, потому что он лучший организатор вечеринок во всем Лондоне.

Мы выходим из моей комнаты и поднимаемся по мраморной лестнице. Наш особняк — нет, особняк семьи Астор — вековой, со времен Генриха V.

Есть две широкие лестницы, разделяющие прихожую. Портреты моих умерших предков смотрят на меня со снобистски-надменным выражением лица. У всех нас общий нос, который является гордостью отца и причиной, по которой он знал, что я, без сомнения, его сын.

Его слова, не мои.

Я тоже улыбаюсь им. Что? То, что они мертвы, не значит, что они не заслуживают капельку любви.

Как сказал Ларс, все на месте, все в порядке. Кухонный персонал снует по столовой с посудой и всякой всячиной. Весь дом пахнет жасмином, мамой, ее весенним присутствием и всем этим джазом. Это единственный запах, который меня не слишком возмущает.

Кроме травки.

Джон вбегает, переводя дыхание. Он помощник Ларса, и да, Ларс чопорный и правильный, ему нужны помощники, календари и порядок.

— Его светлость здесь, — кричит Джон, как в какой-то пьесе.

И точно так же, как в пьесе, сцена меняется от шарканья ног, все стоят в очереди, будто они военные или что-то в этом роде.

Я натягиваю улыбку, когда двойные двери открываются и входит мой отец во всей красе его светлости.

Ладно, это ложь — никакой славы нет, только титул. И ладно, может, слава следует за титулом.

Он был прав, сказав, что я его сын; это видно. Мы примерно одного роста, но я немного стройнее. За эти годы его лицо приобрело смертоносный оттенок, придавая ему более взрослый мужской вид, ничего похожего на часть мальчишества, все еще рассеянного на моем.

У нас общие глаза и гордый нос Асторов, как он это называет. Я точная копия, реплика.

Будущее ковена ведьм. Извините, я имею в виду клан.

Крошечная женщина держит его за хрупкую руку, кажущуюся такой маленькой по сравнению с его потусторонним существованием, но выражение ее лица совсем не маленькое. Она слушает что-то, что он говорит, и ее лицо светится состраданием, нежностью... любовью.

Черт, как сильно она любит этого тирана. Как много она пережила, просто чтобы быть с ним, оставив не только свою страну, но и свою семью, чтобы быть рядом с ним.

Лицо Лорда Астора остается пустым, когда он говорит с ней, ни выражения, ни улыбки, ничего. Мы согласны с тем, что папа робот, и под «мы» я подразумеваю Ларса и меня.

Хорошо, Ларс просто слушал с осуждающим выражением лица, пока я сообщал ему об этом факте.

Персонал кланяется при входе моих родителей. Это.. что? Несколько месяцев с тех пор, как они почтили меня своим присутствием?

В последнее время они часто этим занимаются, исчезают, чтобы поехать на конференции, или, скорее, мой отец, тащит мою мать с собой на другой конец света, например, в Индию и в гребаную Австралию.

Из не было, когда я был ребенком, но я думал, что это закончилось где-то в средней школе. Нет, они вернулись к этому, как наркоманы, ищущие кайф.

Не то чтобы я жалуясь. В конце концов, я могу устраивать в этом особняке все вечеринки, какие захочу, каждую ночь. Беспроигрышный вариант.

В тот момент, когда мамины глаза падают на меня, они светлеют и смягчаются. Я почти представляю, что она кажется слишком слабой и худой, или это только ее бледный цвет лица? Она отпускает моего отца и бежит ко мне, не обращая внимания на свое длинное платье.

— *Mon chou!* — *Мой, малыш!*

Мы с папой тянемся к ней, когда она спотыкается, но в последнюю секунду она спохватывается и сжимает меня в крепких объятиях. Мне приходится наклониться, чтобы она могла прижаться щекой к моему плечу. От нее пахнет жасмином, теплом.

Безопасностью.

— Я так сильно скучала по тебе.

Она говорит с легким французским акцентом, от которого не смогла избавиться даже после того, как прожила в Англии двадцать три года.

— Я тоже скучал по тебе, мама.

И я не шучу. Возможно, я скучал по ней больше, чем когда-либо признаю.

Ее отсутствие вызвало то, о чем мне даже не нравится думать.

Не было ни безопасности, ни жасмина — как в тот раз.

— *Mon petit ange* — *Мой маленький ангел.* — она отстраняется, обхватывая мои щеки своими хрупкими руками. — Хотя ты уже не маленький. Я должна начать называть тебя *mon grand* — *мой большой.*

— Верно. Ты видела эти мышцы? — я ухмыляюсь, и на этот раз это не автоматически или вынужденно.

— Ох, я вижу. Ты так сильно вырос, а меня не было рядом.

Рыдание вырывается из ее горла.

— Мама...?

— Шарлотта.

Через секунду мой отец оказывается рядом с ней, обнимая ее за плечи. Это его способ контролировать ее, заставлять ее вести себя так, как ему нравится.

Словно он нажал на кнопку, она выпрямляется, вытирая большим пальцем под глазом.

— Должно быть, это усталость после перелета.

Или твой муж контролирует твою натуру.

— Приведу себя в порядок, прежде чем мы примем гостей. Я так рада, что ты решил это сделать. — она поднимается на цыпочки и целует меня в щеку, ее губы дрожат, прежде чем она отстраняется. — Я не уйду на этот раз, *mon chou* — *мой малыш*, я обещаю.

— Шарлотта. — отец предупреждает ее в своем обычном «*делай по-моему, или я брошу тебя на шоссе*» тоне.

— Я сейчас вернусь, *mon amour* — *моя любовь*.

Она целует его в щеку, прежде чем направиться к лестнице.

Отец жестом указывает Ларсу следовать за ней, и он делает это с кивком. Остальные сотрудники разбегаются, как муравьи, еще одним движением его пальца.

Mon amour — *Моя любовь*.

Это слово оставляет кислый привкус у меня во рту. Как он может быть ее любовью? Он ее тиран.

Тиран Поместья.

Я пытался убедить Коула написать эту книгу. Я дам знать, как все пройдет.

Отец продолжает наблюдать за мамой, пока она не исчезает на лестнице. Когда он, наконец, фокусируется на мне, его пустое выражение возвращается.

Я улыбаюсь.

— Привет, отец.

Вот чего от меня ждут: улыбки, звездного поведения и заткнуться нахуй.

На несколько секунд воцаряется тишина. Моя улыбка не дрогнула. В конце концов, я профессионал.

— Слышал, ты знаешь свою невесту со школы.

Он сразу переходит к сути дела в типичном для Эдрика прямом стиле.

— О какой из них мы говорим? Их несколько.

Выражение его лица остается прежним.

— Тил Ван Дорен.

— Она. Хм, уверен, ты знаешь, что она не настоящая дочь Итана, верно? С тем, что у него фамилия Стил, а она Ван Дорен и все такое? Мы вообще уверены, что она не из семьи того немецкого нациста, который убил моего прадеда во Второй Мировой Войне? — я двигаюсь за ним, затем крещусь, говоря драматическим тоном. — Покойся с миром. Ты хорошо служил нашей стране.

— Это мой прадед, а не твой, и он умер в семьдесят лет от пневмонии.

— Ох, тогда, быть может, это тот, кто позади меня?

— Как насчет того, чтобы перестать ходить вокруг да около. Ты хочешь что-то сказать мне, Ронан?

— Нет?

Это не должно было прозвучать как вопрос.

Ларс, ты чертов дурак.

Если он упомянул что-нибудь о вечеринке, я подсыпаю в его драгоценный чай дешевые продукты из магазина, которые его снобистская сторона так ненавидит. Посмотрим, как он отреагирует, когда я уничтожу его заначку.

— Никаких возражений по поводу помолвки?

Мой отец преподносит это как вопрос, но на самом деле дает понять, что не примет никаких возражений.

Не то чтобы я стал бы что-то делать.

Я знаю, чего от меня ждут. Когда рыба поймана в сеть, самые умные не двигаются; если они пытаются, то истощают остатки своей энергии и быстрее умирают.

Теперь, если я сохраню эту энергию, я смогу торговаться за большее. Кстати, я научился этому сам; я не нуждался в книгах Коула по философии.

В тот момент, когда я родился, и мои родители решили, что второй ребенок не нужен — да пошел ты, нерожденный второй ребенок, кстати, —

меня воспитали так, чтобы я знал свои обязанности единственного наследника.

Я могу сделать это простым способом, или могу поссориться со своим отцом и причинить боль матери.

Я бы никогда этого не сделал — я имею в виду, быть источником маминой боли. Она одна из немногих причин, по которым я остаюсь на плаву, и не могу испортить ей жизнь.

Брак по расчету стоит на первом месте в списке обязательных дел. Однажды я сделаю это, как и ожидалось от меня.

Только этот день не сегодня и даже не через пятнадцать лет.

Вот почему моя маленькая игрушка сыграет свою роль и скажет «нет» во время сегодняшнего ужина.

Я уже послал ей указание, от которого она была бы дурой, если бы отказалась.

Тил не первая, кого я тайно убедил отказаться от брака по договоренности от моего имени. Скажем так, отец уже много лет пытается свести меня с дочерьми своих коллег.

Я сказал Ларсу, что отец похож на одну из тех скучающих домохозяек, которым нечем заняться, кроме как играть в сваху. Ларсу было не до смеха — не то чтобы ему когда-нибудь есть дело до смеха.

Тил склонится, как и все они.

Моя ухмылка становится шире, и он хмурится. Интересно, знает ли он, что за чертовщину скрывает моя улыбка?

— Вообще нет, отец. Все будет идеально.

Глава 4

Тил

— Мы можем развернуться и уйти сию же минуту, Тил.

Папа хватается за локоть, заставляя остановиться перед двойными золотыми дверями особняка Астора.

Эльза, Нокс и Агнус тоже останавливаются. Мой брат пользуется случаем и приглаживает свою джинсовую куртку и волосы. Эльза бросает на меня умоляющий взгляд, молча моля подумать над этим.

Агнусу, правой руке отца, сорок три года, и он так хорошо сложен, что заставляет молодое поколение бегать за своими деньгами, и теперь он наблюдает за мной с нейтральным выражением лица. Мы с Ноксом прожили с ним много лет, и я знаю, что нейтралитет означает, что он заботится — в какой-то степени. Он просто не показывает этого.

Как я.

Возможно, именно поэтому я смотрю на него снизу вверх, ожидая, что что-нибудь, что угодно, сорвется с его губ.

Он ничего не говорит.

Папа нежно берет меня за локоть и встает передо мной. Он тоже широкоплечий и хорошо сложенный, не такой, как Агнус, но у папы аристократическое лицо. Он теплый, но твердый. Благородный, но в каком-то смысле старомодный.

Его каштановые волосы уложены как у настоящего джентльмена, а костюм, как и у Агнуса, сшит, чтобы произвести впечатление. На самом деле, у всех одежда такая. Даже мой глупый брат нашел время, чтобы надеть свое лучшее, хотя обычно он надевает футболку Metallica, будто это единственная доступная вещь.

Эльза одета в нежно-голубое платье, которое дополняет цвет ее глаз. Папа и Агнус в темных костюмах, которые они обычно приберегают для бизнеса — потому что это то, о чем идет речь: бизнес.

Я выбрала черную тюлевую юбку, доходящую до колен, чулки в сеточку и ботинки. На мне также белая футболка — без надписей спереди — и черная джинсовая куртка. Волосы прямые, как обычно, чуть ниже подбородка. Единственное, от чего я отказалась, это черный макияж.

Думаю, ты пропустила памятку о макияже. Он должен делать тебя красивой, а не уродовать.

Нет, это не из-за его слов. Ронан Астор не влияет на мои решения и никогда не повлияет. Даже если я надену его обручальное кольцо.

Причина, по которой я выбрала обычную подводку для глаз, немного туши и розовую помаду, проста: произвести впечатление.

Потому что как только сегодняшний день закончится, мой план осуществится.

Я улыбаюсь папе, и это настоящая улыбка, благодарная. Когда мы с Ноксом столкнулись лицом к лицу со смертью, он спас нас, заставил называть его папой и настоял, чтобы мы продолжали это делать даже после его девятилетней комы.

Он единственный отец, который у меня когда-либо был, и я никогда не выражала ему своей благодарности. Это мой шанс сделать все правильно.

— Я хочу сделать это, папа. Я не против.

— Тил... — Эльза умоляет.

— Ну что, идём? — я указываю на дверь.

Прежде чем кто-либо из нас успевает что-либо сделать, двойные двери распахиваются, как в какой-нибудь сказке, и напротив стоит высокий мужчина в костюме дворецкого в комплекте с белыми перчатками и бесстрастной улыбкой.

— Добро пожаловать в поместье Астор.

Только это не сказка — или, возможно, это сказка, с изюминкой.

В конце концов, герой не победит. Злодей перевернет жизнь каждого человека.

Чего все не знают, так это того, что злодей не всегда был злодеем. Когда-то давным-давно они были жертвами.

— Мы всегда приходим сюда на вечеринки Ронана, — шепчет Нокс Эльзе и мне. — Что за формальности?

— Я думал, ты не ходишь на вечеринки? — папа бросает на него косой взгляд.

Нокс ухмыляется.

— Я все еще твой любимый сын, пап. Признай это.

Мой отец с легким раздражением качает головой, когда дворецкий ведет нас через большой коридор, заполненный средневековыми портретами. Обычно на вечеринках, проводимых здесь, рядом со всеми этими стояли бы охранники, чтобы никто из студентов КЭШ не испортил их.

Нас ведут к большому обеденному столу. Эта комната всегда закрыта и недоступна для завсегдаев вечеринок. Все делается не просто так.

Комната похожа на сцену из старинного фильма. Сверху свисают золотые люстры, а стулья, окружающие огромный стол, пригодный для армии, высоки и предназначены для того, чтобы проглотить таких крошечных людей, как я.

Во главе стола стоит хозяин поместья. Граф Эдрик Астор, член Палаты Лордов, безжалостный инвестор, верный муж.

И сумасшедший человек.

Он улыбается нам, протягивая руку, чтобы его жена могла подняться со стула и встать справа от него.

Она элегантна и бледна, почти как одна из тех горничных викторианской эпохи, которых заставили выйти замуж за влиятельного Лорда.

Что-то в моей груди щиплет при виде нее, ее лучезарной улыбки и растраченной красоты. Что она сделала, что вышла замуж за монстра?

Ронан стоит слева от отца, ухмыляясь, как идиот. Я не встречаюсь взглядом ни с ним, ни с его отцом. Если я это сделаю, у меня могут появиться те признаки, которые могут спровоцировать эпизоды.

— Добро пожаловать, Итан. — Эдрик указывает на стул. — Прошу. Для меня большая честь видеть вас среди нас.

Папа, Агнус и Эдрик обмениваются любезностями. Его жена Шарлотта обнимает Нокса, а затем Эльзу. Когда наступает моя очередь, я заставляю себя оставаться неподвижной, готовясь к физической атаке, — и у меня вроде как ничего не получается. Вместо того чтобы обнять меня, она оглядывает меня с ног до головы, но без злобы. Это больше похоже на... чистый интерес.

Я ерзаю, а затем останавливаю себя, когда понимаю, что делаю. *Черт.* Я просто нервничаю или что-то в этом роде? Я не нервничаю — по крайней мере, обычно.

Ее губы растягиваются в самой теплой улыбке, которую я когда-либо видела на человеческом существе. Это меняет ее черты, делая ее моложе и мягче. Когда она говорит, в ее голосе слышится отчетливый французский акцент.

— Мне нравится твое чувство стиля.

Обычно, когда люди так говорят, это звучит с ядовитым оттенком. Только не у Шарлотты.

Она притягивает меня ближе и обнимает своими руками.

— Я так рада познакомиться с тобой.

Я неловко, почти машинально похлопываю ее по спине, и как раз в этот момент мои глаза встречаются с темными глазами Ронана. Его ухмылка на секунду колеблется, когда он смотрит на меня и мою руку на спине его матери.

Затем его внимание скользит к моему лицу. Если бы у глаз был язык, он бы сказал, что хочет поймать меня в ловушку и размазать мою помаду в темном углу библиотеки прямо сейчас.

Я внутренне качаю головой, заставляя этот образ превратиться в дымку. Это единственное, о чем я думаю со вчерашнего дня. Есть небольшой шанс, что Ронан разрушит мой план. Вопреки моей первоначальной оценке, он не жиголо. Он использует образ жиголо только для других целей, и, поскольку я не знаю, что это, я не могу нанести контрудар так быстро.

То, как он прикасался ко мне, и то, как соскользнула его обычная поверхностность, означает, что в нем может быть больше глубины.

Но это не значит, что я откажусь от своего плана. Я наконец-то добралась, и ни один богатый избалованный парень не отнимет у меня справедливости.

Чем больше он наблюдает за мной, тем жестче я смотрю в ответ.

Если он думает, что я первая разорву зрительный контакт, он, должно быть, не знает, с кем имеет дело.

Его девчонки даже не идут ни в какое сравнение со мной. Он живет в одном мире, а я в совершенно другом.

Шарлотта отстраняется, закрывая яркое соревнование. Мы все занимаем свои места, и когда я сажусь рядом с папой, мой взгляд устремляется во главу стола.

Эдрик делает знак одному из сотрудников, и, как по волшебству, перед нами появляются тарелки. Они содержат много цветов с различными неотразимыми запахами. Нокс погружается в еду и теряет связь со своим ближайшим окружением.

Папа и Агнус болтают о бизнесе и акциях. Ронан шепчет что-то Ноксу — вероятно, об «обычных» вечеринках — и они оба смеются себе под нос.

Эльза продолжает посылать мне умоляющие сигналы через стол, даже когда разговаривает с Шарлоттой.

Я? Вокруг моей головы клубится черный дым, а на моем плече сидит тень.

Я не могу бороться с этим, когда смотрю на него, слышу его, его голос с этим отчетливым тенором. Все немного изменилось, но, в конце концов, прошло уже больше десяти лет.

Он все тот же: уверенный в себе, высокомерный и волк в овечьей шкуре.

Тогда я ничего не могла с этим сделать.

Теперь я уничтожу его наследие, сокрушу его фамилию и заставлю истекать кровью.

Мой телефон вибрирует в кармане куртки, и я вытаскиваю его из-под стола, думая, что это уведомление от одной из рассылки, на которую я подписана, или, возможно, клуба. Мое сердце трепещет при этой мысли. Это рискованно, но что, если они примут меня? Что, если они...

У меня опускаются плечи при виде того, что на экране.

Сообщение от Ронана.

Мое внимание переключается на него. Он все еще шутит и играет с Ноксом через стол; когда, черт возьми, у него было время написать сообщение?

Кроме того, я понятия не имею, как он взял мой номер, хотя это не первый раз, когда он пишет мне. Он прислал мне одно смс вчера вечером.

В сегодняшнем говорится:

Ронан: *Делай, как договорились.*

Я прокручиваю до вчерашних сообщений.

Ронан: *Мой отец спросит, согласна ли ты на помолвку, а ты извинишься и скажешь, что нет. Если тебе так хочется, некоторые слезы поощряются, но это не обязательно.*

Тил: *Зачем мне это делать?*

Ронан: *Затем, что, если ты этого не сделаешь, я разгадаю твой секрет и сокрушу тебя им, пока ты не пожалеешь, что встала у меня на пути. Ммммлады?*

Тил: *С чего ты взял, что у меня есть секрет?*

Ронан: *У всех есть секреты та belle* — моя красавица. *У некоторых просто более разрушительные, чем у других.*

Я не ответила на его последнее сообщение и не собираюсь отвечать на новое.

Конечно, секреты страшны, но, черт, он ни за что не сможет разгадать мои. Даже Нокс не знает всего об этом, и это о чем-то говорит, так как мы делились всем с утробы нашей матери.

Как только я засовываю телефон в карман куртки, холодный, шикарный голос Эдрика наполняет столовую.

— Как вы все знаете, мы здесь, чтобы начать отношения между нашими семьями. Для меня большая честь быть связанным с тобой, Итан.

Папа наклоняет голову.

— Для меня тоже, Эдрик.

Последний улыбается, и я крепче сжимаю салфетку перед собой.

— Но для начала мы должны получить одобрение молодых — в наше время и все такое. Ронан, ты согласен быть помолвленным с Тил?

Губы его сына изгибаются в почти маниакальной улыбке.

— Конечно. Это было бы для меня честью.

Честью?

Чертов лжец.

Почему он так искусно притворяется в своих чувствах? Почему я не могу этого делать?

— Тил? — спрашивает Эдрик, и требуется все мое мужество, чтобы не вскочить с места и не наброситься на него с вилкой — или, еще лучше, с ножом.

Мой взгляд вновь фокусируется на Ронане, который наблюдает за мной с той же самой улыбкой.

— Безусловно. — я передразниваю его улыбку. — Это большая для меня честь.

Поздравления рассыпаются вокруг нас, но тот, на ком я сосредотачиваюсь, не Агнус, как я изначально думала. Нет — это парень с ранее отвратительным симметричным лицом.

Ранее, потому что я больше не могу вызывать отвращение, как бы я ни старалась.

Его улыбка все еще на месте, но все его поведение становится более резким. Его глаза темнеют, плечи напрягаются, и он крепче сжимает ложку.

Все это небольшие, почти незаметные изменения, но признаки видны, и они указывают на одно.

Начало войны.

Войны это игровая площадка Смерти. Это место, где она забирает души и оставляет оставшихся в одиночестве.

Вы всегда становитесь жертвой войны, будь то потеря любимого человека или вашей собственности, или и того, и другого.

И прямо сейчас Ронан, похоже, готов заставить меня потерять все.

Не то чтобы я его боялась. Я не боюсь. Потому что чего он не знает, так это того, что я также готова заставить его потерять все.

Его рука исчезает под столом, и вскоре после этого у меня в кармане вибрирует телефон.

Я держу его на коленях и читаю текст.

Ронан: *Ты создала свой ад, и теперь я уничтожу тебя.*

Не так сильно, как уничтожу тебя я.

Я встречаю его взгляд одним из своих, печатая.

Тил: *Сделай это.*

Глава 5

Ронан

Команда останавливается после того, как помощник тренера объявляет тайм-аут.

Воздух мрачен, как серые облака, а школьное поле похоже на сцену из апокалипсиса — за вычетом тел.

Наша футбольная команда привлекает внимание всех дам. Они всегда появляются на нашей тренировке, выкрикивают наши имена и подбадривают нас. Я ухмыляюсь им, когда они стоят у трибун, а они машут и скандируют мой номер, тринадцать.

Правильно — мой номер. Излишне говорить, что я самый популярный. Мои друзья могут утверждать обратное, но они ошибаются, поэтому они не в счет.

Я направляюсь к скамейке с Эйденом и Коулом и хватаю бутылку воды, прежде чем Коул успевает ее достать. Я как раз заканчиваю пить, когда встречаю эти черные глаза, которым должно быть место в какой-нибудь готической сказке о черной магии и высасывании человеческих душ в небытие.

Тил стоит за барьером стадиона с Эльзой и несчастной на вид Ким — потому что Ксандера нет, и она слишком мягка для этого ублюдка.

Она все равно машет мне — я имею в виду Ким — и я подмигиваю, ухмыляясь, хотя я близок к тому, чтобы раздавить бутылку воды между пальцами.

Тил даже не смотрит на нас. Она сосредоточена на тренере, который кричит на новичка, спрашивая его, хочет ли он быть в команде или нет.

Ее телефон зажат между пальцами, почти забытый, но не совсем. Достаточно скоро ее концентрация возвращается к любому заклинанию вуду, которое там есть.

После ее выступления на ужине на прошлой неделе она вела себя так, будто ничего не случилось, будто она не испортила мой пятнадцатилетний план, включающий в себя отказ от брака.

Однако еще ничего не кончено.

Эта крошечная девушка с черными волосами и глазами и, возможно, черным сердцем, взбудоражила ту часть меня, которую я так долго скрывал, что на самом деле подумал, что, может, она начнет исчезать, но нет, она вернулась, пошатываясь, из мертвых.

И теперь она, блядь, заплатит за это.

— Что с тобой сделала эта бутылка? — спрашивает Эйден со своего места на скамейке.

Он тоже потягивает спортивный напиток, но все его внимание приковано к Эльзе. На его губах даже заметна легкая ухмылка; его мужское эго счастливо, что у нее вошло в привычку приходить и смотреть, как он тренируется, после того, как она была против этого в течение нескольких месяцев.

Коул сидит рядом с ним, вытирая лицо полотенцем. Мы все в синих майках и шортах Элиты с тех пор, как начали тренировку и играли против второй команды, которая вступит в силу в следующем году, как только мы все выпустимся.

Нокс шутит с вратарем, и я пользуюсь возможностью, которую предоставляет его отсутствие. Я врываюсь между Коулом и Эйденем и обнимаю их за плечи, многозначительно улыбаясь им.

— Вывод сил, Астор? — Эйден поднимает бровь.

— Нет, я нормально покурил свою обычную заначку. Хотя спасибо, что спросил.

— Он имел в виду отказ от секса, — уточняет Коул. — Ты не устраивал вечеринки уже неделю с тех пор, как вернулись твои родители.

— Нет, у меня все хорошо.

Ложь — о вечеринках, а не о сексе.

— Если бы все было хорошо, ты бы не цеплялся, как стриптизерша. —
Эйден пристально смотрит на меня. — Не интересно.

— Пошел ты, Кинг, — говорю я, но не убираю руку.

— Мне может быть интересно. — Коул поднимает бровь. — В зависимости от обстоятельств.

— Держи свое извращенное дерьмо подальше от меня, капитан, — предупреждаю я.

— Уверен? — Коул растягивает слова. — Никогда не знаешь, когда это пригодится. — его взгляд скользит по зрителям, и он улыбается Тил.

Она наклоняет голову в знак признательности, прежде чем сосредоточиться на своем телефоне.

Какого черта?

Я перевожу взгляд с него на нее, потом снова на него. Теперь, думая об этом, Коул и Тил уже некоторое время отвратительно сближаются. Это почти незаметно, но он, возможно, единственный среди всадников — или всего мужского населения — с кем она обменивается словами.

Вначале я думал, что это потому, что они оба ботаники, но даже если я ее не знаю — пока — я знаю Коула. Он не делает и шага, не просчитав на тысячу лет вперед — без шуток, он, вероятно, уже пишет финансовый план для своего четвертого поколения.

Коул добр снаружи, но на самом деле он не подпускает людей близко. Тот факт, что он сделал это с ней... интересно. Интересно для меня, потому что это означает, что он даст мне необходимую информацию.

— Что ты знаешь о Тил? — я спрашиваю их обоих, потому что Эйден сейчас практически живет в доме Эльзы и, возможно, знает о ней больше, чем говорит.

— Если бы у Маркизы де Сада и Белоснежки было потомство, это была бы она, — говорит Эйден.

— Что еще? — я прощупываю почву.

— Почему ты спрашиваешь нас о своей невесте? — Коул толкает меня локтем в бок.

Я ухмыляюсь.

— Я пытаюсь узнать ее получше и выяснить, какие цветы ей нравятся.

— Она предпочитает темный шоколад. — Эйден выглядит серьезным.

— Эльза все время покупает его ей.

— Дай мне больше. Я хочу поухаживать за ней. — я шевелю бровями.

— Мог бы одурачить меня, — ухмыляется Коул.

— Ты что-то знаешь, не так ли? — я прищуриваюсь, глядя на него.

— Я мог бы.

— Скажи мне.

— Зачем мне говорить?

— Затем, что мы друзья.

— Я тоже мог бы подружиться с Тил.

— Я был первым.

— Теперь ты начинаешь говорить как прилипчивый бывший. — Эйден указывает на меня своей бутылкой.

Я игнорирую его и поворачиваюсь к Коулу, говоря драматическим тоном.

— Помнишь все дерьмо, которое я для тебя сделал?

— Например, что?

— Например, устраивал вечеринки, чтобы ты мог трахаться, и никто не слышал криков.

Он приподнимает бровь.

— Что? Думал, я их не слышал? — я ухмыляюсь.

— Я же говорил тебе, капитан, — ухмыляется Эйден.

— И ты тоже, Кинг. — я сжимаю его плечо. — Возможно, у меня есть несколько кадров.

— Нет, у тебя их нет. — Эйден усмехается. — Если бы у тебя они были, ты бы сейчас использовал это для своего дела.

Черт. Мне действительно следовало сохранить кое-какие кадры. Конечно, Ларс и его коварный ум сделали бы это возможным. Быть может, у него даже есть запись об этом в его маленькой черной книжечке.

— Кроме того... — Коул наклоняет голову. — Почему мы должны делать эту работу за тебя? Что в этом веселого?

В такие времена, как сейчас, я хотел бы, чтобы Ксандер был здесь. Его игривость уравнивает их дурацкое поведение, но ему пришлось все испортить алкоголем и исчезнуть на некоторое время.

Подождите, это из-за того, что я окружен этими двумя ублюдками, у меня начинают появляться скрытые, необычные мысли?

Это всего лишь отговорки, и ты это знаешь.

— Кто тебе сказал, что я не сделал домашнее задание? — я улыбаюсь. — Я гораздо больше, чем просто знатный. Я сама аристократия, и есть руководство, в котором говорится, что мы всегда получаем то, что хотим.

— И все же ты все еще не можешь найти ответа.

Эйден тоже наклоняет голову, так что теперь две пары глаз оценивают меня.

— Конечно, я могу.

Ложь.

Я наблюдал за Тил целую неделю. Она либо в режиме «отвали», либо в режиме «мне все равно». Она не улыбается, не занимается никакими клубными делами. Ее единственные друзья Эльза и Ким, и она редко разговаривает. Ее голова обычно погружена в телефон, читая статьи о средневековых орудиях пыток.

Я очаровал миссис Эббот, библиотекарьшу, и выяснил, какие книги Тил брала в школьной библиотеке. Все о войнах. Каждые из них, блядь, до последней.

Почему эта ботаничка читает только о войнах? Кто, блядь, это читает. Коул действительно читает о войнах, но не все. У него есть книги по философии и психологии. Это немного говорит о его личности.

Что это значит, если вы читаете только о войнах? Что вы облажались, вот что, но этот вывод все еще не дает мне никакого способа связаться с ней.

То, что я был с другими девушками, ее не беспокоило. Я обнимал нескольких, шлепнул пару по заднице, когда она находилась в поле зрения, но она просто прошла мимо меня, будто меня и девочек не существовало.

Быть мудаком тоже не сработало. Я постарался врезаться в нее и заставил упасть на задницу. Она просто поднялась, собрала свои книги и продолжила путь, словно ничего не случилось.

Ее отсутствие реакции начинает действовать мне на нервы. Ее незаинтересованность и властное отношение начинают царапать мои стены, и даже я не знаю, как буду действовать, если эти стены каким-то образом рухнут и позволят всему вырваться на свободу.

— Ты привык, что девушки падают к твоим ногам. — голос Коула вырывает меня из мыслей. — Пришло время кому-то сказать тебе «нет».

— Она не сказала «нет» — она сказала «да».

Тот факт, что я не знаю, почему она так настаивает на этом чертовом браке, вероятно, и есть причина, по которой я на взводе.

Конечно, она хочет помочь Итану, но с ее психической личностью я почти уверен, что это еще не все.

Я снова сосредотачиваюсь на ней, пока она смотрит на свой телефон.

Какого черта ты скрываешь, ma belle — моя красавица?

— «Да» может означать «нет». — Эйден делает глоток своего напитка.
— Ты когда-нибудь думал об этом?

— Что ты имеешь в виду? — я спрашиваю.

— Ты знаешь меня много лет, не так ли, Астор?

— Да.

— Ты знаешь, когда держаться подальше, а когда подойти ближе, и ты просто ведешь себя так, будто иногда не знаешь, что значит быть придурком.

— Кто? Я? — я притворяюсь невинным.

— Вот так. — Эйден указывает на меня. — Твоя игра сильна.

— То, что он пытается сказать, — Коул крутит пальцем, — Думай другой стороной своего мозга. Отпусти это.

Я ухмыляюсь, и мои щеки болят от этого движения.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь.

— Тебе придется это выяснить. В противном случае ты просто продолжишь проигрывать. — Коул говорит спокойным тоном. — Либо ты делаешь первый шаг, либо тебе придется следовать за первым шагом кого-то другого.

Другими словами, либо я иду до конца, либо проигрываю.

— И подумай о странных вещах и... криках. — губы Коула изгибаются в многозначительной ухмылке. — Это может пригодиться.

— Настоящий разговор, капитан. — я впиваюсь пальцами в его плечо. — Что тебе нужно, чтобы рассказать мне, что ты знаешь?

— Информация, — деловито говорит Эйден. — Дай ему что-нибудь, чего он не знает о предмете своей одержимости, хотя сомневаюсь, что у тебя есть какие-либо ценности.

Я ухмыляюсь, и на этот раз искренне. С тех пор как я узнал о скрытых наклонностях Коула и выяснил еще кое-что, я планировал придержать эту информацию до тех пор, пока мне не понадобится серьезная услуга от него, но я здесь в конце пути, и мне нужно найти выход.

— Я мог бы.

Голова Коула наклоняется.

— Что?

— *Une seconde, mon ami* — Секундочку, друг мой. Если я дам тебе то, что ты хочешь, ты дашь мне то, что я хочу?

— Я мог бы.

— Недостаточно хорошо для того дерьма, которое у меня есть. Все это задокументировано и подкреплено доказательствами.

Он прищуривает глаза, прежде чем быстро прийти в норму.

— Хорошо.

Конечно, Коул выбрал бы свою битву, а не чью-либо еще. В конце концов, он Коул.

Друзья? К черту это. Их не существует, когда речь заходит о нем самом.

— Ты первый, капитан.

Тил настаивала, что у нее нет секрета, но, как я уже сказал, он есть у всех.

И когда я заполучу ее секрет, ничто не спасет ее от меня.

Она пожалеет, что сказала «да».

Глава 6

Тил

С тех пор как месяц назад мне исполнилось восемнадцать, я ждала этого момента — или, скорее, ждала ответа.

Письмо в черном конверте с красной надписью.

Принятие.

Возможное решение всего того дерьма, которое происходило в моей жизни.

Я поправляю маску, проходя через холл клуба.

Он более эксклюзивен, чем дворец, и нуждается в большем вмешательстве, чем агенты МИ-6. Я впервые получила свой билет сюда месяц назад после того, как убедила одного из случайных мужчин, которых встретила в пабе, что мы можем встретиться здесь.

Это была, конечно, ложь. Провести с ним одну ночь уже было слишком непримечательно.

Он был последним. Я уже давно не удовлетворена, и после той ночи поняла, что должна остановиться. Все это пустая трата времени.

Я прекратила все свои случайные выходки за несколько дней до официальной помолвки с Ронаном. Хотя я бы не назвала это настолько официальным. Люди знают об этом, но об этом не объявляют широко, и я отказалась от кольца, пока мы, по крайней мере, не закончим школу.

Не то чтобы эта игра будет продолжаться до тех пор.

Причина, по которой я прекратила встречи, не имеет ничего общего с помолвкой, а имеет отношение ко мне.

Прошло больше недели с того ужина в особняке Асторов. Ронан все еще живет своей жизнью, будто ничего не случилось, и я буду жить так же, как и раньше.

В конце концов, это всего лишь договор, удобство, связующее звено между нашими семьями и ниточка к моему плану. Ни больше, ни меньше.

Я имела в виду именно это — он может сделать это. Ничто не поколеблет меня, и, черт возьми, он ни за что не заставит меня отказаться от начатого.

Держа письмо о принятии между пальцами, мои внутренности гудят от волнения, когда я следую за девушкой по коридору с красными коврами и стенами, оклеенными черными обоями в цветочек.

Тема клуба, *La Débauche*. Как следует из названия, он предназначен для разврата и... фантазии.

Впервые я обнаружила этот клуб во время своих путешествий по темной паутине интернета. Затем нашла одного из его участников на Тиндере и переспала с ним той ночью. Эта встреча дала мне рекомендацию для вступления.

С тех пор я прихожу сюда, чтобы стать частью Общества Зрителей, вуайеристов, которые наблюдают за возбуждением человеческого разума через свои тела.

Это захватывающе. Это первый раз, когда я подумала о чем-то подобном за... целую вечность.

Наблюдая, как эти девушки встают на колени перед более сильными, крупными и взрослыми мужчинами, я всегда потирала бедра.

У меня и раньше случался секс, но я ни разу не испытывала оргазма и не была достаточно влажной, чтобы сделать этот опыт приятным. Я всегда выбирала мужчин постарше, по крайней мере, на пятнадцать лет старше меня и опытных, и... ничего.

Я начинала думать, что сломалась безвозвратно и что никогда не почувствую того экстаза, о котором продолжают говорить Эльза и Ким. Я думала, что это чувство чуждое, как и я.

Сцены *La Débauche* вернули часть этой веры и возможность большего.

Вот почему я подала заявление на Разврат. Одна ночь, один незнакомец, и все. Мне дважды отказывали, но сегодня я получила письмо о принятии.

Самая большая политика здесь это анонимность. Причина, по которой я нашла Ричарда в темной паутине, заключается в том, что он опубликовал снимок пригласительного билета в своем публичном профиле.

Здесь никто не знает, кто ты и откуда. Здесь нет имен, только цифры. Никаких лиц, только черные маски, как на костюмированных вечеринках. Все женщины носят черные атласные платья, а все мужчины черные брюки.

Все.

Это все, что необходимо.

Как только они подтвердят, что тебе больше восемнадцати, небо это предел.

Я понятия не имею, как здесь принимают людей, но, похоже, это сложный процесс. Я даже не знаю, как сама сюда попала. Даже с рекомендацией Ричарда в то время это казалось таким надуманным, но я все равно отправила письмо, надеясь на что-то другое.

Это все, чем я занималась всю свою жизнь, желая, чтобы тень не была нормальным состоянием ума, и это отличие на самом деле не означало сумасшествие.

Другое просто означает... особенное.

Это то, что говорят мне Нокс и папа, но проблема в том, чтобы им верить.

Этот клуб совсем другой. Это больше, чем просто другое; это открытая дверь ко многим вещам, которые я никогда не считала возможными.

И теперь я буду не только наблюдать — я буду участвовать.

Хотя и не в выставочном стиле. Я подала заявку на приватный сеанс, потому что, ну, может быть, мне и хотелось бы посмотреть, но быть под наблюдением это совсем другое дело. Это значит быть обнаженной, а мне это не нравится.

Служащая, одетая в костюм горничной и маску, указывает на комнату.

— Сюда, мисс 115.

Я прохожу мимо нее. В комнате такие же черные обои и красные ковры. Не окна, как в других комнатах, в которых я участвовала, ни кровати, ни дивана, ни даже стула.

Служащая протягивает руку.

— Вы заполнили форму, госпожа 115?

— Э-э... да.

Я, наконец, выпускаю письмо о принятии, к которому прикреплена форма, из своих потных пальцев.

Форма представляет собой контрольный список того, чего я не позволю и с чем я справляюсь. Я плохо переношу анальное проникновение, порку, любую сильную боль или связывание.

Я хотела попросить мужчину лет тридцати или сорока с чем-то, но у них невозможно выбрать возраст. Однако все, что я видела до сих пор, это пожилые мужчины, которые знают, как обращаться с женщиной. *La Débauche* привлекает особый тип доминирующих мужчин, которые слишком долго участвовали в этой игре разврата.

— Не желаете проверить в последний раз? — спрашивает она.

— Н-Нет.

Дермо. Какого черта я заикаюсь? Я хотела этого. Это мой последний шанс стать нормальной, прежде чем я пройду точку невозврата.

Она протягивает мне черную повязку на глаза.

— Как вы и просили.

Я забираю повязку у нее дрожащими пальцами.

— Спасибо.

— Пожалуйста, дождитесь мистера 120 на коленях. — я киваю, и она улыбается. — Желаю вам прекрасной ночи.

И с этими словами дверь со щелчком закрывается за ней.

С последним вздохом я опускаюсь на колени на толстый красный ковер, сжимая повязку на глазах, как спасательный круг.

Учитывая, произошедшее в прошлом, это последнее, что я должна делать, но, как ни странно, в тот момент, когда я закрываю глаза повязкой, превращая свой мир в черный, на меня падает ощущение ясности.

Я не думаю о папе, Ноксе или даже Агнусе, и о том, чтобы они почувствовали, если бы увидели меня в таком положении. Я думаю только о тех сценах, которые я наблюдала, об их анонимности, пульсирующем напряжении и потребности в большем.

Терапия не сработала, так что, быть может, этот метод поможет. Это другой вид терапии — возбуждающий.

Дверь открывается, ее щелчок громкий и оглушительный в тишине комнаты. Мое дыхание учащается, когда воздух наполняется другим присутствием.

Я его не вижу, но это не значит, что я его не чувствую.

Совсем как в прошлом.

Я вдыхаю через нос и сквозь стиснутые зубы. Это совсем другое. На этот раз я соглашаюсь на это.

На этот раз я хочу этого.

Разве это плохо хотеть чего-то, что раньше пугало до чертиков?

Или, может, это плохо, что я бегу за этим с тех пор, как поняла, что такое секс.

Фигура останавливается передо мной. Я не двигаюсь, даже когда чувствую, как его тень падает на меня.

Странно, как просыпаются иные чувства, когда пропадает зрение. Думаю, что люди не понимают, насколько важны глаза.

Теперь, когда мой мир погружен во тьму, я слышу каждый пульс в ухе и чувствую, как каждый вдох входит и выходит из легких, и погружаюсь в царапанье платья о мою обнаженную кожу. В соответствии с политикой

клуба, под ним на мне ничего нет, и из-за этого бутоны сосков натягиваются на ткань. Я не сомневаюсь, что они видны ему.

Нравится ли ему это? Ценит ли он это?

По какой-то причине я не чувствую его запаха. Хотя я чувствую собственный запах — запах лайма. Понятия не имею, почему мне кажется, что это тоже исходит от него.

От него тоже пахнет лаймом и цитрусовыми?

Рука опускается мне на плечо, и я напрягаюсь, мои старые знаки пытаются противостоять вторжению. Я глубоко дышу, скрывая эту потребность.

Рука у него большая, но не мозолистая. Это рука похожа на тот тип, которая скоро перевернет меня и трахнет на полу.

Дерьмо.

Почему я этого хочу?

Это слишком быстро даже для меня, и все же есть это необычное желание по прикосновению мистера 120. Может, из-за повязки на глазах или того, как хорошо ощущается его кожа на моей.

Он спускает бретельку платья с плеча, его прикосновение медленное и чувственное. На секунду я задерживаю дыхание, не в силах подавить приятное ощущение, поднимающееся к горлу.

Когда он делает то же самое с другой бретелькой, моя грудь выскальзывает с легким подпрыгиванием. Она тяжёлая, ноющая, и... странная. У меня никогда так сильно не болела грудь, а он еще даже не прикасался к ней.

Это предвкушение.

Болезненное, волнующее предвкушение.

Те же самые пальцы сжимают мою челюсть и приподнимают ее, так что я смотрю вверх — или, во всяком случае, мои глаза с завязанными глазами. То, как легко он обращается со мной, признак опыта. Он, должно

быть, делал это тысячу раз ранее. При этой мысли я мгновенно ощущаю себя в безопасности.

Его пальцы скользят по моей шее, останавливаясь на ключице, слегка сжимая ее. Я на секунду перестаю дышать, смыкая бедра вместе.

Боже. Он касается только моей ключицы, а я готова широко раздвинуть ноги для него.

Он обхватывает мою грудь обеими руками, и я поджимаю губы, пытаюсь сдержать чужой звук, который пытается вырваться из меня.

Подушечки его больших пальцев пробегают по кончикам, и я вздрагиваю на месте, когда вспышка удовольствия проносится прямо между ног.

Святое. Дерьмо.

Это должно быть так приятно? Он просто касается моих сосков — и все. Просто прикасается к ним. Не крутит, не сжимает, ничего такого.

У меня всегда были чувствительные соски, но это новый уровень.

Он крутит тугие бутоны. На этот раз я не могу сдержать звук, и позволяю стону вырваться в тишине комнаты.

Я даже не знаю, что со мной происходит, но моя спина выгибается, толкая грудь в его опытные руки.

Пощипывая один сосок, он дразнит другой легким прикосновением. Это мягко и в то же время чертовски больно. Никогда не думала, что игра с сосками может стать такой невыносимой или выйти из-под контроля.

Как будто я теряю всякий здравый смысл, и мое тело слушается только помощи этого незнакомца.

Мой живот проваливается, и странная липкость покрывает бедра.

Я... промокла?

Как, черт возьми, это произошло? И что, блин, это за ошеломляющее ощущение, формирующееся внизу живота?

Он снова крутит оба соска, заставляя меня хныкать и извиваться. Он возвращается к нежной ласке только для того, чтобы вновь ущипнуть. Моя

киска покалывает, и я испытываю искушение протянуть руку и прикоснуться к этой боли.

В тот момент, когда я это делаю, он прекращает свое служение.

Нет, нет.

Почему он... ох, это потому, что я трогаю себя?

— Я... я буду хорошей, — бормочу я, мой голос такой сексуальный, что почти не похож на мой.

Я опускаю руки по бокам. Он не издает ни звука и не двигается, и я начинаю думать, что все испортила.

Но затем он возвращается к попыткам моих сосков. С каждым прикосновением его кожи к моей и каждым жестоким щипком я громко стону.

Это слишком грубо, слишком реально.

Просто слишком.

Он еще раз сжимает мои соски, и мой стон вырывается во что-то настолько чуждое, что я на секунду перестаю издавать звуки.

Это, как если бы на меня напали изнутри, и мне нужно вытолкнуть это наружу. Волна такая внезапная и сильная, что лишает голоса.

Я сжимаю руки незнакомца, его пальцы все еще играют с моими сосками, когда моя киска сжимается, и все больше соков покрывают мои бедра.

Святой. Ад.

Думаю, я просто... кончила.

Впервые в моей жизни я испытала оргазм, и ему даже не пришлось прикасаться к моей самой интимной части.

Что бы он сделал, если бы дошел до этого? Сломал бы меня?

И почему, черт возьми, меня так возбуждает и беспокоит эта идея?

Даже когда волна медленно спадает, я не отпускаю его. Мои ногти впиваются в его предплечья — они сильные, на ощупь покрытые прожилками, как и ожидалось от взрослого мужчины.

Я вздыхаю, сердцебиение медленно выходит из опасного диапазона и возвращается к норме.

Мои соски все еще болят и пульсируют, вероятно, потому что он все еще не отпустил их. Он снова проводит большими пальцами по кончикам, будто проверяя, что они все еще твердые и жаждут большего.

Это один из тех моментов, которые я хотела бы провести с реальным человеком, а не с незнакомцем, или в фантазии, или в клубе.

Но у таких людей, как я, не должно быть этого.

Это было украдено давным-давно, и, как и любой пропавший предмет, вернуть его невозможно.

Что-то похожее на стыд сжимается у меня в груди при этой мысли. Как получилось, что я стала девушкой, которая ищет нормальное в местах, которые и близко не похожи на нормальные?

Я внутренне качаю головой. У меня будет время подумать об этом позже. Теперь мне просто нужно сосредоточиться на своей ночи, совершить подростковые ошибки, а затем двигаться дальше.

— Хм. — его голос эхом разносится вокруг меня, как рок. — Не знал, что оргазм от подразниваний сосков на самом деле возможен.

Я сглатываю так сильно, что звук слышен в тишине комнаты.

Нет.

Я неправильно расслышала.

Должно быть, я ошибалась. Это не может быть он.

Это просто невозможно.

Я тянусь к повязке дрожащими пальцами, мой пульс грохочет в ушах, как катастрофа, надвигающаяся вдалеке.

В тот момент, когда я стягиваю черную ткань с глаз, с моих губ срывается вздох.

Он стоит прямо передо мной, одетый только в черные брюки, из которых видна дорожка волос. Он худощав, но его грудные мышцы развиты до совершенства, добавляя смертельную остроту его ранее доступной

внешности. Его руки все еще играют с моей грудью, даже когда злая усмешка изгибает его губы.

Я чувствую, как что-то ломается внутри меня, когда он произносит.

— *Bonsoir, ma belle* — *Добрый вечер, моя красавица.*

Глава 7

Ронан

Никогда не думал, что настанет день, когда я буду считать Тил красивой.

Она действительно обладает какой-то внешней красотой. Эльза называет ее белоснежкой с ее крошечными чертами лица, фарфоровой кожей и естественно красными губами, но это никогда не было *так*, понимаете. Не этот тип красоты хватает тебя за живот — или, скорее, за член — и отказывается отпускать.

Когда она опускается передо мной на колени, полуобнаженная, ее платье облегает талию, а огромные черные глаза смотрят на меня, я вижу это.

Ее красоту.

Этот особый тип красоты, на который вы не только хотите смотреть, но и хотите где-нибудь заманить в ловушку, чтобы вы были единственным, кто это будет видеть. Это немного нездорово, но ей это подходит.

Все в ней красивое, от румянца на ее щеках, приоткрытых губ и легкой испарины, покрывающей бледную кожу, до беспорядочного подъема и падения груди, из-за чего ее упругие сиськи еще больше толкаются в мои руки.

Ее бледно-розовые соски покраснели от моих ласк, и я все еще не могу их отпустить. Мой член напрягается под жалким подобием брюк, и я делаю глубокий вдох, вдыхая ее замешательство, смешанное с ароматом ее возбуждения.

Ну и блядь.

Я трахал больше девушек, чем мог сосчитать, и ни одна из них — абсолютно ни одна — не оказывала такого воздействия на мой член.

Рон Астор Второй готов разорвать кого-нибудь пополам, и не просто кого-нибудь.

Ее.

Девушку, которая испытала оргазм от одной только игры с сосками.
Девушку, которая выглядит как робот, но на самом деле заводится от простой повязки на глазах и игры с ее сосками.

Когда Коул упомянул это место, я почти не поверил ему. Тил может показаться готкой с тенденцией вызывать сатану в ночных ритуалах, но она хорошая девочка Итана. В конце концов, она хотела этой помолвки ради него.

Конечно, она не была бы в месте, подходящем для дефектного мозга Коула. Но потом, конечно же, я увидел ее.

Здесь. Одетую в черное платье и ожидающую, когда ее поглотят.

Поскольку семья Коула владеет этим бизнесом, и он тот, кто так быстро принял ее заявление, мне не потребовалось много времени, чтобы не только стать членом клуба, но и съесть ее в качестве своего первого блюда.

Тил Ван Дорен действительно больше, чем кажется на первый взгляд. Я не знал, что мне нужно читать ее фантазии, пока они не оказались передо мной на бумаге.

Все разложено для моего приятного чтения.

Я неохотно отпускаю один из ее набухших сосков и продолжаю обводить другой, когда лезу в карман и достаю свой телефон.

— Скажи «сыр».

Я фотографирую ее ошеломленное, покрасневшее состояние.

Это выводит ее из ступора. Тил так резко отстраняется, что чуть не падает.

К моему ужасу, я теряю всякое ощущение ее соска, когда она поднимается на дрожащие ноги. Ее сиськи подпрыгивают от движения, давая мне последний взгляд, прежде чем она подтягивает бретельки своего платья, прикрывая их и себя.

Соккрытие этой красоты трагедия, которую нужно оплакивать.

Она проводит рукой по своим прямым волосам. К ее чести, она действительно восстанавливает самообладание и принимает свое надменное состояние по умолчанию, но этого недостаточно, чтобы скрыть легкую дрожь в пальцах или мурашки на руках.

Никто не может скрыть произвольные телесные реакции — даже с ее уровнем эмоциональной пустоты.

Я напугал ее. Одно очко в мою пользу.

— Какого черта ты здесь делаешь?

— Чтобы заниматься развратом, как и ты. — я ухмыляюсь. — Вообще-то развратом занимаюсь я, но подробности.

— Телефоны здесь не разрешены. — она прикусывает нижнюю губу, прижимая ее к зубам, будто ругая себя за заикание.

И вдруг мысль, которой у меня никогда не было, становится моей единственной целью в жизни. Я хочу, чтобы мои зубы прикусили эту губу. Я хочу облизать ее, укусить, а потом проглотить.

Но это в некотором роде неверная мысль, разве нет?

Вероятно, это место и ее прежнее состояние; они играют с моей головой.

Как будто ты никогда не знал, что в тебе есть это?

Тише, мысли.

— Думаю, что я вроде как пронес его. — я поднимаю плечо, как бы говоря «упс». — Ты действительно особенная, не так ли, *ma belle* — *моя красавица*? Оргазм от игры с сосками такой горячий.

— Пошел ты.

Ее щеки вспыхивают, но это не совсем смущение; есть также намек на ярость.

Я ухмыляюсь.

Это первое проявление эмоций, от которых она когда-либо отказывалась. Гнев это хорошо; гнев заставляет людей совершать ошибки.

Вот почему я стараюсь редко злиться, если вообще злюсь. Я мог бы притворяться, но я всегда держусь от этого подальше.

Гнев источник всех бед.

Тил стыдится своего оргазма — или, скорее, того, кто доставил ей удовольствие. Поскольку она не может сказать это вслух, потому что это означало бы признание, сдерживаемое разочарование превращается в то, что напоминает ярость.

— Рад услужить, *ta belle* — моя красавица. Я могу придумать другие виды оргазмов, которые мы можем испытать.

Ложь — мне не нужно их придумывать. Моя извращенная голова была заполнена ими с того момента, как я вошел сюда и увидел ее стоящей на коленях.

— Но сначала, — продолжаю я, — Мне нужно, чтобы ты сказала своему отцу и моему, что расторгаешь помолвку.

— Этого не случится.

Я прокручиваю телефон, притворно вздыхая.

— Тогда, думаю, Итан сможет увидеть, какие места частенько посещает его дочь. Уверена, что хочешь оставить ему шрам от изображения твоих сисек? Не пойми меня неправильно, сиськи замечательные, но они не для твоего отца. Если.. у тебя нет пунктика насчет папочки?

Она громко сглатывает, ее нежное горло двигается в такт движению. Однажды, я не знаю когда, но я собираюсь схватить ее за горло и выебать из нее все дерьмо, пока она не сможет двигаться.

Хорошо. Это было слишком откровенно даже для моего извращенного мозга.

— Кроме того, — продолжаю я. — Уверяю, Граф Эдрик Астор не одобрил бы невестку, которой нравится, когда с ней обращаются как со шлюхой. Поскольку я джентльмен, я даю тебе шанс выйти из этого невредимой. Мы оба получаем то, что хотим. Беспроигрышный вариант.

Секунду мы смотрим друг на друга. Я наблюдаю за языком ее тела в поисках знака. Ее грудь, которая раньше тяжело вздымалась и опускалась, теперь безмятежна, почти спокойна.

Хорошо. Она узнала свое место.

В этот момент она набрасывается на меня. Без шуток — она прыгает на меня, как летающее животное, ее ноги обвиваются вокруг талии, когда она бросается прямо на телефон в моей руке.

Ну и черт.

Из всех реакций, которых я от нее ожидал, эта была последней. Черт, этого даже не было в списке. Она не позволила своему росту сдерживать ее, когда приняла решение направиться ко мне.

Боец.

Какого черта я хочу сломать это или каким-то образом погрузиться в это?

Ее лицо краснеет, когда платье задирается на бедрах в попытке дотянуться до моей руки. Даже используя мое тело как своего рода лестницу, она не может добраться до телефона.

Я продолжаю в том же духе. Когда она думает, что у нее получилось, я перебрасываю его в другую руку, отчего ее щеки краснеют еще сильнее, а грудь поднимается еще выше. Ее дыхание становится резким, заставляя ее сиськи напрягаться на моей обнаженной груди.

Когда она понимает, что не может дотянуться до мобильного, она царапает мою руку своими накрашенными черным ногтями. Боль обжигает кожу, и я немедленно реагирую, прижимая ее спиной к стене.

Из ее горла вырывается вопль, но прежде чем она успевает среагировать, я хватаю ее за запястья одной рукой и прижимаю их над головой, фиксируя рукой.

Теперь в моей власти крошечная фигурка, обвивающая своими ногами мою талию, а ее грудь прижимается к моей, но ее руки скованы.

В моей власти.

Или отсутствие таковой.

— Отпусти меня, — шипит она, но ее взгляд следует за моей рукой, сжимающей телефон, когда я позволяю ему упасть.

Я указываю на злые красные царапины на предплечье. Как будто на меня напал котенок — маленький, разъяренный котенок.

— Ты сделала мне больно, — говорю я бесстрастным тоном.

— Хочешь приз за это? — она напрягается, пытаюсь освободиться, но я прижимаю ее так крепко, что она едва может пошевелиться.

— Нет. Меня больше интересует справедливость. Ты причинила мне боль, так что я должен сделать тебе больно в ответ, тебе не кажется?

К ее чести, она пытается это скрыть, но ее глаза чуть-чуть расширяются, и, к моему удивлению, это не от страха.

Искра только что пробежала по тусклому цвету ее глаз, почти как падающая звезда в безлунную ночь. Она исчезает, как только появляется.

Так, так, так.

Похоже, Тил Ван Дорен прекрасно контролирует выражение своего лица. Но есть кое-что, что она не совсем успешно контролирует — что-то, что наполняет воздух мускусным, характерным запахом.

— Тебя возбуждает перспектива испытать боль, *ma belle* — моя красавица? — я ухмыляюсь, медленно растягивая слова.

— Твои мечты.

— Ты только что кончила из-за боли в сосках. Неужели мысль о боли заставляет тебя промокнуть насквозь?

Она поджимает губы, но ничего не говорит, чтобы опровергнуть или подтвердить.

— Ты знаешь.

Я засовываю телефон в карман брюк и протягиваю пальцы, приподнимая ее подбородок.

Ее губы розовые, полные и имеют форму сердца, которые не помешало бы немного попробовать на вкус или обернуть вокруг Рона Астора Второго — я не привередлив.

Она смотрит на меня так, словно хочет откусить мне глаз зубами. Я бы не стал сбрасывать это со счетов. Она немного сумасшедшая, и, черт возьми, это начинает меня выводить из себя.

— Тебе не нужно это скрывать. Я ощущаю твое возбуждение у себя на животе и чувствую его запах в воздухе.

Она сжимает бедра, а затем расслабляет их с намерением спуститься. Я вновь прижимаю ее к стене.

В тот момент, когда она задыхается, я прижимаюсь губами к ее губам. На вкус она как... безумие, от которого ты никогда не сможешь убежать. Это тот тип, который проникает под кожу, и довольно скоро ты не знаешь, теряешь ли ты рассудок или свою жизнь.

Ее губы дрожат, будто она не знает, что делать или как это сделать. Ее язык неуверенно скользит, по-моему, прежде чем остановиться. Она не целует меня в ответ, но я не даю ей такой возможности.

Впервые в своей жизни я, блядь, наслаждаюсь кем-то. Используя свою хватку на ее челюсти, я сжимаю ее, чтобы я мог завладеть ее языком, прикусить его зубами, пососать губами. Я краду ее дыхание и ее чертово здравомыслие точно так же, как она делала это со мной.

Она всколыхнула мою уродливую сторону, и теперь должна стать ее мишенью.

Я, Ронан Астор, самый внимательный любовник, которого вы когда-либо могли найти, хочу сломать кого-то — но не просто кого-то.

Ее.

Я хочу прижимать ее крошечное тело к своему, пока она не сможет найти выход. И я хочу, чтобы она наслаждалась каждой секундой этого.

Крошечные зубки впиваются в мою нижнюю губу, а затем сильно кусают. Мы оба чувствуем вкус крепкого металла, когда она отстраняется от меня.

В своих попытках вырваться она спотыкается на нетвердых ногах. Я ожидаю, что она будет бороться со мной, проклинать, но она просто смотрит на мои губы, на кровь, которую она там оставила, словно не может отвести взгляд. Затем вытирает кровь со своей, все еще не отрывая взгляда от моих губ.

Как будто она в трансе и не может освободиться.

Похоже, осознав это, она оборачивается и, как я ее и предупреждал, убегает.

Хотя это бесполезно. Она больше не может убежать.

В разные времена. В иных обстоятельствах.

Люди говорят, что ты должен найти то, что любишь, и держать это при себе.

То же самое можно сказать и о том, что ты ненавидишь.

Глава 8

Тил

Я не знаю, как добираться до дома.

В один момент я выбегаю из клуба, а в следующий прячусь под одеялом.

Мое дыхание прерывистое и хриплое, хотя прошел уже час с тех пор, как я вошла в свою комнату. Еще дольше с тех пор, как его руки были на мне, и все же это единственное, о чем думает мое тело.

То, как он овладел мной, как довел до оргазма.

Боже, не могу поверить, что я кончила, просто от игры с сосками. Разве не должен быть естественный закон против этого или что-то в этом роде?

Хотела бы я, чтобы все мое возбуждение исчезло при виде его лица — его глупого симметричного лица, — но этого не произошло.

Даже близко.

Эти аристократические черты лица в тот момент не были ни скучными, ни обычными. Все, что я видела, был один человек, первый человек, который заставил меня почувствовать.

Действительно почувствовать.

Я испытала столько всего, что было невыносимо. Вот почему я до сих пор не могу спуститься с этой высоты даже сейчас.

Затем он схватил меня, поймав в ловушку, и хотя признаки нападения чуть не сбросили меня с края, они этого не сделали.

Они, черт возьми, этого *не сделали*.

Обычно у меня случался приступ, если кто-то хотя бы пытался поймать меня в ловушку. Это навевает мрачные воспоминания, мысли и запахи, но в тот момент? Когда он прижал всю мою волю к стене, я испытала странное чувство осознанности. Мои соски заболели еще сильнее, чем когда он прикасался к ним.

Они все еще ноют. Они чувствительны, пульсируют и посылают покалывания вниз, к моей сердцевине.

Дрожь пробегает по позвоночнику, и я проклиная себя, сбрасывая одеяло и тяжело дыша. Ну и что с того, что он прикоснулся ко мне, и это почему-то не было ужасно? Ну и что с того, что он больше, чем его образ жиголо, и обладает большей глубиной? И у него действительно есть глубина. В тот момент, когда его улыбка исчезла — что бывает чертовски редко, — это было почти так, как если бы появился совершенно другой человек.

Человек, который находит болезненное удовольствие в том, чтобы поймать меня в ловушку, подчинить своей воле и милосердию.

Тем не менее, это ничего не меняет.

Ронан Астор всего лишь пешка в моей игре, домино. Все.

На этом *все*.

Он сфотографировал меня и использует это, чтобы угрожать мне расторгнуть помолвку и мой чертов план. Во всяком случае, теперь он мой злейший враг, и я буду иметь с ним дело как с таковым.

Я беру свой телефон, решив прочитать одну-две статьи, а затем лечь спать. Завтра я разберусь с беспорядком, который устроил Ронан Астор.

Я не позволю ему наступить на меня, даже если это будет последнее, что я сделаю.

Мои пальцы сами по себе нависают над Инстаграмом. Я даже не пользуюсь им — или любыми другими социальными сетями, если на то пошло, — но на днях я создала аккаунт. На нем нет подписчиков, но я подписана на одного, и в аккаунте отсутствует какая-либо фотография профиля.

Единственная причина, по которой я начала это делать, заключалась в том, чтобы посмотреть, что он публикует в моем стремлении прочитать его.

Инстаграм Ронана это перевод его жизнерадостной, энергичной личности. Профиль заполнен фотографиями его и его друзей

полуобнаженными. Большинство снимков сделаны в бассейнах с девушками в бикини, и он всегда демонстрирует эту фирменную тошнотворную улыбку.

Улыбку, которая скрывает больше, чем показывает.

Я останавливаюсь на его фотографии со стороны, сделанной без его ведома. Это после одной из игр, и он одет в форму команды. Огни стадиона освещают его, когда он откидывает голову назад в глубоком, лучезарном смехе, который светится на всем его лице.

Как он может притворяться? Даже я попала на это, а я не очень-то понимаю человеческие эмоции.

Как кто-то может быть таким беззаботным и в то же время так много скрывать внутри?

Это не имеет смысла.

Либо ты на этой стороне, либо на той — не может быть и того, и другого.

Я прокручиваю профиль ниже и нахожу фотографию, на которой он наклоняется, обнимая мать за плечо. Она улыбается в камеру, и его улыбка почти слишком мальчишеская, мягче, чем на других фото.

Подпись гласит: *Ее светлость. Женщина, которая мне по сердцу.*

Интересно. Я сохраню эту информацию для последующего использования.

Я уже собираюсь выйти, когда он публикует новый снимок. Я нажимаю на уведомление так быстро, что боюсь, что на самом деле предупреждаю его о своей активности.

Это селфи, на котором он лежит на кровати, как обычно, полуголый, и кладет руку себе на живот — тот самый живот, вокруг которого я не так давно обхватила ноги. Тот же живот, о который я терлась, чтобы он отпустил меня, в то время как у меня вращалась сумасшедшая мысль, что, если он этого не сделает?

Подпись говорит: *В настроении для некоторого разврата.*

Сглотнув, я нажимаю на фотографию, изучая его растрепанные волосы и легкую улыбку на лице.

Как будто мы все еще в той комнате. Он прижимает мои запястья к стене, когда мои соски касаются его обнаженной груди, а моя сердцевина липкая от возбуждения на его животе.

Моя рука скользит под пижамными шортами и хлопчатобумажным нижним бельем, чтобы найти складки — влажные складки.

Это все еще такое странное ощущение — быть мокрой. У меня есть игрушка, и я трогаю себя, но это кажется таким пресным, таким неинтересным, что я начала задаваться вопросом, не являюсь ли я какой-то асексуалкой.

Хотя прямо сейчас? Смотря на его лицо, на его руку на животе, где я лежала не так давно, в этом нет никакой асексуальности.

Я тру пальцами свой клитор, и мои веки трепещут, закрываясь. Насыщенные карие глаза вторгаются в мысли, и я стону, а затем прячу лицо в подушку, заглушая звук.

Он хватает меня за запястья, прижимает, делает беспомощной, когда вновь и вновь завладевает мной.

Он целует меня сильно и быстро, прикасается ко мне, щелкая по клитору, покручивая сосок..

Я кончаю.

Даже не знаю, как это происходит, но мое тело сотрясается, и я проваливаюсь в такое захватывающее чувство, что хочется начать все сначала.

Мои глаза резко открываются, и я обнаруживаю его лицо на этой фотографии.

Что, черт возьми, он со мной делает? Почему я ему позволяю?

Я вытаскиваю руку из-под своих липких ног, ощущая отвращение от того, что позволила ему, пешке, добраться до меня таким образом.

Он не доберётся до меня.

Абсолютно нет.

Я начинаю убирать телефон, потом замечаю, что поставила лайк.

О нет.

Нет, нет, нет.

Я немедленно убираю. Он, вероятно, получает тысячу уведомлений, так что, конечно же, он не заметит.

Как раз в тот момент, когда я собираюсь бросить свой телефон на пол, он вибрирует с сообщением. Я вздрагиваю, мое сердце чуть не подскакивает к горлу, когда я вижу его имя.

Ронан: *Привет, сталкерша *подмигивающий смайлик**

Он заметил. О боже, он заметил.

Что со мной сегодня не так?

Но черт с ним, правда. Я не стану отвечать.

Когда я игнорирую его сообщение, он отправляет другое.

Ронан: *Кстати, как насчет нет98 — интересное имя пользователя.*

Я пристально смотрю на телефон, будто могу вырвать его из него и ударить по лицу.

Ронан: *Кроме того, твоя царапина все еще болит. Хочешь приехать и поцеловать, чтобы облегчить боль?*

Тил: *Я должна была поцарапать тебя сильнее.*

Я проклиная себя, нажимая «отправить». Какого черта я вообще ему потокаю? Сегодня я нарушила так много своих стереотипов, и все это из-за него. Я должна держаться от него подальше, во избежании любой другой катастрофы.

Ронан: *Больно. Ням.*

Мои ноги сжимаются, и оргазм, испытанный ранее, кажется, снова поднимается на поверхность. Только как он может вызвать у меня такую реакцию?

Но если он думает, что сможет вытащить меня из моей стихии и не получить никакого возмездия, то его ждет другое.

Тил: *Ты не в моем вкусе. Очнись.*

Ронан: *А какой твой тип, ma belle — моя красавица?*

Тил: *Мой тип, по крайней мере, на пятнадцать лет старше, опытный и не улыбается все время, как жиголо на крэке. Короче говоря, не ты.*

Я чувствую, как тяжесть спадает с моей груди, отправляя это сообщение. Мне нужно было напомнить себе об этом факте так же сильно, как сообщить ему, потому что именно это беспокоит меня во всем этом — тот факт, что он, кто-то, даже близко не похожий на мой тип, так сильно вторгается в мои мысли.

Наступает долгая пауза, прежде чем он отправляет следующее сообщение.

Ронан: *И все же ты кончила, когда я только коснулся твоих сисек.*

Тил: *Это потому, что я не знала, что это ты.*

Ронан: *Так вот почему твое возбуждение все еще покрывает мой живот?*

Мои щеки пылают, и я проклинаяю его всю дорогу до воскресенья.

Ронан: *Все высохло, но оно на мне. Ты не заметила этого на новой фотографии в Инсте. Я не собираюсь смывать.*

Тил: *Ты болен.*

Ронан: *Мне нравится думать, что я не больше тебя, ma belle — моя красавица, но я люблю дух соревнования.*

Ронан: *Отмени помолвку, и я, возможно, мог бы трахнуть тебя.*

Я мог бы трахнуть тебя? *Возможно?* Словно он достаивает меня своим чертовым членом? Высокомерие этого ублюдка.

Тил: *Как будто я когда-нибудь захочу с тобой переспать.*

Ронан: *Думаю, мы оба должны согласиться с тем, что ты сделала сегодня.*

Тил: *Я этого не делала.*

Ронан: *Конечно. Все, что поможет тебе лучше спать по ночам.*

Я почти могу представить его ухмылку, и мне хочется разбить ему лицо и это глупое чувство смущения вместе с ним.

Ронан: *Спокойной ночи, ma belle — моя красавица. Мне будут сняться сны о твоём лице в оргазме.*

Я отбрасываю телефон в сторону, кипя, сердце бьётся так сильно, что почти опасно.

Он думает, что это нормально играть со мной? Он поймет, что значит играть.

Глава 9

Ронан

Есть такая вещь, связанная с отказом от привычек, которая портит человеческий мозг.

По крайней мере, так говорит Коул. Во всяком случае, я ему верю, потому что он читает больше, чем папа римский читает Библию.

Хочу сказать, что отказ от своих привычек это то, что делает меня странным. Теперь я вижу это четко и ясно.

Я перешел от вечеринок каждую вторую ночь, курении травки и секса с экзотическими девушками, к жизни священника.

Часть вечеринок можно преодолеть. Ларс не только больше не ворчит на меня, чтобы я прекратил — отсутствие ночных развлечений также означает, что мама дома. Я каждый день завтракаю и ужинаю с ней. Излишне говорить, что ее присутствие имеет большее значение, чем все остальные незнакомцы, которые существуют в моей жизни только потому, что у меня есть деньги и статус.

То, что мама здесь, также означает, что отец тоже где-то рядом, и это отстойно, особенно с тех пор, как в последнее время он стал пристальнее следить за мной.

Мы с Ларсом устраивали представление на уровне Оскара каждый раз, когда он спрашивал о пропавшем предмете.

Вернее, я разыгрываю представление, а Ларс следует за мной. С той ночи это стало нашим общим делом.

Оправдания обычно следуют одной и той же схеме: *Что? У нас это было? Должно быть, мы отдали друзьям.*

Отец напоминает мне, что у нас не так уж много друзей, а я отвечаю ему, что, конечно же, у нас есть друзья. Они просто навещают меня, когда его нет, потому что, кажется, любят меня. Словно он подталкивает меня к

признанию в чем-то, и по какой-то причине мне кажется, что его не интересует вечеринка.

Единственные нетронутые вещи это мамины картины, которые она собирала годами. Она изучала искусство до того, как у нее начались судороги и ей пришлось перестать рисовать.

Или, может, это версия того, что придумал мой отец, чтобы убедить ее остаться домохозяйкой — или, скорее, его чертовой секретаршей, которую он выставляет напоказ по всему миру.

В любом случае, возвращаясь к сути, отсутствие секса является причиной дерьмового шоу несколько дней назад в *La Débauche*. Если бы я трахался как нормальный человек, у меня бы никогда не было таких мыслей о Тил, и я бы не посылал ей эти сообщения.

Или снился сон в виде романа между ее ртом и Роном Астором Вторым.

Сейчас самое время это исправить.

Затем я загоню ее в угол, попрошу навестить моего отца и слишком вежливо сказать ему, что она разрывает помолвку.

Я тащу Клэр за собой в кладовку в задней части библиотеки. Она хихикает, когда мы пробираемся между рядами книг.

Клэр одна из немногих, кого я трахал больше одного раза. Пока я довожу ее до оргазма, она позволяет мне делать все, что я хочу.

Кроме того, ты действительно хочешь это сделать, ты имеешь это в виду?

Тише, мысли.

Как только мы оказываемся вдали от любопытных глаз, я перекидываю темно-каштановые волосы Клэр через плечо.

— Разденься для меня.

Она облизывает нижнюю губу, и я жду, что она откажется, но она отбрасывает пиджак и расстегивает рубашку. Я залезаю в ее кружевной лифчик и кручу ее соски, и она вздыхает.

Вздыхает? Действительно?

Я игнорирую и еще немного дразню ее соски. Она наклоняется ко мне, дыша от восторга. Черт, будто я ласкаю ее.

Не то что некая особа, которая взорвалась по всему полу после того, как я только прикоснулся к ее соскам.

Но дело не в ней.

Я поднимаю руку и хватаю Клэр за челюсть, а затем открываю ей рот пальцами.

— Хочешь, чтобы я взяла тебя в рот? — спрашивает Клэр страстным голосом, это... неправильно.

Так чертовски неправильно.

Я даже не могу заставить Рона Астора Второго проснуться ради нее.

Я... я буду хорошей.

Ее голос врывается в мой разум, как чертова железнодорожная катастрофа.

— Скажи, что будешь хорошей, — говорю я Клэр.

— Я буду хорошей. — она проводит языком по верхней губе и тербит мой галстук. — А ты не слишком-то разодет, а?

— Не тот тон. — я улыбаюсь. — Скажи это правильно.

Она хмурит брови.

— Что ты имеешь в виду?

Это поражает меня тогда, как гибель со всеми проклятыми звуками. Я не хочу слышать ее голос или видеть ее лицо.

За все те годы, что я трахался с женским населением, у меня всегда было это чувство неудовлетворенности. Я доводил их до оргазма и получал свой в ответ, но всегда чего-то не хватало.

Я игнорировал это в течение многих лет, притворяясь, что это неправильно.

Но той ночью, когда Тил потерлась о мой живот, я понял, чего мне не хватало.

Порочность поступка.

Я никогда в своей жизни не был так тверд, как тогда, когда ее тело было обернуто вокруг меня.

И я имею в виду, блядь, *никогда*.

С тех пор как он стал свидетелем этой сцены, Рон Астор Второй стал придирчивым и отказывается становиться твёрдым для кого бы то ни было.

Это не вина Клэр, это его вина.

Я уже собираюсь оттолкнуть ее, когда дверь открывается. Свет проникает сквозь небольшую щель, прежде чем появляются эти стройные ноги, обтянутые сетчатыми чулками.

Тил тяжело дышит, прижимаясь спиной к двери, закрывая ее за собой, и хватается за грудь, казалось, не обращая внимания на окружающее.

Она наклоняется, ее хрипкое дыхание заполняет тусклое пространство, но я могу разглядеть ее растрепанное состояние, приоткрытые губы, даже когда волосы падают по обе стороны ее лица.

У нее какой-то приступ?

Теперь, думая об этом, у нее всегда были такие моменты, когда она исчезала неизвестно куда, и никто не мог ее найти.

— Эм, извините нас? — Клэр кладет руку на бедра, слегка поворачиваясь к ней лицом. — Здесь занято.

Тело Тил дергается, ее голова вскидывается. Чернота ее глаз кажется еще более опустошенной из-за отсутствия света.

В тот момент, когда она видит меня, выражение ее лица смягчается, но это длится всего секунду. Остальная часть сцены перед ней становится ясной — полуобнаженная Клэр, мои руки на ее груди — и просто так черты лица Тил превращаются в пустой фасад.

Бесчувственный.

Она хочет, чтобы я думал, что все это ее не касается? К черту это.

— Я не знала, что здесь кто-то есть. — она начинает оборачиваться.

— Ты можешь остаться и посмотреть. — я улыбаюсь. — Верно, Клэр?

Последняя кивает, желая покончить с этим и пойти сказать своим подругам, что она трахнулась с Ронаном Астором. Девушки здесь используют меня, а я использую их в ответ — беспроблемно.

Тил не делает ни малейшего движения, чтобы остаться.

Кто-то убегает.

Мои губы растягиваются в ухмылке.

— Если только тебя что-то в этом не беспокоит?

— Ты льстишь себе. — она смотрит мне прямо в лицо, ее руки безвольно свисают по бокам.

— Как насчет того, чтобы устроить шоу моей невесте, Клэр? — я ухмыляюсь ей. — Она немного вуайеристка.

Я думаю, что челюсть Тил сжимается, но это слишком быстро исчезает.

— Абсолютно, Рон, — говорит Клэр, затаив дыхание.

— На колени, любимая. — я разговариваю с Клэр, но мое внимание приковано к девушке у двери. — Отсоси у меня и сделай это хорошо, чтобы моя невеста могла получить несколько советов.

Клэр опускается на колени без всякого протеста, ее пальцы играют с моим ремнем.

Ну же, ma belle — моя красавица. *Ты знаешь, что хочешь остановить это.*

Взгляд Тил остается незаинтересованным, отстраненным, даже когда ситуация развивается у нее на глазах. Ее руки немного дрожат; это было бы даже не заметно, если бы я не наблюдал за ней, как ястреб.

Теперь Клэр расстегивает мои брюки, и я стону.

— Как ты себя чувствуешь, наблюдая, как твой будущий муж трахается с кем-то другим, *ma belle* — моя красавица? Это тебя заводит?

Взгляд Тил скользит по пальцам Клэр, прежде чем вернуться к моему лицу.

— Есть один тип, который меня возбуждает, и я увижу его сегодня в том месте, которое мы оба так хорошо знаем. На этот раз я позабочусь, чтобы ты все не испортил. Возможно, я тоже заставлю тебя наблюдать и все такое.

Я ухмыляюсь, хотя мои челюсти сжимаются.

Хорошо сыграно, невеста.

Но неужели она думает, что я был бы против того, чтобы какой-нибудь мужчина постарше прикасался к ней, доводил ее до оргазма, просто дразня ее соски и наблюдая, как ее лицо краснеет, когда она дрожит всем телом?

Мне все равно.

Черт возьми — мне не все равно.

Какого хрена меня это волнует?

Я собираюсь остановить Клэр, когда к нам приближается Тил. Как в ту ночь, когда она набросилась на меня в мгновение ока.

Она хватается Клэр за волосы и тянет назад. Девушка визжит, падая на задницу.

— Что за...

— Проваливай. — Тил смотрит на нее сверху вниз.

— Нет, ты проваливай, ненормальная.

Клэр поднимается на ноги, собираясь напасть на нее.

Тил останавливает ее, прижимая руку к ее лицу. Я не знаю, как она это делает, но она выглядит нормальной, хотя ее тело дрожит от ярости или волнения — или и того, и другого. Как будто ее лицо не может справиться с ее эмоциями.

Она выталкивает ее, бросает ей вслед пиджак и захлопывает дверь перед носом, обрывая все крики и протесты Клэр.

Когда она снова смотрит на меня, пустота все еще там, но ее руки сжаты в кулаки по бокам.

— Вот и мой минет на сегодня. — я стараюсь, чтобы мой голос звучал беззаботно. — Ты выгнала Клэр, чтобы закончить работу?

— Мечтай.

— Ох, ты никогда раньше не делала минет? Я могу помочь с этим. — я указываю перед собой. — Первый шаг это встать на колени.

Она скрещивает руки на груди.

— Ой, подожди, — мои губы кривятся в ухмылке. — Тебе также нравится, чтобы с этим шла боль?

Она ничего не говорит.

Я застегиваю брюки, и она наблюдает за движением, будто мой член прыгнет на нее или что-то в этом роде.

По правде говоря, он действительно хочет это сделать.

— Если ты не планировала занять место Клэр, почему ты ее выгнала?

Ее взгляд становится жестким, но она фыркает и смотрит в другую сторону.

— Хм. Потому, что...

— Я не знаю.

— Ты не знаешь?

Я приближаюсь к ней, пока она снова не оказывается на поверхности, и я возвышаюсь над ней.

Мне начинает нравиться эта поза, возможно, даже уже нравится.

Похоже, она тоже осознает этот факт, так как ее ногти впиваются в руки.

Однако Тил не отступает. У нее есть эта очаровательная привычка свирепо смотреть, даже когда ее загоняют в угол.

В ней так много борьбы, и я хочу исследовать ее сантиметр за мучительным сантиметром, а затем, быть может, сломать ее.

Определенно сломать, чтобы я мог увидеть, что за этим стоит.

— Все, что я знаю, — говорит она нейтральным голосом, — Если ты сделаешь это снова, я также заставлю людей касаться меня перед тобой. Я твоя невеста, и это делает меня равной тебе, а не твоей игрушкой. Если ты проявишь неуважение ко мне в присутствии других, я сделаю то же самое.

Я улыбаюсь, но за этим нет никакого юмора.

— Почему ты думаешь, что меня это волнует?

— Тогда продолжай. В любом случае, давай посмотрим, кто из нас двоих самый большой эксгибиционист. Для протокола, я никогда не проигрываю.

Черт. Эта девушка.

— Ты не пойдешь сегодня в *La Débauche*. Или когда-либо, если уж на то пошло, но это в другой раз.

— Почему нет? — насмехается она. — Я могу попросить кого-нибудь раздеть меня, когда я встану перед ним на колени. Мне хочется воссоздать сцену только что, произошедшего.

Я хватаю ее за затылок, и она замирает, ее дыхание прерывается. Трахните меня, всего одно прикосновение, и она уже такая отзывчивая.

На что бы это было похоже, если бы я прижал ее и съел, словно она моя последняя еда? Или еще лучше, если бы я трахнул ее, не сдерживаясь, как всегда, хотел?

— О-отпусти меня.

— Возможно, ты захочешь сделать это немного более убедительным, — шепчу я.

— Ронан...

— Да, *ma belle* — моя красавица?

— Если ты меня не отпустишь...

— Что? Оставишь еще один любовный укус, как тот, что на моей губе?

Я касаюсь небольшого пореза, который медленно заживает.

Ее взгляд следует за моим пальцем, и она сглатывает, ее дыхание потрескивает в тишине.

— Тебя заводит понимание, что ты причинила мне боль?

— Что? Нет.

Ее голос самый низкий, который я когда-либо слышал.

Моя маленькая сумасшедшая красавица.

— Тогда это перспектива получить боль в ответ?

Мой палец скользит вверх и вниз по коже ее затылка, и именно тогда я чувствую дрожь, которая охватывает ее.

Когда она ничего не говорит, я наклоняюсь и шепчу:

— Тебе не нужно скрывать от меня свое безумие, *ma belle* — *моя красавица*. Покажи это, и я обещаю насладиться этим.

Она отталкивает меня, ее щеки краснеют.

Я усмехаюсь, когда она открывает дверь и выскакивает наружу.

— У тебя есть неделя, чтобы разорвать помолвку, — кричу я ей вслед своим очаровательным тоном.

Она не оборачивается и бежит к ближайшему выходу.

Это уже второй раз, когда она убегает от меня, но третьего не будет.

Глава 10

Тил

— Привет, Агнус.

Я улыбаюсь в первый раз за сегодняшний день.

Ноксу нравится дразнить меня, говоря, что я улыбаюсь только раз в день, и надеюсь, что он не поймет, как Эльза, и не поймет, кому я улыбаюсь.

Я пристегиваю ремень безопасности, когда машина выезжает на дорогу.

Агнус воспитал Нокса и меня, будто мы были его детьми. Когда нам было восемь, нас с Ноксом похитил его брат Реджинальд, хотя я бы не назвала это похищением. Мы с Ноксом убегали из борделя, в котором работала мама. Мы были голодны и замерзли, так замерзли; я все еще чувствую холод зимними ночами, даже когда нахожусь под одеялом.

Реджинальд был тем шикарным водителем, который предлагал нам еду, если мы встречали его любовницу. Ноксу это не нравилось, и он говорил, что нам не стоит ехать, но я взяла Реджинальда за руку, и мы сели в его машину.

У нас была еда. Мы ели так много, что я думала, что мы лопнем, но, будучи голодными грязными детьми, мы продолжали есть, потому что не знали, когда поедем в следующий раз.

Затем появилась любовница Реджинальда — покойная жена отца, Эбигейл, — и она была точной копией того, как Эльза выглядит сейчас.

Она была добра и приготовила нам ванну, а затем дала нам новую одежду. Я не произнесла ни слова, ни разу, но Нокс продолжал благодарить ее и был таким очаровательным.

Чего мы не знали, так это того, что она была психически больна и кормила только детей, которые были похожи на ее покойного сына. В тот момент, когда она узнала, что я девочка с короткой стрижкой, она как бы взбесилась.

Меня с Ноксом заперли в подвале в течение нескольких дней или недель, я до сих пор не помню. Мы почти не ели, и однажды она порезала нам колени, чтобы у нас была такая же травма, как у ее сына.

Тогда Нокс плакал, даже когда обнимал меня и говорил, что все будет хорошо.

Не было хорошо.

Я была слишком ошеломлена, и это было не из-за того инцидента. Я также ничего не говорила. Все, что я продолжала делать, это облизывать губы, пробуя последний кусочек шоколада, который мы съели.

Потом появился папа.

Люди думают, что рыцари это твоя половинка, но мой рыцарь это отец, Итан.

Он спас нас от своей жены и собирался отвезти нас обратно к маме, но Нокс умолял его не делать этого.

Я просто отпрянула, все мое тело дрожало при мысли, что мне придется вернуться к той жизни в борделе и пройти через все, что с ней связано.

Хотя прошло уже больше десяти лет, я все еще помню, как Агнус впервые заговорил со мной. Папа был занят с Ноксом, а потом этот человек присел передо мной на корточки и спросил успокаивающим тоном:

— Ты не хочешь возвращаться?

Я так сильно покачала головой, что он улыбнулся и заставил меня остановиться.

— Ты можешь это сказать?

— Не забирайте нас обратно, пожалуйста.

Это был первый раз, когда я заговорила за последние недели, и это было из-за Агнуса.

Но он не обнял меня. Папа обнял, и, может, поэтому я вижу в нем своего рыцаря.

Агнус другой. Я наблюдаю за его боковым профилем с легким вздохом. Я никогда не считала его отцом. Странно, понимаю. В конце концов, именно он заботился о нас с Ноксом в те годы, когда папа лежал в коме.

Он никогда не вел себя как отец. Он всегда был эффективен в выполнении своих задач, и на этом все.

С годами первоначальное восхищение росло. Не знаю, в какой момент я точно нахожусь, но все, что я знаю, это то, что мне нравится его молчаливая компания, и тот факт, что он никогда не улыбается и не проявляет эмоций, является плюсом.

Что? У всех разные вкусы.

— Спасибо, что забрал меня, Агнус.

Он просто кивает.

Почти без слов — еще одно из его качеств. Ох, я упоминала, что он папин попечитель и правая рука? Он тот, кто управлял папиной стальной империей, когда папа не мог. Он тот, кто помогает папе вернуть свое место в деловом мире теперь, когда он вернулся.

В Агнусе есть практически бесконечное количество положительных качеств.

— Нокс и Эльза будут за ужином? — спрашивает он, не отрывая глаз от дороги.

— Нокс с друзьями, а Эльза с Эйденем, так что предполагаю, что нет.

— Идеально.

Конечно, он нашел бы это идеальным. Они слишком шумят за столом, и хотя папу это забавляет, но не Агнуса.

Сегодня вечером мы будем только вдвоем, мирные и совершенные.

Мне также не нравится много энергии. Это портит чувства и истощает меня.

Как один придурок из прошлого. Не могу поверить, что повела себя так с девушкой, которая стояла на коленях у его ног.

Ну и что с того, что она отсосала у него? Это не мое дело.

Он пешка, просто чертова пешка.

Но иногда пешки могут перевернуть всю игру. Папа несколько раз выигрывал, просто используя свои пешки.

Я прогоняю эту мысль прочь.

Почему я позволяю этому ублюдку портить мое время наедине с Агнусом? Я снова изучаю его, его сильные руки и лицо.

Воспоминания о других руках, прикасающихся ко мне, ощупывающих меня и заманивающих в ловушку, врываются в разум.

Убирайся из моей головы, черт бы тебя побрал.

— Ты собираешься рассказать мне, что происходит?

Я вздрагиваю от вопроса Агнуса. Я была слишком поглощена своими фантазиями о Ронане и почти забыла о нем.

Так держать, Тил.

Я заправляю прядь волос за ухо, прекрасно зная, что через несколько секунд она будет выбита.

— О чем?

— Вся эта идея с помолвкой.

— Я же говорила — я просто пытаюсь помочь папе.

— Понятно.

Он знает, что я лгу, черт возьми. Не хочу, чтобы у Агнуса сложилось такое мнение обо мне, но в то же время я отказываюсь признаваться. Эта тайна последует за мной в могилу. Ни он, ни папа, ни Нокс не пострадают от этого.

Есть только я и тень на моем плече.

— Я действительно хочу помочь папе, и у меня может быть на уме что-то еще. Я просто хочу, чтобы ты мне доверял.

— Я подумаю об этом, если ты расскажешь мне, что происходит.

Он не пропускает ни секунды.

— Агнус, брось, у каждого должны быть свои секреты.

— Не тогда, когда это может навредить Итану.

— Я бы никогда не навредила.

Он коротко кивает, и вот так просто тема исчезает. Не сомневаюсь, что он будет копать за мной, а это значит, что мне нужно быть особенно осторожной в своих действиях.

Агнус абсолютно нетерпим ко всему, что может причинить вред отцу. Он чуть не отвернулся от Эльзы, когда она оказалась проблемой на пути отца к успеху.

Наверное, именно поэтому они двое на самом деле не ладят.

Мой телефон вибрирует от смс — Ронана.

Он прислал мою фотографию, которую сделал в клубе. Мои щеки пылают от позы, в котором я нахожусь — позы, в которой я никогда не была за всю свою жизнь. Покорная, смущенная... возбужденная. Его палец сжимает мой сосок, и я почти ощущаю прикосновение к своей пульсирующей груди.

Ронан: *Раз уж ты испортила мне сеанс удовольствия, я подрочу на эту фотографию.*

Образ того, как он обхватывает руками свой член и дрожит на мой снимок, заставляет желудок опуститься. Почему, черт возьми, это так на меня подействовало?

Я ненавижу мужскую мастурбацию, так почему я не ненавижу, когда он это делает?

Мой телефон вибрирует от другого сообщения.

Ронан: *Тогда, может, я отправлю это Итану и моему дорогому отцу. Давай, покончи с этим, ma belle — моя красавица, и я обещаю тебе весь мир.*

Ронан: *Просто шучу. Я обещаю тебе боль.*

Тил: *Что это за логика такая? Ты не против прикасаться ко мне, когда я не твоя невеста, но не наоборот?*

Ронан: *Динь-дон, ты наконец-то поняла.*

Тил: *А?*

Я позволяю себе любопытство, которому никогда бы не последовала, если бы это был любой другой человек.

Я стратег; мои глаза всегда устремлены на конечную цель. Я не позволяю себе сворачивать в середине операции.

Но Ронан исключение из всех правил.

Он чертова аномалия со своей глупой ухмылкой, карающими руками и противоречиями в его личности.

Ронан: *Потому что название связано с бременем. Я не хочу связываться с бременем. Вроде того, как ты не хочешь трахаться нормально.*

Я отмечаю текст как прочитанный, но не отвечаю.

Ронан: *Это твое последнее предупреждение. Разорви помолвку до того, как это сделаю я. Мммлады?*

Мои плечи напрягаются, когда я выхожу из переписки. Он так долго угрожал мне; пришло время ему понять, что мне нельзя угрожать.

— Агнус?

— Да.

— Ты можешь высадить меня где-нибудь?

Я набираю номер в списке контактов и улыбаюсь во второй раз за сегодняшний день.

Ронану не следовало связываться со мной. Если он укусит, я всегда укушу в ответ.

Глава 11

Ронан

— Что это значит, когда девушка обламывает тебя с минетом?

Коул не отрывает головы от книги *«Анатомия Зла»*; в последнее время он много читает ее. У него бывают фазы, когда он проводит много времени за чтением определенной книги, пока не выучит ее наизусть.

— Ты имеешь в виду что-то похожее на то, как ты сейчас мешаешь мне читать?

— Это не одно и то же, ты не можешь трахать книги. — он поднимает бровь, и я протягиваю руку. — Даже не высказывай эту мысль, капитан. А теперь вернемся к моему вопросу: что это значит?

— Почему ты спрашиваешь меня? Почему бы не спросить остальных?

— Потому что Эйден трахает Эльзу — не то, чтобы он делится мудростью — а Ксандер в реабилитационном центре, так что ты все, что у меня есть. — я делаю паузу, ухмыляясь. — Кроме того, ты самый умный.

— Хорошая экономия.

— Кто я такой, если не хороший спортсмен? Не так ли, капитан?

Он переворачивает страницу, на мгновение игнорируя меня. Я поехал с ним, и теперь мы находимся в его доме, или, скорее, в доме его отчима, Себастьяна Куинса. Будущий премьер-министр Соединенного Королевства и один из союзников отца. Ему нравится держать всех, кто имеет значение рядом — как приемный отец Тил, Итан Стил.

Комната Коула безликая, с кроватью и письменным столом, и почти ничего запоминающегося. Он проделывает впечатляющую работу, делая ее скучной и заполненной книгами.

В отличие от меня, Ксандера или даже Эйдена, Коулу не нравится, когда к нему приходят люди.

Я же говорил, что он добрый снаружи, но мудака внутри.

— Если я отвечу на твой вопрос, — говорит он, — Ты уйдешь?

— Зависит от того, будешь ли ты блефовать или нет.

Мне нужно донести это до всех, потому что этот ублюдок имеет тенденцию говорить то, что ты хочешь услышать, просто чтобы ты исчез, вроде того, как я улыбаюсь, чтобы сохранить мир.

Все еще сидя на кровати, он опирается на кулак, но не выпускает книгу.

— Расскажи мне подробности.

Черт, да.

Я подтаскиваю его стул к столу, разворачиваю и сажусь так, чтобы мои руки были сверху.

— Итак, вот в чем все дело: мой друг собирался мне сделать минет, но одна девушка прервала меня — я имею в виду *его*, а не меня. Как ты знаешь, у меня нет проблем с сексом. Он лузер.

— Какие еще друзья у тебя есть, кроме нас?

— Просто кое-кто. Кроме того, у меня есть Ларс.

— Ларс на тридцать лет старше тебя. Уверен, что хочешь считать его другом?

— Я считаю его другом, и ты мудака, капитан. Я рассказываю Ларсу, а он сноб, который держит обиды и пишет о них в своей маленькой черной книжечке, так что никакого чая для тебя, *а* он не одолжит тебе романы из библиотеки отца.

— Тогда, может, мне не стоит помогать с твоей.. Я имею в виду, проблемой *твоего* друга.

— Я шучу, капитан. Просто шучу. — я одариваю его своей лучшей улыбкой. — Так на чем мы остановились? Верно, мой друг и девушка, которая его обломала.

Выражение его лица не меняется.

— Твой друг-неудачник позволил обломать минет?

— Почему мы называем его неудачником?

— Ты назвал — я просто подыгрываю. — его губы кривятся в ухмылке.
— В конце концов, он твой друг, верно?

Ублюдок.

— Да, он позволил ей.

— Он, по крайней мере, использовал ее рот вместо этого?

— Нет.

И не потому, что я не хотел; это потому, что она убежала. Какого хрена я позволил ей сбежать?

— Мы должны назвать твоего друга киской, а не неудачником.

Я притворно ухмыляюсь.

— Это все, что ты можешь посоветовать?

— Она, наверное, ревновала.

— Верно? Я так и знал.

— Или она играет в какую-то игру.

Черт.

— Откуда ты знаешь, кто есть кто?

— Это вопрос, который задают все философы.

— И каков ответ?

— Нет ответа, Ронан. Тебе придется смириться с тем фактом, что ты не поймешь, как работают женские мозги.

— Так как он должен реагировать?

Он приподнимает бровь.

— Не быть слабаком. Если у тебя появится шанс, воспользуйся им. Я имею в виду, твой друг-неудачник должен схватить его.

Я хватаю ручку со стола позади и бросаю в него, чтобы стереть его ухмылку, но он ловит ее над головой.

Его ухмылка превращается в широкую ухмылку.

— В конце концов, моя информация помогла. — он крутит ручку между указательным и средним пальцами. — Тебе не кажется, что ты мне должен?

Теперь моя очередь ухмыляться.

— Тебе не кажется, что ты должен мне больше? Представь, если бы я не рассказал тебе о том, как *она* вела себя перед твоим тайным поклонником.

— В следующий раз, когда ты мне что-то скажешь, не делай этого, когда Эйден рядом.

— Почему? Думаешь, он передумает?

— Как будто, черт возьми, он бы передумал.

Раздается стук в дверь, прежде чем она открывается, Сильвер заглядывает внутрь. Она отличается от школы. Дома она в розовом мини-платье, которое облегает ее изгибы и подчеркивает ее сиськи, которые мы с Ксаном обманом заставляли ее показывать нам с тех пор, как были еще подростками.

Такие девушки, как Сильвер, в моем вкусе: блондинки, сложенные, горячие, как грех, и с моим социальным положением.

Теперь, похоже, никто не в моем вкусе.

Поправка — Рон Астор Второй думает, что только одна из них в его вкусе, и я ничего не могу сделать, чтобы изменить его мнение.

— Ужин готов. — она едва встречается взглядом с Коулом, прежде чем снова сосредоточиться на мне. — Привет, Ронан. Присоединяйся к нам.

Лицо Коула остается обычным — скучающим, как будто он покончит с собой из-за того, насколько скучен мир, — но он перестает вертеть ручку.

— Ронан как раз собирался уходить, — говорит он.

— Богохульство. Я бы ни за что на свете не пропустил стряпню твоей мамы.

Она автор бестселлеров и все же находит время для готовки лучших блюд. Мама Сильвер горячее, но мама Коула более домашняя, мягкая и мамина подруга. Если бы я был отцом Сильвер, у меня было бы и то, и другое. Просто говорю.

Я вскакиваю и обнимаю Сильвер за плечи.

— Это только, мне кажется, или ты выглядишь сексуально даже в домашней одежде?

Она улыбается и откидывает назад свои золотистые волосы.

— Что могу сказать? Это мой дефолт.

Я украдкой бросаю взгляд на Коула, и он одними губами говорит:

— Уходи.

Я притворяюсь, что не вижу его, когда иду с его сводной сестрой по коридору. Он догоняет нас и шепчет так, чтобы услышал только я.

— Уходи, пока я не сломал тебе руку.

— Сильвер, ты слышала, как кто-то разговаривал?

— Не думаю. — она ухмыляется, и я ухмыляюсь в ответ.

Я начинаю чувствовать, как Эйден вел себя все эти годы. Это чувство власти над Коулом вызывает эйфорию.

Мой телефон вибрирует. Сообщение из дома.

Ларс: *У нас возникла ситуация.*

Поцеловав мать Коула в щеку и в последний раз разозлив ее сына, я покидаю их особняк.

Я приезжаю домой в рекордно короткое время. Я позвонил Ларсу по дороге, но он не взял трубку, а это значит, что он занят, черт возьми, и у него нет времени на телефонный разговор.

Лучше бы это было не то, что я думаю.

В тот момент, когда я вхожу в дом, я чувствую это — изменение в воздухе, изменение в атмосфере. Даже обычный аромат жасмина, который так любит мама, кажется тусклым, поглощенным другим типом запаха.

Что-то мощное и все же незаметное.

Ларс появляется у входа и кивает в сторону папиного кабинета. Мне не нужно повторять дважды, и я делаю два шага за раз, останавливая себя только потому, что сотрудники не должны видеть, как бежит сын графа.

Почти уверен, что они также не должны помогать ему устраивать вечеринки или прятать его записку с травкой, но семантика.

Я нахожусь рядом с кабинетом, когда он открывается, и появляются двое мужчин. Один мой отец, а другой его младший брат, дядя Эдуард.

В отличие от отца, Эдуард энергичный мужчина под сорок. Он работает в отделе импорта и экспорта бизнеса отца. По сути, он правая рука отца, не считая того, что он его самый любимый брат.

Он одевается в эксцентричные яркие костюмы — его способ привлечь внимание. Сегодня на нем темно-фиолетовая рубашка с принтом мозаики на груди. В то время как отец высокий и широкоплечий, Эдуард худощав и узкоплеч. Его внешность в лучшем случае средняя: круглый нос и слегка выпученные зеленые глаза, будто они не вмещаются в глазницы.

Генетическая разница между ним и отцом заметна. Один из них выглядит настоящим аристократом, в то время как другой выглядит как благотворительный фонд, которым он был в какой-то момент, будучи пасынком семьи Астор.

Когда он видит меня, Эдуард оставляет отца и заключает меня в объятия. Я на мгновение замираю, встречаясь взглядом с папой, а затем обнимаю дядю, похлопывая его по плечу, как «люди с титулами не обнимаются». Даже мой отец качает головой в ответ на это. Ему так и не удалось заставить Эдуарда бросить эту привычку.

Он никогда не бросит.

— Взгляни на себя, племянник. — Эдуард отстраняется, оглядывая меня с ног до головы. — Ты вырос.

Я ухмыляюсь.

— Ты все тот же.

Он смеется, звук похож на песню, которая заиграла не так, прежде чем завершиться на сокрушительной ноте.

— Это я, племянник.

— Для меня сюрприз увидеть тебя здесь.

Я перевожу взгляд с него на отца, надеюсь, что один из них объяснит его внезапное возвращение с другого конца света. Я думал, что он отвечает за австралийский филиал и больше не вернется.

— Эдрик перезвонил. — Эдуард сжимает мое плечо. — Разве не чудесно?

— Действительно.

Я фокусирую свое внимание на отце.

— Я занят, так что с этого момента твой дядя будет заботиться о лондонском филиале.

— Чем занят? — спрашиваю я, прежде чем успеваю остановиться. — Твоими туристическими поездками или тасканием мамы по всему миру?

— Ты не будешь меня допрашивать, — он сверлит меня взглядом.

Когда я был младше, свирепый взгляд Эрла Астора означал, что мне нужно заткнуться и сделать так, как он мне сказал.

Я всегда слушался.

Пока один из его взглядов не изменил мою жизнь к чертям собачьим.

— Эдуард, давай выпьем чаю. — отец улыбается брату, указывая вниз. — Ларс приготовил твой любимый.

— Ларс. Как мило. Я забыл, что он всегда рядом. — Эдуард в последний раз сжимает мое плечо. — Нам так много нужно наверстать, племянник. С нетерпением жду этого.

— Не уверен, что у тебя найдется для меня время, дядя. Мой отец не вмешивается в дела бизнеса. — я пристально смотрю на упомянутого родителя. — Схожу к маме, так как ты, как обычно, занят.

Он открывает рот, чтобы что-то сказать, но я уже шагаю по коридору в спальню родителей.

Голос Эдуарда эхом отдается позади, когда он успокаивает отца, говоря ему, что я в определённом возрасте, и он должен быть терпелив со мной.

К черту их обоих.

К черту их имена, титулы и бизнес.

Я останавливаюсь перед спальней родителей и делаю глубокий вдох. Мама не может увидеть меня в худшем состоянии, иначе она почувствует.

Она всегда чувствует.

С тех пор как я был мальчиком, она останавливалась, смотрела на меня и говорила: «*Dit moi tous, mon chou — Расскажи мне все, мой малыш.*»

Не знаю, когда я перестал рассказывать ей все, что у меня на уме, я имею в виду, или быть ее сыном. Нет, это ложь — я знаю точный момент; я просто никогда не хотел ассоциировать этого со своей мамой.

Она свет. Этот момент тьма.

Я делаю глубокий вдох и стучу в дверь. Ответа нет. Я стучу снова, и когда ничего не слышу, мое сердце бешено колотится.

Она же не могла упасть в обморок, как в тот раз... Верно?

— Мама?

Нет ответа.

— Я вхожу.

Я толкаю дверь и вхожу внутрь, но в ее комнате нет никаких признаков присутствия. Я проверяю ванную, но ее там тоже нет.

Блядь. Куда она делась?

Мама редко выходит из своей комнаты, если вообще выходит, и всякий раз, когда она выбирается, она идет в соседний кабинет, чтобы отвечать на электронные письма и тому подобное.

У нее нет друзей, о которых можно было бы говорить. Папа и я весь ее мир, как она однажды сказала.

Я собираюсь проверить кабинет, когда прохожу мимо закрытой двери балкона. Конечно же, мама стоит на солнце, ее светлые кудри падают на плечи, когда она смеется. Я не видел, чтобы она так смеялась... много лет.

И причина этого смеха не кто иная, как крошечная девушка, которая безумнее и красивее, чем я когда-либо думал.

Тил поправляет ленточку на мамином платье и говорит что-то, что снова заставляет ее засмеяться. Редкое английское солнце светит на них обеих, заставляя мамины волосы и глаза сиять и придавая блеск черному взгляду Тил.

Она улыбается. Улыбка скромная и сдержанная, но она есть. Улыбка — при этом чертовски искренняя.

Может, из-за встречи с отцом и Эдуардом, а может, из-за всего, произошедшего за те дни, с тех пор как эта крошечная вещь ворвалась в мою жизнь.

Я знаю одно наверняка: на этот раз она не сможет уйти.

Коул оказался прав — пришло время воспользоваться шансом.

Глава 12

Тил

Я никогда не была склонна к светской беседе. Это вызывает у меня зуд по коже. Кроме того, я слишком неуклюжа для этого.

Человеческое взаимодействие всегда было моей слабостью, вот почему я свожу его к абсолютному минимуму.

Однако, когда я сижу с Шарлоттой, я думаю об этой ситуации не как о светской беседе, а скорее, как о послеобеденном чае. Или, скорее, о чем-то более притягательном и необычном.

Мне требуется много времени, чтобы установить контакт с людьми — если я когда-нибудь его установлю, — и им требуется целая вечность, чтобы привыкнуть ко мне. Вот что случилось с Эльзой и ее подругой Ким.

Шарлотта совсем другая.

В ней есть элегантная утонченность, которая заставляет меня чувствовать себя более желанной, чем позволяет моя кожа.

Несмотря на наше недавнее знакомство, она говорит так, будто мы знаем друг друга целую вечность, будто Ларс готовит нам чай ежедневно. Она даже не протестовала, когда я предложила сделать ей макияж и выбрать платье.

Люди с такими титулами, как Шарлотта, одеваются в доме, как в викторианскую эпоху.

Я не заметила, как прошли часы. Причина, по которой я пришла, тоже начала исчезать. Довольно скоро я обнаружила, что разговариваю с ней, и не из-за того, что ожидается в таких ситуациях.

Я разговариваю. Я, завязываю разговор.

Сначала я думала, потому что мне ее жаль. В конце концов, Шарлотта жертва во всем этом, и не заслуживает того, что произойдет в конце сказки.

Но в конце концов я поняла, что мне действительно нравится ее общество, как раз в то время, когда я начинаю рассказывать ей о проделках Нокса и новой любви Эльзы.

— А что насчет тебя? — спрашивает она своим легким, как перышко, успокаивающим для ушей голосом.

— Меня?

Я останавливаюсь, завязывая ленту у нее на талии. У меня всегда было пристрастие к одежде и внешнему виду, даже если я склоняюсь к эксцентричному типу.

— Да. У тебя есть любовь, как у твоей сестры?

— Нет... я не знаю.

Что, черт возьми, происходит с этим колебанием в конце?

Красивое лицо Шарлотты немного вытягивается, но она похлопывает меня по руке.

— Не отказывайся от этой идеи слишком рано. Никогда не знаешь наверняка.

— Как... — я украдкой смотрю на нее. — Что значит любить? Я имею в виду, я знаю, что люблю своего отца и Нокса, но я читала, что есть другой тип любви? — я поджимаю губы, как только произношу эти слова.

Почему я изливаю свои проблемы с пониманием эмоций на женщину, которую я только что встретила и едва знаю?

Шарлотта улыбается; улыбка яркая и немного слабая, но она так сильно напоминает мне ее сына. Нет никаких сомнений в том, от кого он получил это сияние.

— Хотела бы я, чтобы этому было объяснение из учебника, но могу обещать тебе следующее: в тот момент, когда ты столкнешься с любовью, ты сразу узнаешь ее, *chérie* — *дорогая*. — она кладет мягкую руку мне на левую грудь.

Я удерживаюсь от того, чтобы сказать ей, что я что-то чувствую, но в основном не могу распознать это. Это невозможно исправить; даже терапия

не сработала. Это дало мне всего несколько советов, и иногда они не дают правильных ответов.

Человеческие эмоции странные.

Шарлотта опускает руку и вздыхает.

— Я тоже чувствовала себя такой же растерянной, как и ты, когда впервые встретила Эдрика.

Мои ногти впиваются в ленту, но вскоре я разжимаю их.

— Действительно?

— Ты знаешь, наш брак тоже был договорным.

— Да?

Почему ни в одной из статей об этом не упоминалось?

Это уже второй промах с твоей стороны, Тил.

— Да. Его отец и мой были деловыми партнерами, но вот поворот сюжета. — она наклоняется, чтобы прошептать. — Эдрик должен был жениться на моей старшей сестре Селин.

— Ох.

— Знаю. Я как бы украла судьбу своей сестры. — она смеется, звук нежный и ненавязчивый. — Но есть еще один поворот сюжета — моя сестра сбежала от папиной охраны, как в мыльной опере, и мне пришлось спасти честь семьи, выйдя замуж за этого высокомерного англичанина, которого папа привел в наш дом. Тогда я так сильно ненавидела Эдрика. Он был слишком гордым и властным, и не принял бы «нет» в качестве ответа, пока я была свободной духом.

Ее слова застают меня врасплох.

— Вы ненавидели его?

Она закатывает глаза.

— До смерти.

— Тогда как вы в конце концов вышли за него замуж?

Лукавая улыбка приподнимает ее губы.

— Я разрушила его стены и обнаружила человека под поверхностью, а не того, кого он показывает публике, и этот человек внутри тот, в ком я всегда нуждалась. Мы женаты уже двадцать три года, и это были самые счастливые годы в моей жизни.

Если они женаты двадцать три года, а Ронану восемнадцать, то они оставались бездетными в течение нескольких лет. Интересно, почему? Эдрик относится к тому типу мужчин, которые позаботятся, чтобы его гнилое наследие продолжало жить, поэтому я бы предположила, что они поженились менее чем за год до рождения Ронана.

Я держу этот вопрос при себе, потому что, если бы я его озвучила, это прозвучало бы чертовски неловко.

— Вот почему я хочу, чтобы ты была непредвзятой, *chérie* — *дорогая*.
Никогда не знаешь, что найдешь, если не разрушишь несколько стен.

Что именно она предлагает? Что я разрушу стены ее сына? Если это так, то это уже происходит — только это не так романтично, как она надеется.

И он еще этого не знает.

— *Bonsoir* — *Приветствую*.

Мои плечи напрягаются при звуке голоса, который начинает появляться в моих снах — не в кошмарах, в моих чертовых снах.

Ронан входит через балконную дверь, все еще одетый в свою форму, без галстука и пиджака. Верхние пуговицы его рубашки расстегнуты, намекая на обнаженную кожу, о которую я когда-то терлась, пока...

Я внутренне качаю головой, избавляясь от этого образа.

Он наклоняется и целует мать в висок. Поцелуй мягкий, нежный, и Шарлотта восхищенно вздыхает.

— Ты прекрасно выглядишь, мама.

Он берет ее маленькие ручки в свои и целует костяшки пальцев.

— Это все благодаря Тил.

Шарлотта с гордостью показывает на меня, затем на свое платье и макияж.

Мои щеки пылают.

Черт возьми. Я покраснела? Я не краснею.

— Да? — Ронан пристально смотрит на меня. — Не порть лицо моей матери своим черным орудием.

— Это грубо, — ругается Шарлотта.

Я притворяюсь, что его слова не задевают, когда провожу пальцем по косметике. Если бы его матери здесь не было, я бы ударила его в глаз кисточкой.

— Я просто шучу. — он улыбается маме.

— Это не то, над чем можно шутить, *ton chou* — *мой малыш*.

Она поднимается на цыпочки, глядя его по волосам. Я стою рядом, посреди связи матери и сына, и меня как будто вытолкнули из кожи.

За всю жизнь мать была единственным, чего у меня никогда не было. Женщина, которая родила меня и Нокса, не в счет; она дьявол.

Она причина, по которой я не могу распознать половину своих чувств и убегаю от другой половины, словно они в огне.

Видя, как Шарлотта относится к Ронану с такой заботой и любовью в ее голубых глазах, я ненавижу его еще больше.

Он не заслуживает такой матери, как она, точно так же, как Эдрик не заслуживает ее в качестве жены.

— Мам, ты не возражаешь, если я украду свою прекрасную невесту? — он спрашивает ее, но его безумная ухмылка падает на меня.

Прежде чем я успеваю возразить, Шарлотта заговаривает первой.

— Ну, конечно, я не возражаю.

Она берет руку своего сына и кладет ее поверх моей. Шок от его кожи усиливается, когда он переплетает свои пальцы с моими, улыбаясь матери. Он крепче обнимает меня, и я подавляю вздрагивание от силы.

Шарлотта уходит с улыбкой и многозначительным

— Веселитесь, дети.

Как только Ронан закрывает за нами дверь своей спальни, я вырываю свою руку из его, как будто она обжигает меня — и в некотором смысле так оно и есть.

Он хватается меня за руку так резко, что я подавляю крик.

— Н-не делай этого.

— Не делать чего?

Не пугай меня. Это навевает воспоминания.

Вместо того, чтобы озвучить это, я прикусываю нижнюю губу и принимаю серьезный тон.

— Не прикасайся ко мне. Мне не нравится, когда ты прикасаешься ко мне.

Я пытаюсь вывернуться из его хватки, когда он тащит меня по коридору.

— Куда ты меня ведешь?

Его шаги такие длинные и быстрые, и я задыхаюсь, чтобы не отставать от его темпа.

Чертовы высокие люди и их ноги, которые тянутся на чертовы километры.

— Ты облажалась, *ta belle* — *моя красавица*, и пришло время расплаты.

У меня перехватывает дыхание, и его хватка на моей руке покалывает. Проблема в том, что я не могу понять, почему, черт возьми, это вызывает покалывание. Это страх? Предвкушение? Или, может, что-то похуже?

Ронан толкает дверь и заталкивает меня внутрь. Спотыкаясь, я чуть не падаю, но хватаюсь за стену, чтобы сохранить равновесие, когда звук замка эхом отдается вдалеке, как рок.

Я сглатываю, поднимая голову, быстро осматривая место. Учитывая кровать с темными простынями, фотографии в рамках и футбольный мяч, это его комната.

Ронан стоит спиной к двери и тянется рукой за спину — без сомнения, он только что повернул замок.

Я заставляю свои руки упасть по обе стороны от себя, чтобы не выдать дрожь, сотрясающую тело.

Это не настоящая ловушка. Я могу выйти в любое время.

В любой момент.

Я повторяю эти слова в своей голове снова и снова.

— Предполагаю, что произошел просчет? — он улыбается, но теперь я уверена, что он скрывает за этим много дерьма. — Согласно нашему соглашению, ты должна была нанести визит моему отцу и расторгнуть помолвку, а не играть в переодевания с моей матерью.

— Наше соглашение? — я усмехаюсь. — Не припоминаю, чтобы я на что-то соглашалась.

— Действительно?

— Ты сам все предположил.

— Значит ли это, что ты не прекратишь это?

— Абсолютно нет. И если ты снова пригрозишь мне этой фотографией, то теперь у меня есть союзник в лице Шарлотты. — я притворяюсь, что шмыгаю носом. — Как думаешь, что она почувствует, если я скажу ей, что ты отвез меня туда силой? Я не выгляжу послушной на этой фотографии.

Его челюсть подрагивает, но ухмылка становится шире. Я начинаю думать, что Ронан больше улыбается, когда пытается что-то скрыть.

— Думаешь, моя мать поверит тебе больше, чем своему единственному сыну?

— Мы не узнаем, пока не поставим ее в такое положение. — я притворяюсь заботливой. — Она кажется мягкой женщиной — мне не хотелось бы травмировать ее тем, что происходит в твоей голове.

Он отталкивается от двери, и что-то внутри меня кричит мне бежать, даже выпрыгнуть из окна, что угодно, только не стоять здесь, как добыча, которую можно схватить.

Я не добыча.

Я никогда больше не буду добычей.

Вздернув подбородок, я встречаю его пристальный взгляд своим цепким.

Мужчины не пугают меня, потому что мне не хватает этой обычной черты стыда и смущения. Тем не менее, когда Ронан шагает ко мне, я не могу справиться с замком в нижней части позвоночника или эмоциями, ползущими по рукам.

— И что ты знаешь о том, что творится в моей голове, *ma belle* — моя красавица?

Он все еще ухмыляется, преследует, заставляя меня слишком остро осознавать его и его присутствие.

Его подавляющее присутствие. Прямо как в ту ночь в клубе.

Единственная разница в том, что я вижу его прямо сейчас, и, вероятно, поэтому не могу сойти с его орбиты.

— Ты все еще не побывала на экскурсии, но я готов это изменить.

Он останавливается передо мной и хватает меня за подбородок.

Жест мягкий, почти как поцелуй перышка. Его большой и указательный пальцы берут под контроль мою челюсть, и вот так, будто он сжимает веревочки марионетки.

— Помнишь, что я говорил тебе о расплате?

— Я ни за что не стану платить.

Меня удивляет мой спокойный тон.

— Ты действительно думаешь, что у тебя есть выбор?

— Конечно, у меня есть выбор. У меня есть выбор во всем.

Его ухмылка исчезает, и любая попытка, которую он предпринимал, чтобы оставаться нормальным, испаряется в окружающем нас воздухе.

Все усиливается — подъем и падение моей груди, тепло, исходящее от него, его запах, похожий на специи и чертово проклятие. Он все, чем я дышу, все, что я вижу, и все, на чем я могу сосредоточиться.

Я не пытаюсь освободиться от его хватки. Я та марионетка, готовая к движению, к контролю, к тому, чтобы оказаться полностью в его власти.

Очнись, Тил. Это Ронан — пешка, а не фантазия.

— Я думала, тебе не нравится прикасаться к своей невесте, ведь тебя титул беспокоит и все такое, — пытаюсь я самым нейтральным тоном.

Это мой последний шанс избавиться от того влияния, которое он оказывает на меня.

— Я солгал.

— Что?

— Или, скорее, передумал.

— Ты не можешь передумать.

— Конечно, я могу. — он скользит указательным пальцем по изгибу моей челюсти, в то время как его большой палец потирает мою нижнюю губу. — А теперь мне кое-что любопытно.

Я закрываю рот, но он просовывает большой палец между ними и нажимает на мою нижнюю губу, а затем размазывает помаду, как он сделал в тот первый раз, когда прикоснулся ко мне в библиотеке.

Как и тогда, по моему телу пробегает дрожь — только на этот раз что-то более мощное, что-то опасное.

Он не улыбается.

Он даже не пытается улыбнуться.

— Мне любопытно посмотреть, как далеко я могу зайти в твоём списке фантазий.

— Ч-что?

Его пристальный взгляд остаётся на моей губе, будто он зачарован движением большого пальца взад и вперед по нежной коже.

— Ты знаешь, форму в виде списка, которую ты оставила для меня в La Débauche. Твои маленькие развратные фантазии.

До этого момента я не понимала, что означает выражение «*вырыть себе могилу*.» Хотела бы я выкопать яму и исчезнуть в ней.

Да, я полагала, что он видел этот список, но я думала, что он забыл о нем или, еще лучше, не обратил особого внимания.

Мои самые темные секреты в этом списке, секреты, которые никто не должен видеть, и меньше всего Ронан.

— И да, я их помню, — ухмыляется он. — Я выучил их наизусть.

О, Боже.

О. Боже. Мой.

— Теперь, давай посмотрим, все начинается с чего-то вроде...

Его глаза сверкают чистым садизмом, такого я никогда не видела на его лице, даже когда он насмехается.

Его рука скользит по моей груди, медленно, даже чувственно. Я перестаю дышать, когда он рвет мою рубашку.

— Как я раздеваю тебя догола.

Глава 13

Тил

Звук рвущейся ткани наполняет воздух, когда пуговицы разлетаются повсюду, рассыпаясь вокруг нас.

На секунду, всего на мгновение, я слишком ошеломлена для реакции.

Секунду я смотрю на него дикими глазами, словно это делает ситуацию немного более понятной.

Нет.

Ему требуется всего секунда, чтобы сдернуть с меня пиджак и рубашку, оставив в лифчике и юбке.

Порыв воздуха окутывает кожу, и мое сердце возвращается к жизни, будто у него случился приступ — или, скорее, остановка.

Одежда падает на пол с мягким свистом, возвращая к реальности. Я скрещиваю обе руки на груди — дрожащие руки, чертовски покалывающие руки, покрытые мурашками и обещанием неизвестного.

— Какого черта ты творишь?

Мой голос всего лишь шепот, я не пытаюсь казаться сердитой.

А должна; в глубине души я знаю, что должна, но я даже не могу набраться смелости, чтобы сделать это. В том, как он порвал мою одежду, есть что-то такое, от чего у меня слабеют ноги; я удивляюсь, что могу стоять.

— Воплощаю фантазии в реальность.

Он хватает меня за руки и толкает их по обе стороны от меня.

Его сила сеет хаос — тот тип, от которого вы не сможете убежать, даже если попытаетесь. Тот тип, который двигает моими бедрами и превращает меня в ту марионетку, которую я не могу выкинуть из головы. Только на этот раз это хороший тип. Приятный тип.

Ронан обхватывает мои запястья рукой и заламывает их за спину. Моя грудь упирается ему в лицо, моля о внимании.

— У тебя красивые сиськи — ты знала об этом?

Он облизывает губы, как будто собирается погрузиться в еду, когда расстегивает бретельку лифчика. Моя грудь высвобождается с легким подпрыгиванием, и взгляд его глаз темнеет, словно он собирается поглотить меня.

Овладеть мной.

Нет, нет.

Это Ронан — он не может этого сделать.

— Остановись.

Я задыхаюсь от слов, голос такой слабый, что звучит жалко.

— Еще одна из твоих фантазий. — он обхватывает пальцем сосок и крутит так сильно, что я задыхаюсь и стону одновременно. — «Остановись» значит, что ты хочешь большего, не так ли, *ma belle* — *моя красавица*?

О, Боже. Какого черта я это написала? Какого черта он это помнит?

Если я больна, а он настроен на мою болезнь, кем это делает нас?

Я не хочу думать об ответе. Что-то подсказывает мне, что это было бы намного хуже, чем ситуация, в которую я попала.

— Знаешь... — он замолкает, снова покручивая сосок и заставляя ерзать от необходимости сдерживать звуки, рвущиеся наружу. — Это первый раз, когда я захотел кого-то сломать. — он делает паузу, вновь крутя, пока жгучая боль не охватывает все мое тело, и мои нервные окончания не дрожат от потребности в большем. — Нет, это ложь. Это уже второй раз. Первый раз был, когда ты опустилась передо мной на колени и застонала, как хорошая девочка. Ты не хорошая девочка, но ты становишься такой, когда я загоняю тебя в угол.

— Ронан...

Мой голос прерывистый, отрывистый, и я понятия не имею, что хочу сказать. Его имя кажется чужим на губах, новым, *сводящим с ума*.

— Ты хочешь кончить, *belle* — *красавица*?

Я сглатываю комок в горле, не в силах перестать испытывать ощущения, которые он вызывает в моем соске, те, что идут прямо к моей ноющей сердцевине.

Я не перестаю думать о том факте, что он заманивает меня в ловушку и блокирует любой выход, который у меня может быть.

Возможно, это то, чего я хочу, не так ли? Отсутствие проклятого спасения.

Это так ужасно, особенно со всем, что произошло в прошлом, но я слегка киваю. Неделю или около того назад я не знала, что это значит, но теперь я не могу перестать думать об этом, о *нем* — его руках, его коже... обо всем этом проклятом.

— Мне понадобятся слова, — размышляет он.

Я смотрю на него умоляющим взглядом, или, во всяком случае, я на это надеюсь; я почти уверена, что таращусь на него.

— Не заставляй меня произносить это.

— Но я хочу услышать. У тебя свои фантазии, а у меня свои. — он снова крутит сосок, и я падаю ему на грудь, закусив губу. — Слова, Тил, или я могу продолжать это весь день. Я прижму тебя к себе, но никогда не подарю освобождения.

Он может это сделать?

Я украдкой смотрю на него, проверяя, говорит ли он серьезно или играет со мной. Судя по его нахмуренным бровям, он выглядит совершенно серьезным.

— Просто сделай это.

Он сжимает сосок между большим и указательным пальцами. Я кричу, когда боль овладевает мной.

Хотела бы я, чтобы это была только боль, но нет, боль приносит что-то еще — что-то, что заканчивается возбуждением между моими дрожащими бедрами.

— Не тот тон. Скажи правильно.

— З-заставь меня...

— Что?

— Кончить, — выдыхаю я слово. — Заставь меня кончить.

Это слово едва слетает с моих губ, когда он отталкивает меня назад. Я вскрикиваю, падая на кровать. Шок от этого оставляет меня безмолвной, неспособной произнести ни слова.

— Грубое обращение. — он приподнимает бровь. — Помнишь это в своем милом маленьком списке?

— Пошел ты.

Я смотрю на стену, на его дурацкую футбольную форму, выглядывающую из шкафа — в общем, куда угодно, только не на него.

Я пытаюсь напомнить себе, что эти фантазии не должны были произойти с ним. Они предназначались для моих очень взрослых и опытных мужчин.

Кроме того, это всего лишь фантазии. Помимо клуба, я никогда не думала, что испытаю их, особенно с кем-то, кто не соответствует ни одному из моих критериев.

Как получилось, что он полностью исчез с моего радара, а теперь единственный, кто на нем? Почему я вижу его лицо, когда закрываю глаза ночью и даже вижу его во сне?

Мне никогда не снятся мужчины. Мне снятся только кошмары о монстрах — или, скорее, об одном монстре.

— Ты хоть понимаешь, как прекрасно сейчас выглядишь, *belle* — *красавица*? Ты полностью распластана и готова к захвату.

Мои щеки пылают, но не из-за смущения, того, как я выгляжу.

Он назвал меня красивой.

Он думает, что я красивая.

Почему, черт возьми, мое сердце замирает из-за этого? Я не хочу, чтобы Ронан думал, что я красивая. Мне на это наплевать.

...верно?

Он опускается на колени перед кроватью и раздвигает мои ноги. Я ахаю, когда юбка задирается до талии, обнажая хлопчатобумажное нижнее белье.

— Ох, вы только посмотрите на это. — он проводит средним пальцем по моим складкам поверх ткани.

Я пытаюсь сжать бедра, но он раздвигает их, заставляя взвизгнуть.

— Ты мокрая и готова немного покувыркаться.

— Прекрати говорить такие вещи, — бормочу я.

— Например, какие? — он дразнит мой вход через ткань, и я выгибаю спину. — Например, как сильно я собираюсь трахнуть тебя, пока все не услышат, как ты умоляешь о большем? Как громко я заставлю тебя кричать, когда ты кончишь?

Если раньше мои щеки были красными, то сейчас они, должно быть, стали пунцовыми. Никогда в своей жизни я не думала, что меня так жестоко доведут до крайности или что меня так сильно заведут грязные разговоры.

Ронан зацепляет пальцами по обе стороны от моего нижнего белья и стягивает их одним движением.

— Держи руки на простыне. — он говорит так повелительно, что по спине пробегает дрожь. — Если не послушаешься, я остановлюсь.

Прежде чем я успеваю спросить, что он прекратит, его лицо исчезает у меня между ног, и он проводит языком от моего клитора вниз. Моя спина выгибается над кроватью от простого прикосновения.

— Господи Иисусе, мать твою, — выдыхаю я.

— Не он. — он появляется, облизывая губы, как лев, собирающийся приступить к еде. — А я.

А затем вновь быстро и жестко прижимается к моим складкам. Как будто этого недостаточно, чтобы свести меня с ума, его язык с намеком входит и выходит из меня, трахает меня, пожирает меня.

— Ты такая восхитительная, *belle* — *красавица*. Я мог бы есть тебя весь день напролет.

Тысячи мурашек пробегают по позвоночнику. Я тянусь к его волосам, нуждаясь в контакте, нуждаясь в том, чтобы мучить его так же сильно, как он владеет мной. Я близка, так близка к той волне, которую почувствовала, когда он мучил мои соски в клубе.

Волну, которую может принести только он.

Ни один оргазм, который я дарила себе, не приносил такого удовлетворения, как в тот раз — даже когда я представляю, как он это делает.

В тот момент, когда я хватаю его за волосы, его язык покидает мои складки.

Я хнычу от потери контакта.

— Ч-что? Почему...?

Я даже не могу говорить как нормальный человек.

— Я же сказал тебе, что остановлюсь, если ты не будешь держать руки на простынях.

Я отпускаю его гриву волос и хлопаю руками по обе стороны от себя, тяжело дыша, как будто я бежала вверх по склону.

— Я буду хорошей.

Его глаза темнеют от непонятных эмоций. Это похоже на то, как насыщенный коричневый цвет хочет стать черным, мощным и диким от ярости.

Возможно, я не понимаю эмоций, стоящих за этим изменением, но я знаю, что что-то его каким-то образом задело.

— Повтори.

Он говорит тихо, прижимаясь к моей сердцевине, и я чувствую вибрации на своей чувствительной коже.

— Я... я буду хорошей, — шепчу я.

Это все, что для этого нужно.

Он проводит языком по моему сверхчувствительному клитору, и кажется, что он никогда не останавливался.

Как будто он способен сбросить меня с обрыва, даже не пытаясь. Это моя фантазия, и все же он разбивает ее, разрушает, лепит так, что она почти его, а не моя.

И в каком-то смысле она даже лучше, чем моя оригинальная.

Моя спина резко выпрямляется, когда он вырывает из меня сильный оргазм. Крошечные мурашки ползут по позвоночнику, а затем взрываются по всей коже. Это не мой первый оргазм, но кажется, что первый; он сильнее и завладевает мной целиком.

Точно так же, как тот, кто вытащил это из меня.

Я прячу лицо в подушку, заглушая звук. Все звучит как приглушенный крик, который можно услышать в темных переулках поздно ночью.

Я все еще испытываю оргазм, когда резкий шлепок обрушивается на мою киску. Вскрикивая, мои глаза распахиваются. Я недоверчиво смотрю, как лицо Ронана появляется у меня между ног.

— Почему... почему ты это сделал?

Я тяжело дышу от боли, смешанной с мучительным удовольствием.

— Не скрывай свои крики снова, или это будет не просто моя ладонь на твоей киске. Давай попробуем еще раз, и на этот раз кричи.

Он раздвигает мои ноги, широко растягивая меня, прежде чем его губы возвращаются к моему набухшему клитору. Он даже не утруждает себя замедлиться. Это может быть потому, что я никогда в жизни не была так возбуждена, или может из-за его безумно быстрого темпа.

Это может быть и то, и другое.

На этот раз волна обрушивается на меня сильнее и гораздо быстрее.

Я кричу, голова откидывается назад, а глаза закрываются.

— Ронан... Ох, Ронан...

— Верно. Я. — он покусывает мой измученный клитор. — Только я.

Я корчусь на кровати, впиваясь ногтями в простыню, не в силах ни молчать, ни успокоиться.

Он превращает меня в кого-то, кого даже я не узнаю.

— Ронан...

— Чего ты хочешь, *belle — красавица?* — он говорит напротив меня, вибрация его голоса сводит меня с ума. — Быть может, ты получишь вдохновение после очередного оргазма. — он облизывает меня сверху донизу, и я дрожу. — Я все еще не могу насытиться тобой.

— Я-я... я...

— Что?

— Больно.

— И что?

Он появляется у меня между ног и с намеком облизывает губы.

Тот факт, что он слизывает меня с себя, должен быть отвратительным, но это не так.

Черт, почему нет?

— Знаешь, это должно меня остановить. Так было в прошлом. Я не причиняю девушкам боль — я занимаюсь с ними гребаной любовью, но не с тобой, *belle — красавица.* Я хочу трахнуть тебя, как маленькую грязную шлюшку.

Эти слова должны были бы оскорбить меня, но они делают меня мокрой. Почему мне нравится, как это звучит на его губах.

— Тебе нравится быть моей для использования. — он крепче сжимает мое бедро. — Разве нет?

Он забирается на меня сверху, по пути щелкая по моему измученному соску, прежде чем схватить меня, приподнимая так, чтобы я наполовину села, и обрушивается на губы.

В отличие от другого раза, он не останавливается, не замедляется. Он вторгается в меня, покоряет меня, и, самое главное, он на мой вкус: слегка сладкий, очень грязный.

Я никогда раньше не целовалась. Мне нравилось быстро заканчивать это, а поцелуи только мешали. Любая форма близости мешала.

Тот факт, что я не могу насытиться поцелуем Ронана, должен
настораживать — и это так.

Кажется, я просто не могу насытиться.

Недостаточно поцелуев, недостаточно прикосновений.

Этого просто недостаточно.

Я жажду большего.

Гораздо большего.

— Ты на вкус как чертов грех. — он дышит мне в лицо. — Но знаешь,
что будет вкуснее?

Я качаю головой, едва в состоянии сосредоточиться.

— Моя сперма в твоём горле.

Глава 14

Тил

— Моя сперма в твоём горле.

Я, должно быть, сошла с ума, потому что в тот момент, когда он произносит эти слова, я почти стону.

Возможно, потому что раньше меня почти не волновало, правильно это или неправильно. Возможно, потому что я как-то надеялась на это.

В любом случае, его слова разжигают во мне яростный прилив желаний.

Ронан хватается меня за руку и разворачивает так, что я падаю перед кроватью. Точно так же, как он опустился на колени, чтобы съесть меня, я теперь стою на коленях, мои соски пульсируют, киска болит, а тонкая юбка все еще обмотана вокруг талии, испорченная его пальцами и моим собственным возбуждением.

Он скользит к краю кровати и встает, возвышаясь надо мной, как бог.

Бог смерти.

Теперь я понимаю, его прозвище — причина, по которой его прозвали Смертью. Это не из-за его игры или чего-то в этом роде. Из-за того, как он заканчивает жизнь, не издавая ни звука.

Он сдержан, но безжалостен.

Кажется милым, но на самом деле властный.

Смерть.

И теперь он охотится за мной. Я его следующая цель, и по какой-то причине я думаю, что он никогда не отпустит меня и не покончит со мной.

— Помнишь минет, который ты обломала сегодня? — он приподнимает бровь.

Я хмуро смотрю на него, не желая вспоминать, как эта девушка стояла в том же положении, что и я сейчас, на коленях, без всякой цели, кроме как доставить ему удовольствие.

Нет. Я не она.

Я не замена. Я это я, и Ронану повезло. Ему чертовски повезло, что он заставил меня встать перед ним на колени.

Я делаю это только потому, что он уже упал передо мной на колени не более двух минут назад.

Если ты принесешь богу жертву, он отпустит тебя.

Не знаю, почему эти слова приходят в голову, но теперь, когда они там, я не могу от них избавиться.

Кроме того, это не жертва. Если это так, то мне нужно отказаться от чего-то ценного, но я этого не делаю.

Во всяком случае... что-то подталкивает меня к этому.

— Ты возбудилась, когда она раздевала меня, готовая принять мою сперму? — он хватает меня за подбородок, приподнимая голову. — Или ты разозлилась, потому что была не ты?

Я сжимаю губы в тонкую линию, отказываясь отвечать. Он не доберется до меня, и он чертовски уверен, что не заставит меня признаться в том, что я чувствовала тогда, не тогда, когда мне даже не нравится признаваться в этом самой себе.

— Расстегни меня, *belle* — *красавица*. Сделай это хорошо.

— Если я не хочу? — я шепчу вопрос.

— Тогда я мог бы связать тебя.

Мои глаза расширяются.

— Нет. Ты читал мою форму — это мое твердое «нет».

— Тогда начинай расстегивать.

Я пристально смотрю на него в течение одной секунды.

Двух.

Трех.

Он тянется ко мне.

— Мы двинемся по моему плану.

— Я сделаю это.

Мой голос трясётся, когда дрожащие пальцы расстегивают его ремень, а затем пуговицу на брюках.

Тот факт, что он планирует и выполнит свои угрозы, толкает меня в другое состояние ума.

Это как идти по темному лесу, но вместо того, чтобы бояться призраков, мне немного не терпится встретиться с ними, увидеть их.

Прикоснуться к ним.

Он отпускает мой подбородок и убирает волосы с лица — наверное, чтобы получше меня рассмотреть.

Я останавливаюсь, как только его брюки соскальзывают с мускулистых бедер и падают вокруг ног. Он остается в темно-синих боксерах, которые облегают его плотную кожу. Я уже видела его бедра раньше на играх и в его экстравагантных селфи, но это первый раз, когда я хочу, чтобы они оказались на мне. Мне все равно как, но я хочу, чтобы эти бедра раздавили меня между, чтобы узнать, так ли они сильны, как выглядят.

— Достань мой член.

Его голос вырывает меня из дурацких мыслей.

Я хочу, чтобы мои пальцы перестали дрожать.

О, Боже.

Ронан всегда — всегда — хвастается тем, какой он большой, и я отчасти надеялась, что это потому, что у него какая-то сложная проблема и он пытался скрыть истинный размер члена.

Что ж, доказательства прямо передо мной.

Он большой, такой большой, что по мне пробегает дрожь страха. Я не девственница, но будет больно.

Будет так больно.

Почему, черт возьми, мои бедра сжимаются при этой мысли?

— Я... я никогда не делала минет.

Не знаю, почему я это говорю, но хочу, чтобы это было.

И все же я не встречаюсь с ним взглядом, когда произношу это.

Со мной определенно что-то не так.

— Кто говорил что-нибудь о минете? — он хватает меня за подбородок, вновь заставляя быть пойманной в ловушку его мерцающим взглядом. — Я собираюсь трахнуть твой рот, *belle* — *красавица*.

Моя киска становится скользкой от возбуждения, а пульс грохочет в ушах.

Черт возьми.

После этого мне может понадобиться психотерапевт.

Ни один здравомыслящий человек не почувствовал бы возбуждения от этих слов, верно?

Прежде чем я успеваю отреагировать, он хватает свой член одной рукой, а другой собирает мои волосы в короткий хвост, а затем прижимает головку к моим губам.

Первое, что я ощущаю на вкус, это характерный соленый вкус предварительной спермы, потом он, потом мне наступает конец. Я даже не жду, прежде чем открыть рот.

В свою очередь, он не притворяется, что делает это медленно.

Первый толчок задевает заднюю часть моего горла — полностью. Я давлюсь собственной слюной, и мой запас воздуха иссякает.

Я кладу обе руки ему на бедра, ногти царапают кожу в инстинктивной попытке оттолкнуть его.

Он прижимает мою голову и душит меня. Слезы текут по щекам, когда я прошу воздуха. Я не плачу; это другие слезы. Слезы вожделения.

— Опустит руки, — приказывает он.

Я исполняю. Я просто исполняю. Я больше не останавливаюсь, чтобы подумать об этом. В тот момент, когда мои безвольные руки касаются пола,

он выходит, позволяя мне сделать большой глоток воздуха, прежде чем снова и снова врывается в меня, крадя дыхание и здравомыслие.

Моя грудь сжимается, внутри покалывает, и потребность кончить вновь охватывает меня.

Он превратил меня в нимфоманку. Я не могу перестать думать об оргазме, и о том факте, что я собираюсь заставить его тоже кончить.

Я доставляю ему удовольствие, как он мне.

— Вот так, — рычит он, прикусывая нижнюю губу зубами. — Сделай мой член приятным и влажным, чтобы я мог погрузить его в твою тугую киску. Эта киска хочет мой член, не так ли, *belle* — *красавица*?

Рыдание разрывает воздух, и я понимаю, что это исходит от меня в кивке. Я не хочу, но киваю. Я не могу перестать кивать.

Он губит меня, развращает, и я наслаждаюсь каждой секундой этого.

Это отличается от любой из моих фантазий.

Это лучшая фантазия, которая у меня могла быть.

— Сегодня, когда ты застала меня и ту девушку, я не был твёрдым. Я был твёрдым с тобой. — *толчок*. — Я хотел трахнуть тебя. — *толчок*. — Погубить тебя. — *толчок*. — Завладеть тобой.

Я так рада, что его член в моем рте, иначе я бы кричала.

Когда я с ним, я отпускаю все запреты, как будто их никогда и не было, как будто все эти цепи и стены — мое собственное творение.

Он освобождает меня так, как я никогда не думала, что это возможно.

И я ненавижу его за это.

Я ненавижу то, что именно он, из всех людей, заставляет меня почувствовать такую странную принадлежность и абсолютную заброшенность.

Он мой враг.

Он должен быть моим врагом.

Но когда он трахает мой рот, использует его, я не могу не просить большего, желать большего.

Я бы никогда ни перед кем не встала на колени. Это унижительная позиция и символ слабости, но с ним это так не кажется.

С ним все похоже на положение власти, когда я доставляю ему столько же удовольствия, сколько он доставляет мне.

Он говорит, что владеет мной, но я владею им так же, как он владеет мной.

С каждым толчком в мой рот он крадет часть меня, и я тоже краду часть его.

Ту часть, которую он никогда никому не показывает.

Это сдвиг в динамике, игра власти. То, что я стою на коленях, не означает, что мне не хватает власти; это только означает, что я зарабатываю ее совершенно другим способом.

Раздается стук в дверь.

— Ронан? Я принесла булочки Ларса.

Мы оба замираем от голоса Шарлотты — и, замирая, я имею в виду, что Ронан останавливается у меня в горле, удерживая за волосы.

Черные точки образуются на периферическом зрении из-за недостатка кислорода. Я борюсь за дыхание, и, может, именно поэтому дымка не рассеивается даже в присутствии кого-то другого. Я все еще плыву по течению, оседлав волну, нуждаясь в большем количестве этого.

— Я сейчас выйду, мама.

Он звучит нормально, или, по крайней мере, немного нормально, учитывая обстоятельства.

Он вновь фокусируется на мне и шепчет полным вождения голосом.

— Как ты относишься к тому, что кто-то зайдет и увидит тебя в таком виде: мой член у тебя во рту?

Я отчаянно качаю головой, но он только ухмыляется.

— Ты хочешь быть моей невестой, но теперь ты моя шлюха.

Его хватка на моих волосах становится сильнее, более контролируемой.

— Сделана только для меня.

От этих слов у меня кружится голова, и не только из-за нехватки воздуха.

Чем больше он так со мной разговаривает, тем влажнее я становлюсь. Чем более развращенным становится он, тем глубже я попадаю в его паутину.

Он снова начинает входить и выходить из моего рта, на этот раз быстрее и сильнее. Он использует мои волосы, направляя меня, не позволяя двигаться без его одобрения.

Я марионетка в его руках, распутная, готовая на все марионетка, которой все мало.

Его плечи напрягаются, а голова слегка откидывается назад. Я не могу не смотреть на его мужскую красоту и полный контроль, когда он перестает входить в мой рот. Что-то соленое попадает мне в горло, а затем капает на подбородок, смешиваясь со слюной и слезами, покрывающими лицо.

Ронан хмыкает, пристально наблюдая за мной, почти как в тумане, когда выходит из моего большого рта. Он собирает свою сперму большим пальцем и покрывает ею мои губы, размазывая ее по всему телу, будто не хочет пропустить ни сантиметра, не хочет терять ни капли.

Когда он толкается в открытый рот, я без колебаний беру его большой палец и высасываю дочиста. Он проводит своим единственным пальцем по моему языку, издавая глубокий горловой стон.

Этот звук что-то делает со мной. Я чувствую гордость, потому что причина этого. Я причина, по которой его богоподобные черты лица морщатся от удовлетворения.

Я чувствую вождление, потому что даже после двух оргазмов я жажду большего. Я хочу, чтобы его руки вновь оказались на мне. Его сильные, худые руки, которые знают, как вырвать меня из моей добровольной крепости.

Есть еще одна эмоция, которую я не могу точно определить, та, которая сводит мои плечи вместе и заставляет хотеть убежать и никогда не возвращаться.

— Ронан? — снова раздается голос Шарлотты.

Чары рассеиваются, когда он натягивает свои боксеры и брюки, и вот так он выглядит нормальным, а не как кто-то, кто только что испортил всю мою вселенную.

Он бросает на меня последний вопросительный взгляд и жестом велит молчать, прежде чем направиться к двери.

Я остаюсь, ссутулившись у кровати, мое сердце почти выпрыгивает из груди, когда я смотрю, как его спина исчезает за углом.

Впервые в своей жизни я чувствую себя использованной и в то же время довольной.

Вот тогда я наконец-то признаю, что у меня большие проблемы.

Глава 15

Ронан

Преимущество притворства со дня моего рождения в том, что большинство людей не могут увидеть меня настоящего.

Черт, даже я иногда не могу увидеть этого ублюдка. Это прекрасно работало в течение многих лет, и мы говорим о пожизненной подписке.

Разница между мной и, скажем, кем-то вроде Тил, которая в настоящее время пристально смотрит на меня с верхней ступеньки лестницы в своем доме, заключается в том, что она не может спрятаться.

Она слишком настоящая, слишком грубая, даже если у нее аура «отвали». Она не может притворяться или говорить то, чего не имеет в виду, и именно поэтому она никогда не вписывалась в лицемерную игру залов КЭШ.

Когда девушки делали все, чтобы вписаться, она просто следовала тому, что ей нравилось. Она ни разу не засмеялась и не улыбнулась, потому что этого ожидали. Она социально неловкая девушка с изюминкой. Большинство социально неловких людей не хотят находиться в этой категории, в то время как Тил это нравится — во всяком случае, она может даже гордиться этим.

Ее взгляды тоже настоящие. Они, наверное, самое настоящее в ней, то, как хмурятся ее густые брови, а кожа краснеет от сдерживаемого гнева. Без слов она сообщает, что ненавидит мое присутствие. По сути, она ненавидит меня до глубины души и мое существование.

Становись в очередь, belle — красавица.

Всю прошлую неделю я подвозил ее в школу, несмотря на ее протесты, уколы и попытки бросить меня под автобус, как механика, каждый раз, когда рядом оказывается взрослый.

Она пытается проскользнуть мимо меня, игнорировать, притвориться, что меня не существует. Когда это не срабатывает, она пытается выставить меня в плохом свете.

Тил все еще не понимает, что она не может победить меня в игре с людьми. Я слишком любим, слишком доступен, и от меня не исходит обманчивое спокойствие, как от Коула. По этой причине люди любят меня и, естественно, тяготеют ко мне.

Это не подарок. Это обязательство, которое я взял на себя, когда решил, что никогда не буду одинок.

Ни на секунду.

Ни на мгновение.

Чтобы добиться этого, людям нужно проникнуться ко мне симпатией. Не успел я опомниться, как стал воплощением фантазии любого человека, стремящегося к общению.

Тил и я находимся в противоположной стороне. Она одиночка по собственному выбору, а не по принуждению. Ее не принуждали к этому, потому что даже когда люди называли ее изгоем общества и поклонницей сатаны, она не обращала на них внимания. Она просто смирилась с этим и показала им средний палец.

Так как же получается, что кто-то вроде нее, кто-то, кто не вписывается в мой образ людей, может поглощать мои мысли?

Я не переставал думать о ней. После того дня, когда она ушла из моего дома в помятой одежде и с растрепанными волосами, а ее губы распухли от того, что я трахал ее рот. Она стала воплощением фантазии Рона Астора Второго.

Каждую ночь мне снятся ее черные глаза, то, как она смотрит на меня, и я почти до сих пор чувствую ее вкус на своем языке.

Я все еще слышу ее тихий голос, говорящий, *что я буду хорошей*. Блядь. Я никогда так не любил слова, как эти, никогда не думал о девушке так сильно, как о ней.

К счастью, у меня есть лучшее решение, чтобы избавиться от этого нежелательного внимания. Если я подойду достаточно близко, то в конце концов устану от нее. Причина, по которой она занимает мои мысли, заключается в том, что я до сих пор почти ничего о ней не знаю, кроме того, что с ней плохо обращаются и что у нее плохой вкус на мужчин.

Я должен стать ее типом.

В любом случае, именно поэтому с тех пор я появляюсь каждый день. Она начинает ускользать, избегая любого времени наедине со мной, вероятно, боясь того, что я с ней сделаю.

С того дня у меня голова пошла кругом, я заикнулся на том, как лучше всего трахнуть ее так основательно, что она забудет всех до меня — и после.

Подождите. Она натравливает на меня людей? Мне не нравится эта мысль.

Нокс сжимает мое плечо, когда она пыхтит и возвращается туда, откуда пришла. Она выигрывает больше времени, прежде чем ей придется ехать в школу — это ее привычка. Не имеет значения. Рано или поздно она придет за мной.

Намеренный каламбур.

— Не обращай на нее внимания. Она всегда такая.

Нокс хватает яблоко из вазы на столе и громко хрустит.

— Она всегда была такой?

Я тоже беру яблоко и подбрасываю его в воздух, притворяясь беззаботным.

Мы с Ноксом сблизились за эти недели, но в последнее время он держался отстраненно, даже во время тренировок. Он также не любит говорить о своей сестре, что я понимаю, учитывая отношения между братьями и сестрами.

Но что-то подсказывает мне, что он пытается скрыть что-то.

Так долго хранить тайну дает мне определенные преимущества; самое главное, что я чувствую, когда кто-то что-то скрывает.

Нокс, например.

— Почему ты спрашиваешь? — он откусывает яблоко. — Хочешь, чтобы я раскрыл тебе ее самую глубокую, самую темную тайну, чтобы ты мог использовать ее против нее?

Я поднимаю руку в воздух, делая вид, что машу белым флагом.

— Я просто хочу разорвать помолвку, которую никто из нас не хочет.

Или, по крайней мере, я этого *не хотел*. Я больше не уверен. Мысль о том, что она может быть с кем-то другим, как только мы закончим, вызывает у меня желание схватить ее за горло и трахать до тех пор, пока она больше не будет думать ни о ком другом.

У меня никогда раньше не было таких мыслей о девушке, а я даже не смотрел на секс таким образом.

Для меня секс был еще одним способом сблизить людей, никогда не проводить ночи в одиночестве. Даже когда врывались какие-то идиотские идеи, я обычно прогонял их без проблем.

Только не с Тил.

Это почти, как если бы она вывела их на передний план моего запутанного мозга.

Нокс медленно жует.

— Она действительно хочет быть помолвленной.

— Зачем ей это?

Он приподнимает плечо.

— Хотел бы я знать. Думаешь, я хочу, чтобы моя сестра была с таким бабником, как ты, дружище?

— Тогда мы сможем помочь друг другу.

Он приподнимает бровь.

— Или ты можешь поступить правильно по отношению к моей сестре.

К черту это.

— Мы больше не в средневековье, Ван Дорен.

— Очевидно, твой отец думает иначе.

Я вздыхаю, останавливаясь, прежде чем бросить яблоко.

— По крайней мере, расскажи мне что-нибудь о ней, чтобы я мог обращаться с ней правильно.

Или, скорее, узнать ее получше. Даже после того, как я увидел ее в самые интимные моменты, она все еще остается загадкой. Это то, как она закрывается, немедленно воздвигая крепости и стены.

Нокс жует, оглядывая меня с ног до головы.

— Не пугай ее.

— Что?

— Не появляйся из ниоткуда и не удивляй ее. Не прикасайся к ней, когда она не знает о твоём присутствии. У нее плохая реакция на это.

Несколько вещей встают на свои места — то, как она слегка подпрыгивает, а затем мгновенно скрывает это, то, как она тяжело дышала, когда искала убежища в кладовке.

У нее какие-то приступы.

Но у нее их не было, когда я прижал ее к стене. Было ли это потому, что она уже знала обо мне?

Я полностью смотрю в лицо Ноксу.

— В чем причина?

— Детская травма.

— Из-за случая с матерью Эльзы?

Когда мы с Ноксом сблизились и курили травку в темных углах на вечеринках, он рассказал мне о том, как они с Тил стали частью семьи Итана Стила и что его жена сделала с ними.

Я подозреваю, что нечто подобное случилось с Эйденем, но этот ублюдок никогда не говорит об этом.

— Нет. Что-то более глубокое. — он бросает съеденное яблоко в мусорное ведро. — На этом все для твоего урока психологии.

Что-то более глубокое?

Что может быть глубже, чем быть похищенным психически ненормальной женщиной, притвориться ее мертвым сыном и быть порезанным ею? У Тил и Нокса на коленях поблекшие шрамы — свидетельство тех времен.

Он засовывает руку в карман, и его глаза немного опускаются, когда он бросает на меня свирепый взгляд.

— Я знаю, что ты не хочешь этой помолвки, но причини боль моей сестре любым способом, и ты увидишь доказательства моего происхождения. *Нашего* происхождения.

Дети улиц. Отпрыск проститутки, которые даже не знают своего отца, потому что даже мать не в курсе от кого она родила.

Такова реальность близнецов Ван Дорен. Все это знают, включая Эдрика. То, что Итан Стил стал их отцом, не означает, что это изменило их происхождение. И все же Эдрик согласился на помолвку ради партнерства с Итаном.

Ему все равно, к кому меня бросить.

Графство 101: продажа своих детей за браки по договоренности, как шлюх.

— Просто небольшой совет, — говорит Нокс.

— Да?

— Не влюбляйся в нее.

Я смеюсь, бросая в него яблоко.

— Этого никогда не случится.

Он ловит фрукт над головой.

— Хорошо, потому что это никогда не будет взаимно. Тил не знает, что такое чувства.

Он говорит это с оттенком грусти, будто это беспокоило его долгое время, и он не хочет, чтобы другие оказались в таком же положении.

Как раз в этот момент она спускается по лестнице. На этот раз ее сопровождает Агнус, партнер или советник Итана, или что-то в этом роде. Она спрашивает его о некоторых своих вещах, и он отвечает кратким, подробным описанием всего.

Затем что-то происходит, что-то, что заставляет меня так крепко вцепиться в стол, что я удивляюсь, как у меня не лопаются сухожилия.

Когда они оказываются у подножия лестницы, она смотрит на него снизу вверх, и ее губы изгибаются в чувственной улыбке — мягкой, теплой, чертовски ангельской.

Я знаю, что это честная улыбка, потому что она не может притворно улыбнуться, чтобы спасти свою жизнь. Я знаю, что она говорит серьезно, потому что все ее тело повернуто в сторону Агнуса.

Мой тип, по крайней мере, на пятнадцать лет старше, опытный и не улыбается все время, как жиголо на крэке. Короче говоря, не ты.

Ее слова крутятся у меня в голове, как петля.

Мой взгляд останавливается на мужчине, с которым она провела последние десять лет, мужчине, которому она улыбается.

Ее чертов тип.

Требуется все мужество, чтобы изобразить улыбку на лице. Я отталкиваюсь от стола и шагаю к ним. Ее улыбка исчезает, и она бросает на меня «держишь подальше» взгляд.

Держаться подальше? Держись, блядь, подальше?

Я кладу руку ей на поясницу, и легкая дрожь проходит по ее телу, когда она остается совершенно неподвижной.

Вот так. Гораздо лучше.

— Агнус, верно? — я ухмыляюсь ему, показывая зубы.

Он коротко кивает мне, притворяясь, как и я, что мы встретились впервые.

— Если вы нас извините, я отвезу свою невесту в школу.

— Агнус может это сделать.

Она пытается вывернуться, но я впиваюсь пальцами в нежную кожу ее талии, заставляя ее вздрогнуть.

— Уверен, что он занятой человек. — я улыбаюсь. — Так ведь?

— Да, он прав. — он ерошит ей волосы, и она так сильно краснеет, что ее бледная кожа становится розовой. — Позвони мне, если тебя нужно будет подвезти домой.

Я скрежещу коренными зубами, но говорю со своей обычной улыбкой.

— В этом нет необходимости. Я сделаю это.

И с этими словами я тащу ее за собой на улицу. Всего за несколько секунд мое настроение из серого превратилось в черное. Нет, не чёрное — красное, и чертовски убийственное.

— Я же просила тебя не подвозить меня, — протестует она.

— А я говорил тебе, что не так это работает.

— Отпусти меня, Ронан. Я не могу за тобой угнаться.

Я оглядываюсь на нее, когда мы подходим ко входу. Я хватаю ее за запястье, и она спотыкается на собственных ногах, пытаюсь догнать меня.

Вместо того чтобы отпустить ее, я прижимаю ее к стене. Она ахает, когда ее спина прижимается к тупой поверхности.

— Тебе не нужно, чтобы я заезжал за тобой, потому что у тебя Агнус?

— Ну, в обще-то, да.

Она пристально смотрит на меня, несмотря на дрожь в голосе.

— *В обще-то, да?* — я смеюсь, но за этим нет никакого юмора.

Я знаю, что она тоже это видит, потому что сглатывает, ее черные глаза наполняются чем-то похожим на страх.

Страх это хорошо. Страх означает, что она знает свое гребаное место.

— Так значит ли это, что я порчу твой фетиш на папочек, Тил?

— Да пошел ты, ясно? Я не позволю тебе так говорить об Агнусе.

— И в каком смысле я должен говорить о нем? Это он причина твоих фантазий, *ta belle* — *моя красавица*? Да?

— Я не обязана тебе ничего говорить.

Я хватаю ее за подбородок и заставляю ее шею изогнуться под углом, так что я смотрю на нее сверху вниз.

— Забудь о нем, начиная прямо сейчас, черт возьми.

— Или что?

— Или я заставлю тебя пожалеть об этом.

Что-то вспыхивает в ее чертах, вызов, своего рода «игра», прежде чем она выпячивает грудь.

— Нет.

— Ох, Тил. — я ласкаю ее кожу, мой голос спокоен, а прикосновения нежны, хотя внутри меня все горит. — Ты облажалась.

Глава 16

Тил

В прошлом, ходя по коридорам КЭШ и видя, шепчущиеся друг с другом или целующиеся в углах пары, я проходила мимо них.

Я приняла решение находиться рядом с Эльзой как можно меньше, когда она с Эйденем. Ему ни до кого нет дела, когда он начинает ласкать ее языком, будто они наедине. Я даже избегала Ким, когда она начала встречаться с Ксандером, потому что от них исходила та атмосфера родственных душ, о которой я читала в книгах и которая заставляет меня так сильно закатывать глаза.

Нет такой вещи, как родственные души. Все это химическая реакция, выброс дофамина, кайф, и, как любой кайф, он в конце концов исчезнет.

Когда я сказала Эльзе и Ким именно эти слова, они посмеялись надо мной. Они думали, что я не понимаю. Ну, они те, кто не понимают, и со временем я смогу сказать: «я же говорила».

Крах этого плана и моих мыслей в целом это момент, подобный этому.

Ронан обнимает меня за талию, когда мы идем по коридору, и неважно, как сильно я его толкаю, он не сдвинется с места.

Во всяком случае, он плотнее прижимается ко мне, словно мы родились привязанными к бедру. Даже мы с Ноксом не так близко.

Его близость брешь в моем плане. То, как я продолжаю вдыхать его пряный аромат и нежиться в его тепле, опасно близко к состоянию зависимости. Вы знаете, та зависимость, приходящая после достижения кайфа.

И не только, но с тех пор, как он загнал меня в угол у моего дома, он ведет себя так, как будто ничего не случилось.

Он все еще улыбается девочкам — и парням — и всем, кто встречается на нашем пути, включая учителей и школьный персонал.

Несмотря на его прозвище — Смерть — его здесь любят. Вычеркните это — его не только любят, ему также поклоняются, и, как у любого бога, у него есть религия и алтарь для жертвоприношений. У него есть последователи — кроме тех, что в Инстаграме и Снэпчате, — и фанатики.

Упомянутые фанатики, в основном женское население, продолжают бросать на меня злобные взгляды, тем больше Ронан притягивает меня к себе, выставя напоказ всему миру, или, скорее, школе.

Мне не нравится внимание, и не потому, что я предпочитаю оставаться в тени, как Эльза, а потому, что внимание это глупо. Что вы делаете со вниманием? Вы даже не можете его съесть.

Кроме того, люди, которые преуспевают во внимании, как мудаки, который впивается пальцами в плоть моей тазовой кости, чертовски сомнительны. Никогда не знаешь, что они на самом деле скрывают.

Я думала, что он жиголо, фальшивый, поверхностный, но я на собственном горьком опыте убедилась, что Ронан Астор нечто большее, чем кажется на первый взгляд. Он катастрофа, которую ты никогда не предвидишь. Он монстр, скрытый под популярностью, живописной улыбкой и семьей.

Его *проклятой* семьей.

Тот факт, что он непредсказуем, заставил меня нервничать после той встречи в его комнате с его мамой по другую сторону двери.

Мне не нравится признавать это, но он пугает меня. Он оставляет вмятины на вмятинах в моем плане, и я должна держаться от него подальше, ради сохранения рассудка и защиты своего четкого курса действий.

Но в то же время, когда он ранее прижал меня к стене, предупреждая, чтобы я держалась подальше от Агнуса, я не могла не спровоцировать его.

Я не из тех, кто провоцирует — во всяком случае, я прохожу мимо любой провокации, — но с ним все мои фигуры домино перетасованы и сбиты.

Нет никакого порядка или стратегии, есть только... неизвестное. Это как будто вас бросили в темный лабиринт, окутанный черным дымом.

Правда в том, что я хочу погрузить пальцы в другого Ронана, того, кого вижу только я, того, кто не баллотируется на голосование за популярность.

С чего бы мне этого хотеть? Я не знаю.

Он также не помогает. Он не произнес ни слова, ни во время поездки до школы, ни сейчас.

Ты облажалась.

Он сказал это. Я услышала его. Почему он не действует в соответствии с этим?

Долго ли мне придется ждать его возмездия?

Должна ли я обратиться к врачу за то, что взволнована его возмездием и как далеко он пойдет на этот раз?

— Подражающая сучка, — шепчет Клэр, девушка с прошлого дня, проходя мимо меня.

Хотя я обычно не уделяю им времени, я нахожусь на грани, и не позволяю сучкам приходиться по мне.

Ну и что, если я начала это ради плана? Каждый должен знать свое чертово место.

— Эй, ты.

Я останавливаюсь, заставляя Ронана тоже остановиться.

Девушка и ее подруга пристально смотрят на меня, а затем хлопают ресницами на Ронана.

— Если тебе есть что сказать, почему бы тебе не говорить вслух, чтобы все услышали?

Мой голос спокоен, даже нейтрален.

Я понимаю, что начала собираться небольшая толпа, но мне все равно. Дело не в них, а во мне.

В моей самооценке. В моём достоинстве.

— Не понимаю, о чем ты говоришь. — Клэр притворяется невинной, все еще глядя на Ронана взглядом «трахни меня».

— Кроме того факта, что ты украла у нее Ронана. — подруга, высокая блондинка, кладет руку ей на бедро.

— Дамы. — Ронан ухмыляется, его тон такой отвратительный, беззаботный. — Не ругайтесь. Каждый получит свою долю.

Каждый получит свою долю?

Каждый получит свою долбаную долю?

Я удивлена, что мое лицо не горит от прилива крови к нему.

Но опять же, почему меня это должно волновать? Он может отдать все акции, какие захочет, до тех пор, пока я доберусь до своей конечной цели.

Он не имеет значения.

— Похоже, она так не думает, Рон. — Клэр дуется, как чертов ребенок с проблемами.

Рон.

Конечно, они так называют мужчину-шлюху.

Прежде чем он успевает заговорить, я выскальзываю из его объятий и шагаю к Клэр, пока не оказываюсь с ней нос к носу.

— Ты знаешь, почему?

К ее чести, она держит осанку прямо, притворяясь, что я ее не пугаю. В конце концов, женское население этой школы согласно с ней, а не со мной.

— Так случилось, что я его невеста. Ты когда-нибудь слышала этот термин? — я смотрю на нее сверху вниз. — Погугли, и тогда мы, возможно, сможем поговорить об этом.

Лицо Клэр хмурится, но ее подруга указывает на меня пальцем.

— Ты его невеста только потому, что он вынужден на это пойти. Брак по договоренности. Погугли.

— Я погуглила, и вот как мне удалось официально завладеть им, в то время как все вы просите обеды. — я смотрю на нее, а затем на каждую девушку, наблюдающую за мной либо с разинутыми ртами, либо со злобой в

глазах — или и то, и другое. — Если кто-нибудь из вас будет угрожать мне, вам не понравится, как яотреагирую. Это мое первое и последнее предупреждение.

А потом я хватаю Ронана и тащу его прочь с места происшествия. Я ожидаю увидеть, как он ухмыляется остальным, предлагая им свои извиняющиеся улыбки или что он там делает, чтобы казаться невинным жиголом, но его взгляд полностью прикован ко мне.

Только ко мне.

Эти насыщенные карие глаза слегка красочного оттенка, эти слегка изогнутые брови. Впервые за все время он не улыбается, не ухмыляется на территории школы. Во всяком случае, он выглядит... немного раздраженным?

У меня нет времени сосредоточиться на этом, когда я веду его по коридору. Как только мы подходим к классу, я отпускаю его.

Другие девушки наблюдают издалека. Половина, должно быть, напугана, так как они думают, что я приношу жертвы сатане — хорошо. По крайней мере, это отвлечет их от моего дела. Другая половина, похоже, ненавидит меня еще больше и замышляет мою гибель.

К черту их всех.

Я зашла так далеко не для того, чтобы эти маленькие сучки разрушили то, ради чего я работала.

Ты действительно думаешь, что это единственная причина, по которой ты публично демонстрируешь свою собственность?

Я игнорирую голос в голове, не желая копаться в этих эмоциях, проходящих через меня сразу. Трудно понять одну эмоцию за раз, не говоря уже обо всех.

— Что все это было? — Ронан хватается меня за руку, запрещая входить в класс.

— Ничего.

Я снова пытаюсь войти.

На этот раз он тянет меня за собой и прижимает спиной к стене в темном углу рядом с учительской.

Черт возьми. Что с ним такое, что он прижимает меня к стенам?

И почему у меня по спине бегут мурашки от предвкушения?

Когда я встречаюсь с ним взглядом, он немного пустой, немного нечитаемый, немного затененный.

— Я сказал. Что, черт возьми, все это значит?

Неужели это так неправильно, что все мое тело оживает всякий раз, когда он так на меня смотрит? Всякий раз, когда он сбрасывает маску и показывает мне свое истинное, грубое «я»?

Только мне. Не кому-нибудь другому, только мне.

Тем не менее, я использую свой строгий тон.

— Не смей неуважительно относиться ко мне в присутствии других, Ронан. Я плохо на это реагирую.

— Очевидно.

Его пальцы впиваются в мою руку, и хотя его кожа отделена от моей пиджаком и рубашкой, это почти так, будто он сжимает мою обнаженную плоть и врезается в нее.

— Отпусти меня, — шиплю я, наблюдая за нашим окружением.

Учителя не очень хорошо отреагировали бы на эту сцену.

— Не раньше, чем мы все проясним.

— Что проясним?

— Твою глупую веру в то, что я принадлежу тебе. — его голос холоден, даже жесток. — Я тебе не принадлежу, *belle* — *красавица*. Все как раз наоборот.

Я вздергиваю подбородок.

— Ты так думаешь?

— Да, и если ты снова бросишь мне вызов, я докажу свою точку зрения.

— Докажешь как?

— Учитывая твоё шоу только что... — он замолкает. — Ты не захочешь узнать.

— Ронан, — предупреждаю я.

— Тил, — усмехается он.

— Пошел ты к чёрту.

— Я сделаю больше, чем пойду к черту, если ты не прислушаешься к моему предупреждению.

— О чем ты говоришь?

Он кладет руку на стену рядом с моей головой и наклоняется так, что его лицо находится всего в одном дыхании от моего. Моя грудь вздымается в сантиметре от его пиджака.

— Держись подальше от Агнуса, и это, как ты сказала ранее, твоё первое и последнее предупреждение.

Меня вновь охватывает чувство провокации. Я хочу, чтобы он поцеловал меня, прикусил мою губу и пустил кровь. Я хочу, чтобы он проглотил меня, будто это последний день на земле, и я единственная, с кем он хочет провести его.

Но больше всего я хочу, чтобы он вдохнул в меня жизнь.

— А если я этого не сделаю? — бормочу я.

— Я буду много трахаться, и не с тобой. — его лицо и голос нейтральны. — Добро пожаловать на место в первом ряду, так как ты увлекаешься вуайеризмом. Я устрою для тебя шоу, когда буду трахать Клэр и ее подругу, а ты будешь смотреть и знать, что это не ты.

Что-то красное и горячее вспыхивает во мне. Это может быть моя собственная кровь, или мои вены, или ярость; не знаю. Все, что я знаю, это то, что я не могу замолчать. Я должна ответить.

— После этого ты сможешь посмотреть мое шоу. — я провожу пальцами по его галстуку. — У меня есть список, знаешь ли. Все мужчины, которые трахали меня, будут открыты для повторения, и знаешь, что, Ронан?

Они в моем вкусе — старше, опытнее и знают, как заставить девушку почувствовать себя хорошо.

Тяжелая тишина повисает, между нами, на секунду слишком долго.

Я ожидала, что Ронан будет действовать в соответствии с этим, так как он делал это ранее. Я ожидала, что он скажет мне «нет», или поцелует, или еще что-нибудь.

Вместо этого... он улыбается.

Какого черта он улыбается?

— Ты сделаешь это, *belle* — красавица.

Что?

— А теперь, если ты меня извинишь, я пойду запланирую свой секс втроем. — он отталкивает меня.

Пустота воздуха на моей коже похожа на то, словно меня бросили, выбросили. Это одно из моих самых ненавистных чувств в мире.

— Я не шучу. — говорю я ему в спину. — Я сделаю это.

Он бросает на меня взгляд через плечо.

— Я тоже это сделаю.

А потом он уходит. Черт возьми. Черт возьми.

Этого не должно было произойти. Почему, черт возьми, он не останавливает меня? Он должен, и я остановила бы его в ответ.

Если только этот мудака на самом деле не хочет этого сделать?

Он может... говорить об этом серьезно.

— Ронан.

Я произношу его имя, ожидая, что он проигнорирует меня, но он поворачивается и смотрит на меня.

На его лице все еще та отвратительная улыбка, которую я хочу сжечь дотла.

— В чем дело, *belle* — красавица?

— Это еще одна игра?

— Я не знаю. Ты скажи мне, потому что я играю нечестно.

— То, что у тебя есть член, не значит, что ты единственный, кто может что-то делать.

— То, что у тебя есть киска, не означает, что ты единственная, кто может что-то делать, — отвечает он, не сбиваясь с ритма.

Это вызов. Он бросает мне вызов.

— Чего ты хочешь? — огрызаюсь я. — Скажи мне.

— Я хочу, чтобы ты сказала мне.

— Откуда, черт возьми, мне знать, чего ты хочешь?

— Разберись с этим. Ты это начала.

— Я начала? — повторяю я, не веря ушам.

— Да. А теперь, пока ты это исправляешь, я пойду за своей дозой.

На этот раз я не останавливаю его, когда он исчезает в классе, хотя что-то в моей груди сжимается и умирает.

Пошел он.

Он не единственный, кто играет нечестно.

Глава 17

Ронан

Самые продуманные планы начинаются со схемы.

Это может быть что-то столь же простое, как посадка семени для неприятностей.

Как я сделал вчера.

Тил игнорирует меня с тех пор, как я объявил о своих планах на секс втроем с Клэр и ее подружкой. Когда она думает, что я не смотрю, она смотрит мне в спину.

Она не может удержаться от свирепого взгляда. Это заложено в ее характере и единственный способ, которым она может избавиться от своих эмоций.

Иногда ее брови хмурятся, когда я нахожусь в поле ее периферийного зрения, словно она не может понять, что происходит. Она понимает, что что-то не так, но не может понять, как это исправить.

Чего она не знает, так это того, что рано или поздно она подчинится.

Моей чертовой линии.

Я провел весь вечер с Ноксом в их доме прошлой ночью, следя за тем, чтобы она не вышла за кем бы то ни было, черт возьми, в ее списке. Я что-нибудь сделаю с этими сосунками позже. Все начнется с того, что она вычеркнет их из своей жизни, и закончится тем, что в будущем она не будет с ними контактировать.

А пока ей нужно признать свою вину, осознать, что она сделала, и пообещать, что больше так не сделает.

В Тил есть что-то помимо того, насколько она реальна. А еще она сходит с ума, когда ни черта не понимает. Эта ситуация не то, на что Гугл может ответить за нее, точно так же, как он не может ответить на мои вопросы о ней. В Интернете нет информации о ней и Ноксе, кроме того

факта, что они приемные дети Итана. Все это чертовски подозрительно, и хотя Нокс ничем не может помочь, есть еще один член семьи, который может.

Я нахожу Эльзу прямо перед ее тренировкой по легкой атлетике, единственный раз, когда этот ублюдок Эйден оставляет ее в покое.

Она уже идет к полю, когда я обнимаю ее за плечи и двигаюсь в ногу с ней.

— Как поживает моя любимая Элли?

— У тебя много Элли?

— Всего три. — я ухмыляюсь. — И ты лучшая из них.

— Ты неисправим, Ронан.

— Твои комплименты согревают мое сердце.

Она оглядывает меня с ног до головы.

— Разве ты не должен быть на тренировке?

— Ее отменили. Не говори Кингу.

— Почему не говорить? — шепчет она, будто это сложный заговор.

— Он постоянно ведет себя, как мудака, в то время как я только время от времени бываю мудаком.

Она смеется, тыча меня пальцем в бок.

— Не позволяй ему услышать, как ты это говоришь.

— Наш секрет. От этого зависит моя жизнь — серьезно.

— Если ты это знаешь, почему продолжаешь провоцировать его?

Я приподнимаю плечо.

— Потому что это весело.

— Весело, да?

— Говоря о веселье или его отсутствии, я все еще плачу в подушку каждую ночь, потому что ты отказалась выходить за меня и бросила меня своей приемной сестре. — я притворяюсь печальным. — Я думал, что значу для тебя больше, чем пустая забава, Элли.

— Эй, Тил великолепна.

— Великолепна все-таки?

— Да. Ее просто неправильно поняли.

— Неправильно поняли, а? Ты, конечно, слышала об ужасной истории, которую она начала вчера в школе?

Она неловко улыбается. Этим я попал в самую точку.

— Она просто защищает и не любит, когда ее провоцируют.

— Думаешь, она хочет всей этой помолвки?

— Она сказала, что хочет.

Я не пропускаю, как морщится лицо Эльзы, когда она произносит эти слова. Она ей не верит.

Это... интересно.

— Думаешь, она лжет? — я изображаю безразличие.

— Нет, но... — она смотрит на меня, прикусив губу. — Ты тоже мой друг, и я думаю, тебе нужно это знать.

— Знать что?

— Думаю, что Тил всегда была влюблена в Агнуса.

Снова гребаный Агнус. В следующий раз, когда я увижу его, произойдет что-то детское и нехарактерное — или преступное, в зависимости от настроения.

— Для протокола, ты мне нравишься больше всех, Ро. — Эльза похлопывает меня по руке, которая висит у нее на плече. — Агнус чертов манипулятор, и мне не нравится, что он важен для папиного бизнеса. Если мне придется выбрать чью-то сторону, она, несомненно, будет твоей.

Я кладу руку на сердце.

— Я знал, что ты любишь меня. Так вот, насчет секса втроем, о котором Эйден не должен знать...

— Прекрати, — хихикает она.

— Клянусь, мой член больше, чем у него.

— Откуда ты это знаешь?

— Душ, Элли. Когда-нибудь слышала об этом? Мы с Эйденом принимали душ вместе больше раз, чем я мог сосчитать.

Ее щеки краснеют.

— Я не нуждалась в этом образе.

Я приподнимаю бровь.

— Да, ты нуждалась. А теперь давай придумаем, как мы повеселимся без него.

— Без кого? — голос Эйдена врезается в мой план, как меч дьявола.

Он убирает мою руку с плеча Эльзы и встает, между нами, прижимая ее к себе за талию.

— С сегодняшнего дня тебе запрещено приближаться к Эльзе, когда меня нет.

— Вопрос в том, как ты узнаешь, если тебя не будет? — я насмехаюсь.

— Хорошая Джерси.

Он бросает на меня свирепый взгляд, и я ухмыляюсь. Он переоделся в командную майку и шорты, прежде чем узнал, что тренировка отменена. Поскольку я все еще в форме, это означает, что я все время знал и не сказал ему.

Нажимая на кнопки Эйдена. Хорошие были времена.

— Эльза просто согласилась на секс втроем, — продолжаю я. — Ты можешь посмотреть.

Эльза жестом велит мне заткнуться, похоже, беспокоясь о моей безопасности. Я ожидал, что Эйден будет угрожать моей жизни и напоминать мне о могиле, которую он копал для меня с начала года, но вместо этого он ухмыляется.

Какого черта? У него теперь к этому иммунитет?

Нет, ну же. Провоцировать Эйдена, чтобы он показал свое непроницаемое лицо, одно из моих недавних любимых увлечений.

Итак, я соглашаюсь с этим и щелкаю пальцами.

— Это значит, что ты не против, верно? Элли, я имел в виду размер, и...

Он обрывает меня.

— Как поживает твоя невеста, Астор?

Я улыбаюсь.

— Вероятно, выполняет какие-то сатанинские ритуалы.

— Эй! — Эльза ругает меня.

Я притворяюсь, что улыбаюсь в ответ. Чего Эльза не знает, так это того, что мне нужно поддерживать видимость, нужно заставить всех поверить, что мне наплевать на Тил — даже ей нужно это знать. Ей нужно понять, что, черт возьми, она ни за что не станет моей слабостью, как Эйден, выставляющий себя напоказ в виде Эльзы.

У меня нет слабостей. У меня есть люди.

Куча гребанных людей, которые заполняют каждый уголок моей жизни.

Ну и что с того, что Тил выделяется из этой толпы? Ну и что с того, что я искал ее во время обеденного перерыва и не нашел? Я не буду показывать это или спрашивать о ней.

Она будет единственной, кто признает свою вину и вернется ко мне, а не наоборот.

Я наследник Графа. Мы никогда не показываем своих истинных эмоций.

— Понятно, — размышляет Эйден. — Должно быть, поэтому она тогда с Коулом. Ну, знаешь, для указателей.

Какого хрена она забыла с Коулом?

Как будто читая мои мысли, ухмылка Эйдена становится шире.

— Ты знаешь его ритуалы. Они могут стать... интересными.

— Угу.

Не знаю, как мне удастся это произнести с такой силой, когда я стискиваю зубы.

— Они в саду, у задней части.

Коул с Тил в саду, где он обычно читает в одиночестве, как ненормальный. Что он там с ней делает?

И что она делает с Коулом вместо того, чтобы прийти ко мне?

— Я не спрашивал. — я улыбаюсь Эйдену.

— Просто говорю. Они выглядели комфортными друг с другом. — он говорит со мной, но его губы шепчут слова у лба Эльзы. — Пришли мне апдейты.

А потом он исчезает со своей девушкой дальше по коридору, а не в направлении поля.

Секунду я стою, обдумывая слова Эйдена. Он мог бы солгать, чтобы вывести меня из себя, но в этом то и проблема: он не... врет, я имею в виду. Он любит хаос, но не до такой степени, чтобы что-то придумывать.

Коул и Тил очень комфортно друг с другом.

Я провожу рукой по волосам. *Черт!*

— Привет, Рон, — мягкий голос Клэр врывается в мою голову, прежде чем она хватает меня за руку. — Выглядишь напряженным. Не хочешь, чтобы я тебя расслабила? Риз тоже помогла бы.

Я пристально смотрю ей в лицо, но не вижу ее. Мой член такой вялый, что Рон Астор Второй вот-вот начнет плакать — и не в хорошем смысле слова.

Клэр и ее подруга сейчас делают для меня всякое дерьмо. Я даже не планировал трахать их, и мой вчерашний вызов Тил был всего лишь вызовом. Я никогда не планировал действовать в соответствии с этим. Я почти уверен, что она тоже никогда не собиралась исполнять свою угрозу.

Так какого черта она забыла с Коулом?

— Позже, Клэр.

Я отталкиваю ее и ее разочарованное выражение с глаз долой, спеша к другому входу в школу и в сад.

Я пытаюсь убедить себя, что Коул не в ее вкусе. Она предпочитает постарше и облажавшихся.

Все равно им комфортно друг с другом. Эйден сказал *комфортно*. Что значит комфортно? Они сидят вместе под деревом и читают стихи? Может,

они пишут свою собственную книгу под названием «*Как Стать Облажавшимся и Другие Вопросы*».

Даже когда я говорю себе это, моя кровь кипит с каждым шагом, который я делаю. Их даже не видно, а я уже почти готов зарезать стерву и убить ублюдка.

Я стараюсь не думать о мелочах, таких как тот факт, что Коул первый, с кем она открыто поздоровалась, когда только перевелась в КЭШ.

Или как, когда мы смотрим игры в доме Эйдена, он единственный, с кем она охотно сидит рядом, и как даже слушает его, когда он говорит.

Он не в ее вкусе.

Затем я вспоминаю тот гребаный факт, что именно он принял ее в свой клуб и что он знал, что она будет там в ту ночь. *Совпадение*, сказал ублюдок.

С Коулом нет никакого совпадения. Он все продумывает до мелочей, а потом притворяется, что все это было совпадением с самого начала.

Ублюдок.

Мои ноги останавливаются сами по себе. И действительно, Коул и Тил сидят на одной скамейке и читают книгу.

Они читают одну и ту же гребаную книгу, как в какой-то исторической драме.

Тил заправляет волосы за ухо. Бесполезно. Ее пряди слишком шелковистые и в мгновение ока упадут ей на лицо. Она улыбается Коулу, и ублюдок улыбается в ответ, будто это какой-то дрянной подростковый фильм.

Мое зрение становится красным.

Мне все равно, если это спланировано Коулом и Эйденем; они все узнают свои места — начиная с Тил.

Чья-то рука хватает меня за руку, останавливая на полпути. Я пристально смотрю на расчетливые черты Сильвер, ее стервозная маска на месте и готова к неприятностям.

— Что ты здесь делаешь? — я спрашиваю.

— Эйден прислал мне сообщение, чтобы встретиться с ним здесь.

Конечно, он прислал сообщение. Этот придурок жаждет крови, пока где-то трахает свою девушку.

— Его здесь нет, — бормочу я, стиснув зубы.

— Я вижу. — ее пристальный взгляд не отрывается от Коула и Тил, когда она отпускает меня и складывает руки на груди.

— Что ты собираешься с этим делать, пчелиная матка?

— Что заставляет тебя думать, что я что-нибудь сделаю?

— Ну же, Сильвер, это я. Мы оба знаем, что ты замышляешь неприятности в своей хорошенькой маленькой головке. — я ухмыляюсь. — Как насчет сотрудничества?

Она приподнимает бровь.

— Сотрудничества?

— Коул и Тил думают, что могут играть со всеми, но они не учли нас, не так ли?

Ее губы изгибаются в ухмылке, и я ухмыляюсь в ответ.

Я предупредил Тил. Сказал ей, что она облажалась, но она не послушалась.

Если слова не поставили ее на место, то поставят действия.

Глава 18

Тил

Поиск в Гугле дело сложное. Вы должны знать, каким источникам верить, а какие списывать на слухи.

Например, последние сплетни о семье Астор. Интересно, знает ли Ронан о возвращении своего дяди и о том, куда, по слухам, могущественный граф увозил Шарлотту в последние месяцы.

Не то чтобы меня должно волновать, знает Ронан или нет. В конце концов, он Астор. Если некоторые форумы в Интернете знают, он, вероятно, тоже.

Папа и Агнус всегда говорят нам держаться подальше от кроличьей норы Интернета, так как в ней больше лжи, чем правды, но дыма без огня не бывает.

Я уже вижу гибель семьи Астор, потому что я позабочусь об этом. Единственный человек, который заставляет мою грудь делать какие-то странные вещи, это Шарлотта. Хотела бы я сделать это, не впутывая ее и не причиняя ей боли, но, как говорится, без жертв не бывает побед.

Мне так жаль, Шарлотта.

Быть может, следует прекратить лицемерить и больше не навещать ее и не писать ей.

Я переключаюсь на статью о взаимосвязи между смертью и страхом. Речь идет о том, как люди инстинктивно боятся смерти, даже те, кто склонен к самоубийству.

Страх смерти это чуждое мне понятие. Почему вы должны бояться того, что в конечном итоге произойдет? Рано или поздно все познают смерть, так что, возможно, стоит сделать поездку к этому стоящей.

— Смерть и война. Интересно.

Я поднимаю голову от спокойного голоса Коула. Он скользит рядом со мной, сжимая книгу под названием «Калила и Димна» с иллюстрациями животных.

— Интересная книга, — говорю я.

— Я знаю. Наконец-то получил свой экземпляр. — он указывает на мой телефон. — Но это не так интересно, как твоя статья.

Я снова перевожу взгляд на телефон. *Смерть и Страх во Время Войны.*

Я заставляю экран погаснуть не потому, что мне стыдно читать об этом, а потому, что книга Коула кажется более увлекательной.

Коул в своей форме, без пиджака, и рукава его рубашки закатаны до локтей. Со спокойным выражением лица он, кажется, одним из тех красивых книжных ботаников, которыми девушки восхищаются издалека. По другим причинам, чем Эйден. Парню моей сестры все равно — совсем. Коул нет, но в бесстрастном плане.

Когда я появилась в КЭШ, он первым подошел ко мне и заговорил со мной так, будто мы знали друг друга всю жизнь. Мы также разделяем определенные... тенденции.

Хотя наши взаимодействия легки и не вызывают тревоги, я знаю, что у Коула всегда цель в рукаве.

Однажды он сдал меня, и если он думает, что я этого не поняла, то он не знает, с кем имеет дело.

Возможно, я не так хороша в обмане, но я знаю, как заманить кого-то на поле боя.

— Расскажи мне о своей книге, — говорю я.

— Это старые сказки, или, скорее, басни, переведенные на арабский, а затем на испанский в двенадцатом веке.

Он открывает первую страницу, пробегая пальцами по словам.

— О чем там говорится? — я указываю.

— Философия, изложенная в форме животных. Например, лев это король, есть ещё другие животные, представляющие разные роли.

— Например?

— Бык и буйвол. Как думаешь, что они собой олицетворяют?

— Хитрость? Силу?

Его губы изгибаются в легкой улыбке.

— Возможно. У каждой басни есть цель.

— Точно так же, как у каждой фигуры в шахматах и домино?

— Именно.

Я поднимаю бровь.

— Эй, это похоже на всю эту школу.

Он повторяет мой жест.

— Возможно. Мы все выполняем свою роль.

— Какую роль я играю в твоей игре, Коул?

— Ого. — он делает вид, что застигнут врасплох. — Ты несправедлива ко мне, Тил.

— А что насчет *твоей* несправедливости? Думаешь, я не знаю, что ты рассказал Ронану о клубе?

— Почему ты решила, что это я?

— Ты единственный из школы, кого я там видела. Не нужно быть гением, чтобы понять.

— Не единственный. Есть еще кое-кто, о ком ты забываешь.

— Это кто-то другой не рассказал бы Ронану.

Его губы снова изгибаются.

— Как ты можешь быть так уверена?

— У меня с ней была сделка. Кроме того, ты единственный, кто играет в игры.

— Принято к сведению. — он переворачивает страницу, словно читал ее все это время. — Однако, в мою защиту, Ронан все равно бы понял, поэтому я подумал, что мог бы рассказать ему и получить благосклонность.

— Он бы не понял этого, если бы ты ему не сказал.

— Ох, он бы понял. Ронан похож на собаку — дрессированную. Он чует запахи издалека и не останавливается, пока не найдет добычу. Если бы я не сказал ему, он бы последовал за тобой, преследовал бы тебя, вломился, взломал твой телефон и электронную почту и в конце концов получил то, что хотел. Я просто сделал это проще для всех.

Я фыркаю. Он говорит так, будто он ангел в этой сказке, и мы все должны поклониться в знак благодарности и, возможно, принести некоторые жертвы на его алтарь.

— Из-за тебя он теперь держит меня за руку, и ты знаешь, что я испытываю искушение сделать, Коул?

— Скажи мне. Я весь во внимании.

Я позволяю себе показать хитрую улыбку.

— Если ты испортил мне веселье, что мешает мне испортить твое?

— Я не испортил тебе веселье — я сделал так, чтобы это произошло.

Разве ты этого не видишь?

Я недоверчиво смотрю на него.

— Ты сделал так, чтобы это произошло? Как, черт возьми, быть связанной с Ронаном может быть весело?

— Тил, даже ты можешь признать, что Ронан привнес в твою жизнь интересный привкус. Я просто веду себя здесь как хороший Купидон.

Я усмехаюсь, хотя внутри у меня все кипит.

Коул не понимает, что он разрушил гораздо больше, чем знает. Например, мой план — раньше он был таким ясным, но теперь все это мутная вода и чувства, которые я даже не могу начать прочесывать.

— Расскажи мне о Ронане, — говорю я.

— Рассказать тебе о Ронане?

— После твоих действий, самое меньшее, что ты можешь сделать, это дать мне информацию. Почему он иногда ведет себя по-другому?

Он усмехается.

— Ох, ты стала свидетельницей этой части.

— Значит, ты знаешь об этом.

— Мы трое знаем, но он не любит этого показывать. Мы получаем это едва ли раз в год во время Хэллоуина. Могу я спросить, как тебе удалось это вытащить?

— Я пытаюсь понять, как закопать это обратно, а не вытаскивать.

— И все же ты уверена?

Да. Нет. я не знаю.

Этот придурок превращает меня в ту версию самой себя, которая мне не нравится или которую я не понимаю. Есть этот иностранец, который завладевает моим телом и оставляет меня без всяких мыслей.

Хуже всего то, что я хочу понять. В глубине души я хочу посидеть с ним, поговорить, прикоснуться к нему.

Просто побыть с ним.

— Хочешь знать, что я думаю, Тил? — Коул переворачивает еще одну страницу.

— Нет.

— Я считаю, тебе это действительно нравится, — продолжает он, игнорируя мой ответ. — Возможно, тебе не нравится, что тебе это нравится. Возможно, тебе не нравится, как это повлияет на твой план — и, кстати, я весь во внимании, если хочешь поделиться.

— Твердое нет.

Он просто использует это в своей собственной игре.

Я даже не рассказала о плане Ноксу, и это останется между мной и тенью за моим плечом.

— Он здесь, — шепчет Коул, и я знаю, о ком он говорит, даже не поднимая головы.

Волосы на затылке встают дыбом, и я заправляю прядь за ухо, а затем быстро опускаю руку. Почему я веду себя как девушки, которые всегда молятся о его внимании?

— Почитай со мной. — Коул указывает на выделенную строку.

Я раб того, что я сказал, но хозяин того, что я скрываю.

— Зачем мы это делаем? — бормочу я.

— Потому что мы можем?

Потому что мы можем? Это так интригует в характере Коула. Всегда ли он делает что-то только потому, что может?

Он один из тех людей, которым нравится смотреть, как горит мир?

— Привет. — голос Ронана врывается в мой пузырь.

Я вдыхаю, прежде чем поднять взгляд.

Ничто не подготовило бы меня к разыгравшейся передо мной сцене.

Ронан держит Сильвер, приклеенную к нему за плечо, когда она смотрит на него мечтательными кровавыми глазами.

Сильвер с ее светлыми волосами и вызывающей красотой — тип, к которому Ронан тяготел в прошлом.

Что за..

— Итак, капитан, Тил. — Ронан улыбается нам. — Сильвер и я собирались выпить, покурить и потрахаться. Кто хочет присоединиться?

— Да, присоединяйтесь к нам. Тил? — она смотрит на меня, ее глаза кричат: «*Ты взломала код*».

Мы с Сильвер не подруги и даже не близки, но у нас есть договоренность. Почему она делает это сейчас?

Я не взламывала код. *Она* взломала.

Коул остается неподвижным, бросая взгляд на них, а затем снова на свою книгу.

— Нам с Тил нужно почитать книгу.

Конечно, я могу продолжить с Коулом. Если я действительно хочу досадить Ронану, я могу схватить Коула и поцеловать его, а затем увидеть, как развернется весь ад, но не могу притворяться.

Не могу смотреть ему в глаза и притворяться, что он кто-то другой.

Или подождите... возможно, я могу.

В конце концов, это притворство. Око за око.

Я твердо верю в справедливость. Он начал весь этот беспорядок, и продолжает ухудшать его.

Я бросаю последний взгляд на ногти Сильвер с французским маникюром, играющие с галстуком Ронана, а затем кладу ладонь на щеку Коула, заставляя его повернуться ко мне лицом.

— Мы можем заняться чем-нибудь более увлекательным, чем чтение.

Что-то вспыхивает в его глазах, что-то похожее на садизм. Оно исчезает, как только появляется. Прежде чем я успеваю сделать следующий шаг, сильная рука обхватывает мою руку, и я задыхаюсь, когда он поднимает меня на ноги.

Ронан смотрит на меня сверху вниз яростными глазами на грани того, чтобы разорвать ад и всех его друзей на части.

— Какого черта — и я имею в виду, какого, *блядь* черта на самом деле — ты думаешь, что делаешь?

— Я говорила тебе, — мой голос спокоен. Слишком спокоен. — Я могла бы позволить тебе делать со мной что угодно, но не проявляй ко мне неуважения. Я не твоя чертова игрушка.

Я толкаю его в грудь и вылетаю из сада, моя грудь тяжело вздымается, а сердце чуть не вырывается из груди.

Когда я подхожу к парковке, то кладу руку на грудь, желая, чтобы она перестала биться так сильно, так быстро.

Что, черт возьми, с тобой не так, сердце? Почему ты возвращаешься к жизни?

И для кого? Для чертового жиголо? Не может ли это быть кто-то, я не знаю, более доступный?

Кто-то врезается в меня сзади, и я вскрикиваю, легкие сжимаются. Человек извиняется и идет дальше.

Я прислоняюсь к одной из машин, прижимая руку к сердцу, и понимаю, что просто хотела, чтобы это Ронан врезался в меня. Когда это не он, мое сердце, возможно, немного умерло.

— Что, по-твоему, ты делаешь, Тил? Если ты нуждаешься в фасаде стервы, это то, что ты получишь. — голос Сильвер врывается в мои мысли.

Она идет, как модель, скрестив руки на груди, ее лицо полно злобы. Интересно, выглядела бы я так же, если бы обладала способностью проявлять эмоции?

Я повторяю, ее позу, расставляя ноги и скрещивая руки на груди.

— Забавно, потому что я думала, что в том шоу ты вела себя как стерва.

— Ты ничего не видела, Тил. Не заставляй меня показывать тебе.

— Ты правда думаешь, что я тебя боюсь? Если ты ударишь, я ударю в ответ.

Тогда она нападает. Ее рука взлетает вверх, и она тянет меня за волосы, почти вырывая их с корнем.

Я делаю то же самое.

Мы хватаем друг друга за волосы, но вместо того, чтобы почувствовать боль, все, что мы предлагаем друг другу, это свирепые взгляды.

— У нас была договоренность, — удается ей пробормотать.

— И ты все испортила.

— Ох, я все испортила? Ты себя слышишь?

— Я сказала тебе в клубе, что буду держаться подальше от тебя, пока ты держишься подальше от меня, и что ты сделала? Ты запустила свои когти в моего жениха. В моего...

Я обрываю себя, прежде чем скажу больше, прежде чем признаю, что, увидев ее с ним, я полностью потеряла равновесие, что я, возможно, даже почувствовала себя маленькой по сравнению с ним, что, возможно, она подходит ему больше, чем я когда-либо смогу. Сильвер дочь Себастьяна Куинса, наиболее вероятного будущего премьер-министра. Ее мать член парламента, умная, красивая и красноречивая. Даже ее мачеха, мать Коула, гениальный автор бестселлеров, известная своим умным рассказыванием историй. Сильвер воплощение всего, с кем должен быть сын графа. Ее

наряды всегда безупречны, она пахнет Шанелью и является богиней социальных сетей с живописной семьей и жизнью. Она даже играет на чертовом пианино.

Я никогда не чувствовала себя маленькой. Я не позволяю себе этого.

Что, черт возьми, Ронан Астор делает со мной?

— Ты была первой. — она хмыкает. — Я не очень хороший человек, Тил. Не испытывай меня.

— Я тоже не хороший человек.

Мы смотрим друг на друга долгими секундами, а затем одновременно отпускаем друг друга.

— Держись подальше, и я это сделаю, — предупреждает она, укладывая волосы на место с исключительной элегантностью, напоминающей Шарлотту.

В то время как мать Ронана мягкая, Сильвер с острыми краями и слишком хорошо играет роль суки.

Эльза и Ким уже классифицируют ее как таковую. На самом деле, вся школа считает ее пчелиной маткой. После того, как я увидела ее в клубе, мне трудно смотреть на нее с этой точки зрения.

— Я думала, он тебе не нравится. — я изучаю свой черный маникюр. — Так мне показалось в клубе.

Ее щеки краснеют.

— Заткнись.

— Я говорю только то, что вижу, Сильвер.

— Ох, ты тоже хочешь, чтобы я сказала, как я это вижу? — она выпрямляется и, поскольку она выше, использует каждый сантиметр, смотря на меня сверху вниз. — Ты боишься Ронана, Тил.

— Я боюсь? — я усмехаюсь.

— Да. Ты знаешь, что он может прорваться сквозь всю готическую и сатанинскую внешность и увидеть настоящую девушку внутри, а ты этого не хочешь, поэтому ты заняла оборонительную позицию и решила защитить

свои стены. Но знаешь что? Ты не можешь одновременно защищать свои стены и претендовать на него. В один из этих дней тебе придется выбирать. — она откидывает волосы. — Но что я знаю, не так ли?

Я продолжаю смотреть в спину Сильвер, когда она направляется к своей машине.

Ее слова крутятся в голове, но их воздействие намного хуже, чем она рассчитывала. Она хотела заставить меня почувствовать себя виноватой, чтобы я пошла к Ронану и оставила ее план в покое, но меня поражает другое осознание.

Я понимаю, что испытываю после своей клятвы никогда больше ничего не чувствовать.

И понимаю, что мне нужно избавиться от этих чувств.

Есть только один способ.

Глава 19

Ронан

В ту ночь я хандрил в The Meet Up.

Ладно, возможно, хандрил не то слово. Я дулся, как шлюха без клиентов.

И кто свидетель моих страданий? Трое других ублюдков, которых я сейчас не хочу видеть рядом.

Ксандер только что вернулся с реабилитации и ухмыляется, как чертов идиот, с этими ямочками на щеках, от которых кто-то должен избавиться, чтобы дать миру немного покоя. В любом случае, что в них такого особенного? Они похожи на дырки на щеках. Я всегда думал, что их переоценивают.

Даже Кимми любит их, тайно или открыто, или как вы хотите это назвать, но мы все согласны с тем, что у Кимми и Эльзы ужасный вкус на парней. И под всеми нами я подразумеваю Ларса и себя, когда рассказываю ему невнятные истории всякий раз, когда я под кайфом.

Как сейчас.

Это дерьмо хорошее.

Я затягиваюсь косяком и закрываю глаза, позволяя ему погрузить меня в его объятия. Я не наркоман. В отличие от распространенного мнения, я не курю травку каждый день. Я делаю это только тогда, когда не хочу быть в своей голове или когда хочу кого-то придушить, но знаю, что не могу.

Ларс пишет обо мне в своей маленькой черной книжечке, когда я курю в своей комнате, особенно теперь, когда в доме его любимый граф. Ларс гребаный предатель. Я вычеркиваю его из своего списка людей. Я также вычёркиваю Коула и Эйдена.

Этим двум ублюдкам повезло, что я не в настроении драться, иначе я бы столкнул их.

Или нет.

Насилие может снова и снова приходиться мне в голову, но я не действую в соответствии с ним — или, скорее, у меня достаточно самообладания, чтобы никогда не действовать в соответствии с ним. Все это вместе взятое: наследник графа, благородный титул, ожидания и метка хорошего парня.

Может, если бы я не был испорчен в юном возрасте, я бы вырос в этот образ. Может, я бы не курил косяк и не представлял, как ее разочарованные, злые обсидиановые глаза смотрят на меня, будто я подвел ее и напугал в одно и то же время.

Я пристально смотрю на Коула, который сидит рядом с Эйденом, подперев голову кулаком и читая ту же книгу, что и раньше с Тил.

Этой книге скоро конец.

— Мы все должны согласиться с тем, что мое предложение о киске лучшее, — говорит Эйден Ксандеру, который сидит на подлокотнике моего кресла и крутит мяч.

— Твои предложения никогда не бывают лучшими. — Ксан закатывает глаза. — Во всяком случае, они хуже всех.

— Они самые лучшие. — губы Эйдена кривятся в ухмылке. — Спроси Нэша.

Коул отмахивается от него, не отрываясь от книги.

— Нэш мелкая маленькая сучка, так что его мнение все равно не имеет значения. — Эйден указывает на меня. — Спроси Астора. Сегодня я дал ему лучшие чаевые.

Я киваю, не говоря ни слова.

— И ты отправил сообщение Сильвер, — говорит Коул.

Это не вопрос; он абсолютно уверен в этом, и я на сто процентов тоже уверен, что он планирует смерть Эйдена, пока мы болтаем.

Обычно я наблюдал за их столкновениями с усмешкой. Я даже иногда провоцирую, но сейчас я хочу убить Коула, а не Эйдена.

— Подожди. — Ксандер делает паузу, крутя свой мяч. — Сегодня произошла драма, не так ли? Черт. Не могу поверить, что пропустил это. Есть новости, кто-нибудь? Рон?

— Ты мне ничего не рассказываешь. — я продолжаю пристально смотреть на Коула. — Почему я должен тебе говорить?

— Да ладно. — Ксан шуточно ударяет меня по плечу своим. — Ты все еще злишься из-за этого? У тебя длинный язык, Рон. Если бы я тебе что-нибудь рассказал, это оказалось бы в *Daily Mail*.

Ему и всем в команде нравится думать, что я не храню секретов, и я усовершенствовал этот образ, потому что не хочу, чтобы они вываливали на меня свои самые темные секреты. Не хочу быть сосудом для них, потому что они только уничтожают меня.

Вот почему всякий раз, когда кто-нибудь из них мне что-то говорит, я убеждаюсь, что вся команда знает, чтобы они перестали вываливать на меня свое дерьмо.

Я уже раскрываю один секрет. Со временем он продолжает расширяться и становиться больше, чем жизнь, и если я добавлю другие, я просто сломаюсь. Я просто отпущу все это. И я не могу так поступить со своей матерью.

Я просто... не могу.

— Вот сокращенная версия, произошедшего, — начинает Эйден скучающим тоном. — Нэш пытался начать битву, проводя время с Тил, а Астор привёл Сильвер и начал свою собственную войну, заставив нас поверить, что войны ниже его достоинства. Астор пытался заставить нас подумать, что ему наплевать на свою новую невесту, которая склонна к сатанинским ритуалам и сарказму, но на самом деле он обдумывает лучший способ убить Нэша и похоронить его так, чтобы никто не узнал. Ох, кстати, Нэш обдумывает то же самое, притворяясь, что читает книгу, потому что, как я всегда говорю, хотя мне никто не верит, Нэш мелкая маленькая сучка.

— Черт. — Ксан подбрасывает свой мяч в воздух, а затем ловит его. —
Не могу поверить, что пропустил все это.

Коул даже не поднимает головы от своей книги, потому что, если бы он это сделал, он бы показал свои настоящие эмоции, а он не из тех, кто это делает.

К счастью для меня, у меня есть мой любимый косяк. Он стирает все эмоции, нравится мне это или нет. Выражение моего лица должно быть безмятежным, почти счастливым.

— Итак... — Ксан тычет в меня пальцем. — Новая невеста и все такое, да? С каких пор ты выполняешь приказы своего отца?

— Не знаю.

Я делаю долгую затяжку и проверяю свой телефон.

Ничего.

Абсолютная тишина. Она не ответила ни на одно из моих сообщений.

Да, иногда она игнорирует меня, но не до такой степени.

По шкале от одного до десяти, насколько опасно забираться на чей-то балкон?

Я бы принял к сведению советы Эйдена и Ксана, но, в общем, пошли они к черту.

— Но вы с ней помолвлены, верно? — Ксандер настаивает.

— Да, и если какой-нибудь ублюдок встанет у меня на пути, я не буду стоять.

— Я слышу угрозу? — Эйден ухмыляется.

Коул медленно поднимает голову, хотя все еще опирается на кулак.

— Так ли это? Я имею в виду угрозу.

— Это ты мне скажи, капитан. Поиграй на моей половине поля, и я раздавлю тебя.

— Вау, — усмехается Ксандер, указывая на меня. — Смерть выходит наружу. Он выходит. Держитесь за свои сиськи, сучки.

— Покажи ему, Астор. — Эйден хватает Коула за плечо. — Он заслуживает эту твою сторону.

Я смотрю на Коула, и он смотрит в ответ, прежде чем сказать:

— Думал, ты не хочешь Тил?

— А я думал, что это не твое дело.

— Конечно, он хочет ее, — усмехается Эйден.

Мой взгляд устремляется на него.

— Что? — он притворяется невинным. — Я просто говорю, что если тебе нужны указания о преследовании и завоевании, я могу дать тебе их из домашнего руководства Кингов о прекращении и воздержании.

— Это звучит так чертовски неправильно, — говорит Ксандер. — Ты ведь знаешь это, верно?

— Как думаешь, как мой дорогой кузен Лев заполучил Астрид? Мы оба унаследовали эти гены от Джонатана. Я не инопланетянин. Мой отец просто больше интересуется бизнесом. Представь, если он будет нуждаться в человеке.

Мы все замолкаем, а затем с отвращением качаем головами.

Джонатану Кингу лучше без какого-либо человеческого присутствия рядом.

— Видишь? — Эйден поднимает бровь, словно доказывая свою точку зрения. — А теперь вернемся к Астору — тебе нужна помощь с твоей невестой?

— Мне не нужна помощь. Мне просто нужно, чтобы вы все отвалили.

И чтобы она отвечала на мои сообщения.

Ответа по-прежнему нет. Она даже не прочла эти гребаные сообщения.

Коул секунду как-то странно смотрит на меня, потом встает и направляется в сторону ванной.

— Эй, Найт, — начинает Эйден. — Дай ему указания. Я все еще голосую за «погоню и завоевание», но, может, способы киски Найта работают.

— Пошел ты, Кинг. — Ксандер усмехается. — Ты просто завидуешь, потому что у тебя никогда не будет моей связи с Ким.

— Я могу с этим жить.

— У кого-нибудь из вас есть зажигалка? — я спрашиваю.

— У меня есть Нэша. — Эйден размахивает им передо мной. — А зачем?

Я, шатаюсь, поднимаюсь на ноги, хватаю зажигалку и поджигаю книгу, которую Нэш только что оставил на стуле. Ухмылка растягивает мои губы, когда пламя пожирает ее. Я слышал, что у него было много проблем с доставкой этой книги, со всеми проблемами перевода, ограниченным тиражом и бла-бла-бла.

Ему не следовало читать ее вместе с Тил. Он не должен был сидеть с ней и позволять ей гладить его по щекам.

Я единственный, чьи чертовы щеки ей позволено гладить.

— Он убьет тебя. — Ксандер смеется себе под нос.

— Так держать, Астор. — Эйден сжимает мое плечо. — Ты достоин быть моим другом.

Никто из них не пытается остановить меня.

Я бросаю горящую книгу и зажигалку в камин по пути к выходу.

— Передай капитану мой чертов привет.

Я не дожидаясь от них ответа, когда выхожу на улицу. Холодный воздух проникает под пиджак и рубашку формы.

Рука обнимает меня за плечо, как только я оказываюсь перед The Meet Up.

— Эй. — Ксан улыбается мне. — Ты в порядке?

В то время как Эйден и Коул разделяют садизм и социопатические наклонности — среди прочего — мы с Ксандером всегда были самыми близкими.

Он единственный, кто знает о моем секрете. Я рассказал ему несколько лет назад, когда он нашел меня прячущимся на вечеринке — а я никогда не

прячусь. Было душно, и мне захотелось разбить машину, чтобы почувствовать что-то еще, кроме онемения. Я выпалил это, не все, но ту часть, которая давила на меня.

С тех пор Ксандер хранил мой секрет. Мы можем дразнить друг друга, но он всегда прикрывает мою спину, а я его. Я солгал ранее — я не сержусь, что он не раскрыл мне свой секрет. Кроме того, я играл Купидона в его сказке с Кимми. Вот как много значит для меня его поддержка.

Вот почему я чувствовал себя опустошенным, когда он отправился на реабилитацию. Конечно, я никогда не признаюсь в этом ублюдку, иначе он запишет это и покажет моим правнукам.

— Я в порядке, — говорю я.

— Нет, ты не в порядке. Ты почти не разговаривал, Рон. Это на тебя не похоже.

— Это все травка.

— Не определенная Тил? — он многозначительно шевелит бровями.

— Отвали.

— Нет, мне действительно интересно узнать о девушке, которая крадет твое сердце.

— Она не крадет мое сердце.

— Значит, ты в своем уме?

Возможно.

— Она просто так много скрывает.

— Скрывает?

— Да, я чувствую, что не могу до нее достучаться.

— Знаешь, Ким пыталась скрыться от меня раньше, и знаешь, как я смог увидеть ее, когда никто другой не мог?

— Как?

Его лицо смягчается.

— Я воспользовался моментом и действительно увидел ее. Ни мои предубеждения, ни мои неправильные представления о ней. Только она.

— Как, черт возьми, я должен это сделать, если она прячется?

Тил так отличается от Ким. У последней в некотором смысле есть сердце. Тил это закрытые ворота.

— Тогда ты делаешь все неправильно.

— Это не ответ. Ты ужасный советник, Ксан.

— Пошел ты, дружище. — он сжимает мое плечо. — Я рядом, если я тебе понадоблюсь.

— Прибереги моменты с кисками для Кимми.

Он с усмешкой отмахивается от меня, и я возвращаю жест, направляясь к машине, а затем останавливаюсь перед дверью.

Я поднимаю свой телефон и смотрю на него. В моем подсознании зародилась безумная мысль, что, если я буду смотреть на него достаточно долго или достаточно пристально, и он волшебным образом загорится ответным сообщением.

Экран загорается, и я останавливаюсь.

Эта тактика действительно работает?

Моя надежда рушится, когда я вижу имя Нокса на экране. Я все равно собирался нанести визит в их дом, быть может, убить Агнуса, если она проводит с ним время. Уверен, что Ларс будет готов скрыть убийство, если я подарю ему его любимый чай на Рождество.

— Йоу, Ван Дорен, — отвечаю я.

— Не видел Тил?

— Забавно, я собирался задать тебе тот же вопрос.

— Ах, черт, ладно.

— *Ах, черт, ладно?* — повторяю я, ошеломленный. — Что это должно означать? Где она?

— Наверное, где-то очищается.

— Очищается.

— Она иногда этим грешит. Она исчезает, чтобы очиститься плаванием или бегом, а затем возвращается в лучшем состоянии. Просто так она справляется.

Просто так она справляется? Какого хрена он говорит так, будто это нормально? И почему мне кажется, что плавание и бег это не те способы, которыми кто-то вроде Тил очищается?

— Куда она обычно ходит? — я спрашиваю.

— Мы не знаем. Мы никогда не знаем.

Ну, черт возьми.

Глава 20

Тил

Нет ничего, что я ненавижу больше, чем бег.

И это не только из-за физической нагрузки, одышки или криков мышц, требующих, чтобы я прекратила пытку.

Это воспоминания, которые приходят с бегом.

Мы с Ноксом бежали так быстро, как только могли нести наши маленькие ножки, когда решили, что мамина крыша не та, под которой мы останемся.

Мы бежали и бежали по грязным улицам. Мы бежали после того, как украли еду с рынка. Мы бежали после того, как услышали полицейский свисток, даже если ничего не сделали. В наших маленьких умах мы верили, что полиция найдет нас за украденную еду и заберет обратно к маме.

Это бы случилось. Нас могли заставить вернуться.

Мы не вернулись, потому что сбежали.

Естественно, все мои воспоминания о беге чушь собачья. Всякий раз, думая о побеге, мой мозг наполняется чертовым дерьмом, например, может быть, теперь нас поймают, может, теперь они отвезут нас обратно к маме, и она заставит меня...

Я качаю головой, продолжая бежать в парке. Я перестала считать, сколько часов я бежала. Я останавливаюсь, чтобы попить воды и перевести дыхание, но в тот момент, когда я снова могу бежать, я делаю это. Я бегу.

Я позволяю своим ногам унести меня куда-то из этого места. Это перенесло меня обратно в Бирмингем, вызывая отвратительные воспоминания и дерьмо, о которых я не хочу думать, но это также уничтожает настоящее.

Это устраняет затруднительное положение, в котором я нахожусь — или, скорее, мне нравится так думать.

Я останавливаюсь, бросаюсь всем телом на скамейку, а кот шипит, а затем отпрыгивает, свирепо глядя на меня за то, что я нарушила его покой.

Мое дыхание прерывистое и неконтролируемое. Я достаю полотенце из сумки и вытираю лоб.

Ночь превратилась в утро, и сейчас уже полдень. Прошел целый день с тех пор, как я в последний раз общалась с людьми.

По крайней мере, с людьми, которых я знаю.

Я провела ночь на пробежке, потом пошла в лес и еще немного побегала, а теперь я вернулась в парк.

Папа и Агнус уже знают, но они, вероятно, не ожидали, что меня не будет целый день. Вот почему я выбрала ночь, которую они проводили, работая в кабинете.

Даже если они поймут, они войдут в положение. Они знают, что я нуждаюсь в этом.

Мой психотерапевт называл это механизмом преодоления. Я называю это очищением.

Знаете, человеческие существа подобны губкам. Они впитывают так много, и приходит время, когда им приходится изгонять эти чувства, чтобы они не задохнулись — или, что еще хуже, не сломались.

Мне нужно очистить больше, чем обычному человеку, потому что, когда эта тьма подкрадывается, я не могу от нее отгородиться. Я не могу смотреть в другую сторону и притворяться, что этого не происходит, и, что мир может продолжаться.

Этот тип тьмы не только скользит под моей кожей, он также овладевает моей головой и вкладывает в нее сумасшедшие идеи, например, может быть, просто, может быть, ожидание не лучшая тактика.

Может, мне следует заставить их почувствовать то, что я чувствовала, прежде чем я совсем перестану чувствовать.

Может, тень на моем плече наконец перестанет плакать.

Но нет. Я могу подождать. Если я страдала, то и он может страдать.

Если у меня пойдет кровь, то у него тоже.

Мое сердцебиение учащается при этих мыслях, и я никогда не ненавидела свое сердце так, как сейчас.

Несмотря на все очищения, я не могу выкинуть эти глупые карие глаза из головы. Я не могу прогнать его из своих мыслей.

Чем быстрее я бегу, тем быстрее он врывается. Чем дольше я мучаю себя физически, тем больше я жажду, чтобы его руки оказались на мне, почувствовали меня, прикасались ко мне, владели...

Я качаю головой и достаю телефон. Ронан Астор придурок, и это все, что в этом есть.

Я включаю телефон, чтобы отправить сообщение Ноксу и сообщить ему, что я вернусь позже.

Когда на экране загорается несколько сообщений, я не удивляюсь. Эльза и Нокс, как правило, беспокоятся, даже когда я заранее сообщаю им, куда направляюсь.

Эльза: *Мы с Ким устраиваем девичник, не хочешь присоединиться.*

Нокс: *Почему ты не сказала мне, что исчезла? Я должен был услышать об этом от папы. Ты лишаешься двух привилегий, сестренка.*

Нокс: *Ответь мне, что с тобой все в порядке.*

Я отвечаю им обоим, думая, что с сообщениями покончено, но затем сверху появляется дюжина других.

Мое сердце делает эту глупость всякий раз, когда его имя появляется в поле зрения. Боже, что со мной не так?

Первое сообщение пришло через час после того, как я ушла из школы.

Ронан: *Когда я сказал тебе разобраться в своей ошибке, я имел в виду разобраться в твоей чертовой ошибке, а не встречаться с Коулом.*

Предупреждение о спойлере: это ухудшило твою ситуацию.

Вскоре после этого он отправил еще одно сообщение.

Ронан: *Где ты? Почему твой телефон выключен?*

Он выждал час, прежде чем отправить еще одно.

Ронан: *Тил, не шути со мной, или я свяжу тебя к чертям собачьим, когда найду. Ответь, блядь.*

Ронан: *Если это твоя версия игры в труднодоступность, то она работает. Отвечай на мои сообщения или отвечай на мои звонки. Нам нужно поговорить. Немедленно.*

Его следующее сообщение пришло через несколько часов, в восемь.

Ронан: *Ты знаешь, где я? В The Meet Up. Ты бывала здесь раньше, но знаешь ли ты историю, стоящую за этим? Это место Эйден унаследовал от своей покойной матери. Это единственное место, где мы можем побыть самими собой и просто поговорить. Обычно я рассказываю большую часть историй. Но не сейчас. Я думаю о тебе, покуривая травку и обдумывая идеальный способ избежать наказания за убийство и смогу ли я расплавить труп Коула кислотой. Понятия не имею, что это значит для тебя, но это что-то близкое к тому, чтобы стать причиной убийства. Если ты не хочешь ею становиться, как насчет того, чтобы ответить мне?*

Мои губы изгибаются в улыбке, прежде чем я успеваю это остановить. У него есть способ заставить меня почувствовать, что я рядом с ним. Я абсолютно могу представить, что он вёл себя, как мудака из-за случившегося с Коулом, но это не значит, что он невиновен во всем этом.

Вскоре после этого пришло следующее сообщение.

Ронан: *Что это за очищение, о котором упоминал Нокс? Чем ты занимаешься? Я только что подтвердил, что этот ублюдок Агнус в компании с Итаном, иначе я бы прирезал ублюдка. Ты также не в клубе. Это хорошая экономия, для твоего же блага, а не для моего. Зачем ты нуждаешься в очистке? И я не могу достаточно подчеркнуть это, но, черт, ответь мне.*

Я прикусываю нижнюю губу, мое сердце бьется быстро и громко. Не могу поверить, что Нокс рассказал ему. Это должно быть нашим секретом. Почему все думают, что Ронану хорошо быть посвященным в мою жизнь?

В том числе и я сама, потому что даже сейчас меня так и подмывает ответить на это сообщение и рассказать обо всем том дерьме, о котором я думаю, находясь в таком психическом состоянии.

Он очень сильно действует на меня, Ронан, что я хочу обнажиться и просто быть рядом с ним.

И это самое худшее, что может случиться с кем-то вроде меня, с кем-то вроде него.

Я могла бы зацепиться за этот брак по договоренности, могла бы бороться за него зубами и ногтями, но правда остается: он сын графа.

Я дочь проститутки.

Несколько часов спустя, ночью, от него приходит еще одно сообщение.

Ронан: *Ты бесишь — тебе кто-нибудь когда-нибудь говорил это? Ты так бесишь, что это уже на другом уровне. Ты так бесишь, что у меня возникает искушение сделать с тобой что-нибудь плохое. Но ты не со мной, так что я развлекаюсь один в твою честь, ma belle — моя красавица. Я дрожу, вспоминая, как твои губы обхватили мой член, когда я трахал тебя в прошлый раз. Когда я увижу тебя снова, я трахну тебя полностью.*

У меня отвисает челюсть, и от холодного воздуха по коже бегут мурашки. Я не могу избавиться от образа мастурбирующего Ронана, и не только мастурбирующего, но и мастурбирующего для меня.

Когда я успела стать такой поклонницей мужской мастурбации? И не какого-то — его.

Сегодня утром пришло еще одно сообщение.

Ронан: *Я не спал из-за тебя. Довольна? Я нет. Счастлив, я имею в виду. Ларс тоже недоволен, потому что я заставил его не спать всю ночь, слушая, как я несу чушь. Он пишет обо мне в своей маленькой черной книжке и спрятал мою записку с травкой. Больше никакой травки для меня дома. Это все из-за тебя, belle — красавица. Я вымещу это на твоей киске в следующий раз, когда увижу тебя, и лучше бы это было на первом уроке в школе.*

Час спустя.

Ронан: *Ты не в школе. Почему тебя нет? И почему Эльза и Нокс думают, что это нормально, что ты очищаешься или что-то в этом роде? Тебе лучше ответить мне, или я клянусь гребаным Богом..*

Ронан: *Ладно, это прозвучало угрожающе. Я не хочу угрожать тебе, но я, блядь, сделаю это, если придется.*

Ронан: *Это сообщение не помогло мне, но к черту все это. Если тебе никто не говорил, я не остановлюсь, так что я буду искать и найду тебя, и да, это звучит по-сталкерски, но к черту это вновь. Я найду тебя и накажу.*

Я перехожу к следующему сообщению, будто у меня горят руки. Чтение прогресса от гнева к мольбе и обратно к гневу затрагивает что-то внутри меня. Это легкое, как перышко, прикосновение, но оно глубокое и грубое, и все, чего я хочу, это большего.

Следующее сообщение приходит через несколько часов.

Ронан: *Хорошо, хорошо. Я не должен был угрожать тем трюком с Клэр и ее подругой. Я даже не знаю ее имени. Думаю, однажды я трахнул ее, но если я не помню ее имени, то ее явно можно забыть. В любом случае, дело не в этом. Я никогда не планировал проходить через это. Я имею в виду сексуальную часть. Я хотел, чтобы ты призналась, так как насчет того, чтобы ты сделала это, а потом я выкину весь этот испорченный день из наших воспоминаний?*

Я прищуриваю глаза. Если он не помнит имени подружки Клэр, но помнит имя Клэр, значит ли это, что она незабываемый партнёр?

Черт. Не могу поверить, что это единственное, что осталось у меня в голове после всего этого сообщения.

Ронан: *Я снова приезжал к тебе домой. Агнус был там. Я выбросил его телефон в мусорное ведро. Нокс сказал мне, что я веду себя по-детски, и я велел ему отвалить. (Кстати, вчера я также сжег новейшую книжную игрушку Коула. Два достижения менее чем за двадцать четыре часа.) Если бы ты не смотрела на Агнуса этими чертовыми улыбающимися глазками, я*

мог бы пощадить его телефон, но ладно, покойся с миром, телефон. Что ты вообще видишь в этом подонке? Эльза говорит, что он психопат, настоящий психопат, который манипулирует людьми и не имеет эмоций.

Ронан: *Подожди... он в твоём вкусе? Так вот почему ты была с Коулом? Давай, выбери тип — папочка-извращенец или псих-извращенец.*

Ронан: *Я лучше обоих. Просто говорю.*

Я громко смеюсь, а затем скрываю звук тыльной стороной ладони. Он аномалия. Очень серьёзная аномалия.

И он единственный, кто заставляет меня смеяться, даже когда он не собирается этого делать.

Следующее сообщение пришло два часа назад.

Ронан: *Прошло ровно двадцать четыре часа с тех пор, как ты исчезла от меня. Поздравляю с усилиями по созданию призраков, но это подходит к концу. Я собираюсь нанять частного детектива и даже МИ-6, чтобы найти тебя. Соберись с духом.*

Его последние два сообщения пришли час назад.

Ронан: *Я в The Meet Up, и выгнал всех, чтобы покурить травку и спокойно подумать о тебе. Я скучаю по тебе и собираюсь трахнуть тебя, когда найду, моя сумасшедшая belle — красавица. Ох, и мои звонки начались с частного детектива. Я собираюсь убедить Итана подать заявление о пропаже человека. Ты идешь ко дну.*

Ронан: *Хотя я чертовски скучаю по тебе.*

Моя грудь сжимается так сильно после прочтения последних слов, так сильно, что я удивляюсь, как мое сердце не вырывается из грудной клетки и не выпрыгивает из заточения. Как он может так легко произносить такие слова, будто он всегда должен был говорить их мне?

Как он может так легко добраться до меня, когда никто другой не мог?

Я встаю еще до того, как осознаю. На этот раз я не притворяюсь, что это нормально или что это этап.

Это ненормально, и меня это совершенно устраивает.

Я совершенно не против того, чтобы Ронан нашел меня и наказал, и все, что между этим.

Потому что правда в том, что он ненормальный, и я тоже.

И возможно, просто, возможно, это совершенно нормально.

Глава 21

Тил

К тому времени, как я прибываю в The Meet Up, уже ночь.

Только когда я открываю дверь, я действительно на секунду задумываюсь о своих действиях.

Я приехала в это место ради Ронана.

Кроме того, он здесь совсем один. Я подтвердила это, когда заметила его машину, припаркованную снаружи, без следов авто других парней.

Я могу это сделать. Я абсолютно точно могу это сделать.

Делая глубокий вдох, я иду вперед. Одна нога перед другой.

Один шаг.

Два шага.

Три шага...

Это не так сложно, и, наверное, это первый раз, когда я думаю о шагах, когда делаю их.

Это как тогда в клубе снова и снова — я стою на коленях и жду, когда кто-нибудь освободит меня, пусть даже всего на одну ночь.

Человек, с которым я это испытала, был последним, о ком я думала, но, может, просто может, как говорят Коул и Нокс, я в этом нуждалась, даже не осознавая этого.

Или, может, я совершаю огромную ошибку.

Мои мысли резко останавливаются, как и ноги, когда я стою у входа в небольшую гостиную. Мягкий желтый свет заливает помещение, отбрасывая уютное сияние на мебель, но в то же время здесь одиноко.

Ронан сидит на диване, все еще в своей форме, за вычетом пиджака, перекинутого через подлокотник. Рукава рубашки закатаны, обнажая жилистые, сильные предплечья, когда он затягивается косяком.

Другой рукой он держит телефон, и смотрит на него так, словно собирается разбить его вдребезги.

Все сомнения, которые у меня были — и до сих пор есть — испаряются при этом виде. Он ждет ответа, оставаясь один.

Ронан не из тех кому нравится одиночество. В то время как Эйден и Коул полностью довольны этим, и Ксандер иногда может тяготеть к этому, Ронан всегда с людьми, так или иначе.

Сначала я думала, что это потому, что он так любит вечеринки, но, возможно, это нечто большее.

Найти его добровольно в одиночестве — впервые. Он всегда устраивает драматические ссоры с Эйденом и Ксандером, когда они выбирают своих девушек вместо него. Тот факт, что он выгнал их, чтобы смотреть на экран телефона — что-то новое.

Он что-то печатает, и мой телефон вибрирует. Я проверяю с комком в горле.

Ронан: *Знаешь, я ненавижу быть один. Это когда демоны возвращаются и хотят устроить погромче и сжечь все это чертово место дотла.*

Я сглатываю, переводя взгляд с его сообщения на его лицо.

Демоны.

По какой-то причине я подозревала, что они у него есть, но никогда не думала, что они настоящие, я предполагала, быть может, я проецирую себя на него. Оказывается, его демоны реальны; он просто прячет их так хорошо, что вы даже не предполагаете, что они есть.

Сомневаюсь, что остальные знают об их существовании.

Втянув воздух, я печатаю ответ.

Тил: *Я остаюсь одна, потому что так я могу контролировать своих демонов. Люди выводят их наружу.*

Как только я нажимаю «отправить», я вновь перевожу взгляд на него. Улыбка изгибает его губы и морщит красивое лицо — его глупое красивое лицо, о котором я не могу перестать видеть сны.

Он выпрямляется, затем печатает.

Ронан: *В этом смысле мы противоположности. Но, эй, к счастью, есть кое-какое дерьмо, которое люди говорят о притяжении противоположностей.*

Ронан: *Между прочим, это мы с тобой, а не ты и какой-то другой ублюдож.*

Вместо того чтобы продолжать танец по смс, я тихо бросаю рюкзак и телефон на пол и подхожу к нему.

Он все еще смотрит на телефон, когда я встаю перед ним, загораживая обзор. Его взгляд скользит от телефона ко мне и останавливается на мне.

Чем больше он смотрит на мое лицо, тем труднее становится дышать. Словно он конфискует мой воздух, здравомыслие и все лучшие суждения.

Он конфискует вещи и чувства, на которые не имеет права.

— Ого, это дерьмо хорошее, если оно заставляет меня видеть то, что я хочу. — он крутит косяк. — Нужно будет пополнить свой запас от этого человека, немедленно.

— Я действительно здесь, — бормочу я.

— Ты не отвечаешь на сообщение. — он машет телефоном. — Могу я заставить тебя сделать это, пока ты стоишь здесь? — я хватаю его телефон и вырываю из пальцев. — Ни на моем телефоне, ни на твоём... или ни на твоём реальном образе, или еще где-нибудь.

— Я на самом деле здесь, Ронан. Это не образ.

Секунду он тупо смотрит на меня, а затем без предупреждения хватается за запястье и тянет вниз. Возбужденный визг срывается с губ, когда я оказываюсь на его теплых, твердых коленях.

Он гладит меня по щеке другой рукой, а затем щипает.

— Ой. — вздрагиваю. — Для чего это было нужно?

— Ты настоящая.

— Именно это я и говорила.

— Ты здесь.

— Очевидно.

— Почему ты здесь? — он прищуривает глаза. — У тебя было какое-то свидание с капитаном?

— Ты прислал мне сообщение, в котором сказал, что ты здесь один, не забыл?

— Так ты здесь из-за меня?

Он говорит это с таким удивлением, будто сам в это не верит.

— Не жди, что я это скажу.

— Ты так чертовски раздражаешь — ты это знаешь?

— Ты вроде как сказал мне это в длинных цепких сообщениях.

Я должна отругать его или что-то в этом роде, но я кажусь счастливой даже для своих собственных ушей.

Я даже не помню, когда в последний раз была счастлива, или счастье означает просто сидеть у кого-то на коленях и чувствовать, как он гладит тебя по щеке.

Нет, не кто-то. *Он*. Ронан.

Его губы изгибаются в ухмылке.

— Ты все равно пришла. — я усмехаюсь. — Теперь, *belle* — красавица, пришло время для твоих признаний.

— Моих признаний?

— Не думай, что я забыл. Что ты сделала не так?

Говоря это, он гладит кожу моего запястья и проводит другим большим пальцем возле моей губы, но недостаточно близко, чтобы коснуться ее.

— Я не знаю, — бормочу я.

— Конечно, ты знаешь. Ты просто не хочешь этого говорить. Но ты должна, *belle* — красавица.

— Что, если я не хочу?

— Тогда мы просто будем продолжать кружить в бесконечном порочном круге. Я в таком же дерьме, как и ты.

— Отлично. Это об Агнусе и о том, как я отказалась отпустить, когда ты сказал мне.

— Почему ты этого не сделала?

Я прикусываю нижнюю губу и пытаюсь отвести взгляд, но он возвращает меня назад, крепко сжимая мой подбородок, отчего мои бедра сжимаются.

— Почему, Тил?

У него есть манера говорить командным тоном, который превращает меня в замазку в его руках.

Это так неправильно.

И все же так правильно.

— Я хотела увидеть твою реакцию, хорошо?

— Ты хотела увидеть мою реакцию. Мне это нравится.

— Ну, а мне нет. Твоя реакция была отстойной.

Волчья ухмылка изгибает его губы, когда он приближает меня ближе, пока его дыхание не щекочет мою кожу, горячее и близкое, так чертовски близко, что у меня сводит пальцы ног — чего никогда не бывает.

Когда он начинает говорить, то тихим шепотом.

— Чего ты хотела в качестве реакции? Жесткого секса? Повторного минета?

Моя грудь сжимается так, как это возможно только рядом с ним, но удается сохранить нейтральный тон.

— Что-то, что не имеет отношения к тому, как «каждый получит свою долю».

Его ухмылка становится шире от того, как я передразниваю его.

— Ревнуешь, *belle* — красавица?

— Не так сильно, как ты к Агнусу. В конце концов, он в моем вкусе. А ты нет.

Он рычит глубоко в горле.

— Не упоминай больше имя этого ублюдка. Я не выше убийства. Я серьезно. Я даже консультируюсь с Ларсом о том, как это скрыть.

Это почему-то заставляет меня улыбнуться, но я быстро маскирую это.

— Других девушек тоже нет. Я не выше убийства. Я серьезно.

— Ты чертовски сумасшедшая — конечно, нет.

Это заставляет мои плечи опуститься. Меня называли сумасшедшей, фриком и отродьем сатаны больше раз, чем я могла сосчитать, но по какой-то причине я не хочу, чтобы Ронан называл меня так.

— Ты думаешь, что я сумасшедшая?

Мой голос едва громче шепота, и я ненавижу это.

— Я так не думаю. *Я знаю это.*

На этот раз он проводит пальцем по моим губам, как будто размазывает помаду, точно так же, как в тот первый раз, когда он прикоснулся ко мне в библиотеке.

— И я хочу каждую частичку твоего безумия.

Мое дыхание прерывается, сердцебиение выходит из-под контроля. Если эти слова способ проникнуть мне под кожу, то они работают.

Они так хорошо работают.

Он отпускает мое запястье и снимает с меня пиджак, а затем его пальцы расстегивают рубашку. Я неподвижна, боясь, что одно движение станет ошибкой, и я потеряю связь, колышущуюся в воздухе, между нами.

Но затем его бедра толкаются в меня снизу, и я издаю стон от грубого контакта. Так как на мне юбка, его выпуклость касается прямо пульсирующей сердцевины.

Он повторяет, и на этот раз я хватаю его за оба плеча для равновесия.

— Будь спокойной, — приказывает он.

Мое тело напрягается, но это тяжело из-за того, как он завладевает мной. Одного трения об одежду достаточно, чтобы превратить мои бедра в дрожащее месиво.

Пока я пытаюсь оставаться на месте, он уже избавился от моей рубашки и лифчика и держит обе мои груди в своих руках.

В тот момент, когда он проводит кончиками больших пальцев по тугим бутонам, я задыхаюсь, голова почти падает ему на плечо.

— Вижу, ты все еще чувствительна здесь, — размышляет он, продолжая свое двойное нападение, покручивая мои соски и двигаясь напротив меня поверх одежды.

Было бы невозможно оставаться неподвижной, даже если бы я захотела.

Его рот находит мой сосок и сосет его.

О, Боже.

Я насаживаюсь на его выпуклость, не в силах оставаться на месте. Его касания усиливаются, как и мои движения против его эрекции.

Он проводит языком по моему соску. Раз, второй..

— Ох... Ронан... Если ты это сделаешь, я... ооо.

Я кончаю на его одежду. Ему даже не нужно было прикасаться к моей киске.

— Кто теперь в твоём вкусе? — он одаривает меня высокомерной ухмылкой, на которую я даже не в состоянии отреагировать.

Я занята попыткой сдержать последнюю вспышку удовольствия, пронзающую меня.

Ронан умело расстегивает мою юбку и стягивает мокрое нижнее бельё с дрожащих ног, затем бросает их среди остальной моей одежды на пол.

— Ты теперь моя маленькая шлюха, не так ли, *belle — красавица?*

— Я не шлюха.

Я пытаюсь возразить, но мой голос слишком хриплый, слишком наполненный похотью.

— Ты моя шлюха. Только моя.

Он резко встает, и я падаю на диван, мой разум заполнен беспорядочными мыслями.

— Что...

Слова обрываются, когда он в рекордно короткие сроки избавляется от брюк и боксеров, а затем следует его рубашка.

Я таращусь, как идиотка. Не могу перестать таращиться, даже если бы захотела.

Ронан прекрасен, как бог, бессмертный, легенда. Я никогда не была одной из тех девушек, которые останавливаются и пялятся на пресс. Черт, я видела его пресс на миллионах фотографий, опубликованных в Инстаграм, и никогда не думала о них так красиво, как сейчас.

Может, потому что теперь мне видно что-то еще, кроме его физической красоты.

Я вижу его шрамы, не такие, как у меня на коленях, но шрамы, скрытые под этим прессом из шести кубиков и очаровательной улыбкой. Шрамы, которые никто не видит, но которые известны ему, шрамы, которые он скрывает, находясь с людьми.

В конце концов, самые болезненные шрамы — невидимые.

Я все еще изучаю его, пытаюсь насытиться им, но он даже этого мне не позволяет. Он дергает меня, кожа скрипит, и нависает надо мной, раздвигая ноги своим сильным коленом.

Они раздвигаются. По собственной воле они просто... раздвигаются.

Мне никогда не нравился секс в миссионерской позе, никогда не нравилось смотреть на их размытые лица, но теперь? Боже, теперь, если он перевернет меня и возьмет раком, как я всегда требую, я могу заплакать.

Я кладу ладонь ему на щеку и целую его. Я целую его так сильно, что почти уверена, что высасываю его душу в процессе. Ронан рычит мне в рот, целуя в ответ со всей силой.

Он протягивает руку между нами и надевает презерватив на свой член.

— Я не буду нежен, *belle* — *красавица*. Я не буду говорить тебе на ухо слова любви по-французски или заниматься с тобой любовью. Я собираюсь

трахнуть тебя и причинить тебе боль, и ты будешь наслаждаться каждой секундой этого.

Его рот возвращается к моему, когда он входит в меня одним безжалостным движением.

Я хватаюсь за его спину для равновесия, когда воздух выбивается из легких.

О, Боже.

Эта сила совсем не похожа на то, что я испытывала раньше. Ронан ускоряется и трахает меня жестко и грязно.

Как он и говорил, это не нежно. Он большой и не кончает быстро.

Нет.

Он продолжает и продолжает. Он берет меня так, будто хочет причинить боль, будто хочет запечатлеть себя под моей кожей, чтобы он был единственным, что я чувствую, единственным, кем я дышу и пробую на вкус.

И он этого добивается.

Мои чувства переполнены его пряным ароматом, низким рычанием, которое он издает, когда вновь и вновь вгоняет свой член глубоко в меня.

Словно он наказывает меня за все, произошедшее за последние пару дней. Он сводит меня с ума как от удовольствия, так и от боли. Рыдание эхом отдается в тишине, и вскоре я понимаю, что это мое собственное рыдание.

Он владеет моим телом и душой, и у меня нет возможности остановить это или поставить на паузу. Все, что я могу делать, это прокатиться на нем, позволить ему взять меня, плыть со мной.

И это самое освобождающее ощущение, которое я испытывала за всю свою жизнь.

Хочу ли я вообще прекратить это? Что, если все эти разы, когда я думала о принадлежности, я подходила к этому неправильно? Что, если это — этот ошеломляющий стук — все, чего я ждала?

— Ох, Ронан...

— Ты еще не кончила. — он кусает меня за мочку уха, и я вскрикиваю.
— Ты почувствуешь это, почувствуешь нас, так что в следующий раз, когда ты скажешь, что я не в твоём вкусе, ты подумаешь именно об этом чертовом моменте, когда я владею каждым сантиметром тебя.

Мои ногти впиваются в его спину, когда я хватаю ртом воздух и обнаруживаю сильный запах его, нас, смешивающийся и усиливающийся и поднимающий меня на новые высоты.

Когда волна накатывает на меня, это отличается от оргазмов, которые он вырывал из меня до сих пор. Этот удар проникает под кожу, прежде чем напасть на меня из ниоткуда.

Я падаю сильно и быстро, и единственная пропасть это Ронан.

Просто Ронан.

Это лучшая бездна, в которой я не знала, что нуждаюсь.

Он еще не закончил. Даже близко нет. Он продолжает входить в меня снова и снова, как будто никогда не закончит со мной.

Как будто он может трахать меня до бесконечности.

Его толчки становятся длиннее, быстрее и болезненнее. Они такие болезненные; это восхищает и возбуждает.

Я никогда в жизни не была так возбуждена. словно он прикасается ко мне, и мне конец.

Я разбита вдребезги.

Я наделена полномочиями.

Он протягивает руку между нами и щелкает по клитору.

— А теперь снова падай со мной.

Я так и делаю.

Я просто это делаю.

Я кончаю в тот же момент, когда его спина напрягается, и его толчки резко прекращаются.

— Моя. Только моя, блядь, — рычит он, прежде чем завладеть моими губами в животном поцелуе.

Глава 22

Ронан

Жадность — это просто жадность.

Тебе никогда не бывает достаточно, сколько бы ты ни получал. Ты никогда не останавливаешься, словно все твои тормоза исчезли.

Это погружается в воду и не находит выхода.

Это спать с девушкой, которую ты никогда не хотел видеть рядом, не говоря уже о том, чтобы обнимать ее.

Веки Тил закрылись вскоре после второго — или это был третий? — раунда. После второго, определенно после второго. Мне нравится верить, что я выше некрофилии, так что давайте оставим это на втором.

Хотя мои границы, кажется, размываются, когда замешана эта девушка.

Ее волосы частично закрывают лицо, когда она кладет голову мне на грудь, а ее пальцы ложатся мне на живот — ее чёрный маникюр.

С ее длинными ресницами, трепещущими на щеках, она, кажется, моложе, уязвимой, совсем не похожей на Тил, которую все знают — и которой втайне завидуют.

Втайне, потому что все хотят быть такими же незатронутыми, как она, такими же уверенными в себе, как она, но на самом деле они никогда не достигнут ее уровня. В их случаях это либо образ, либо принуждение. Она делает это так хорошо, потому что ей действительно наплевать на социальные стандарты.

Ее забота распространяется на нескольких людей — Итана, Нокса, Эльзу и этого гребаного Агнуса — а она даже не показывает этого так ярко.

Я провожу пальцем по ее щеке и убираю волосы с ее лица, чтобы получше рассмотреть ее и запечатлеть в памяти.

Понятия не имею, зачем нужно ее куда-то запереть, возможно, проникнуть в нее и получить право первого просмотра того, что скрывается в ее хорошенькой головке.

Я всегда ненавидел чужие секреты, но ее секреты это тот запретный плод, который я не могу игнорировать, перед чьим искушением я не могу устоять.

Мне хочется вцепиться когтями в кожу Тил, и не только физически — я хочу вторгнуться в ее мысли и заглянуть за нее, внутрь нее, везде, где возможно.

Я облажался? Возможно, но именно таким я становлюсь рядом с этой девушкой.

Вот к чему сводится великий Ронан Астор.

Даже мой член, Рон Астор Второй, согласен с любой идеей, которая предполагает быть внутри нее.

Я твёрдый с тех пор, как она появилась передо мной, и я подумал, что она призрак, видение или что-то еще, что могло бы составить мне компанию.

Как хороший подонок, я провожу большую часть ночи, наблюдая за ее спящим лицом. Рон Астор Второй все равно не дал бы мне уснуть. Этот ублюдок более чем в сознании, словно он под кайфом от Виагры.

Я вдыхаю ее, позволяя своим легким расширяться от всего, что связано с ней. Странно, что у нее нет тех определенных ароматов, как у других девушек. От нее не пахнет Шанелью или Диором. Она даже не пользуется фруктовым или цветочным гелем для душа или шампунями. От нее исходит только слабый аромат лайма, и он недостаточно заметен, чтобы считаться духами. Как будто она изо всех сил старается остаться незамеченной.

Но это не так. Даже близко нет.

Запах, проникающий в мой нос, больше, чем лайм, и больше ее. Немного расстроенный, немного невинный, немного... скрытный.

Тил самое близкое к туману, что я когда-либо видел. Она там, но, когда ты прикасаешься к ней, кажется, что ее почти не существует.

Она что-то бормочет во сне, и я глажу ее по волосам, пальцы теряются между шелковистыми прядями. Словно они никогда не могут растрепаться.

Интересно, как бы она себя чувствовала, просыпаясь от оргазма. В конце концов, она проспала достаточно долго.

Несправедливо, что она засыпает, пока мы с Роном Астором Вторым страдаем в тишине.

Один из способов выяснить это.

Я слегка ерзаю, и кожаный диван протестующе скрипит. Протягивая руку, между нами, я сжимаю ее соски. С ее губ срывается невнятное бормотание, когда моя рука опускается вниз, и я потираю ее клитор крошечными круговыми движениями.

В отличие от того, что я ожидал, она не сопротивляется моей руке и остается совершенно неподвижной, ее глаза плотно закрыты, а брови нахмурены. Думаю, это из-за удовольствия, которое она пытается сдержать, но потом она шепчет неразборчивые слова. Еще одно мяуканье срывается с ее губ, и вскоре превращается в рыдание.

Звук такой призрачный и грубый, что ударяет прямо в грудь.

— П-пожалуйста... — тихо всхлипывает она. — Я... прости... прости... М-мама... мамм.. Прости... пожалуйста.

Я убираю руку, будто меня ударили битой.

Какого черта?

Глаза Тил резко открываются, и на секунду они кажутся черными обсидиановыми дырами. Они полны слез, но там ничего нет, пустая, глубокая дыра.

Это первый раз, когда я вижу, как она плачет, и это самая захватывающая сцена, которую я когда-либо видел. Словно она не чувствует собственных слез, словно ее здесь нет.

Словно ее не существует.

Или, может, она существует, но в другом измерении с другими людьми и состоянием ума.

— Тил? — я зову ее по имени, когда она не подает никаких признаков того, что узнает свое окружение.

Она не моргает в течение долгих секунд, ее взгляд все еще пустота без жизни внутри.

Я крепче сжимаю ее волосы.

— Посмотри на меня, Тил.

Медленно, слишком медленно, ее глаза возвращаются ко мне. Блеск проникает в них, но она как будто ничего не видит.

Ей требуется несколько секунд, чтобы каким-то образом выйти из транса, в котором она находилась.

— Р-Ронан?

— Да.

— Что случилось...?

Ее взгляд блуждает, между нами, будто она пытается вызвать в памяти какое-то воспоминание.

Пожалуйста, скажите мне, что она не забыла о прошлой ночи; если забыла, то мы с Роном Астором Вторым пойдем и похороним себя на глубине шести метров.

— Ох... — она садится и заправляет волосы за ухо, и я начинаю думать, что это ее единственный нервный тик — или, по крайней мере, единственный, который она не может скрыть. — Обычно я не засыпаю... — она замолкает и смотрит на меня из-под ресниц. — Я что-то сказала или сделала?

Я лгу сквозь зубы.

— Нет.

Тил не из тех, кто раскрывается, если ты противостояшь ей. Во всяком случае, я думаю, что она из тех, кто прячется. Если я разрушу ее стены, она не только восстановит их, но и убедится, что на этот раз они сделаны из непробиваемой стали.

— Думаю, тебе просто приснился кошмар. — я показываю на ее лицо.

Она подносит пальцы к глазам, и когда понимает, что там слезы, быстро вытирает их тыльной стороной ладоней.

— Э-это странно. Прости.

— За что ты извиняешься передо мной?

Во всяком случае, это я должен извиняться. Я каким-то образом спровоцировал это.

Я снимаю свой пиджак с подлокотника и накидываю его ей на плечи. Они все еще дрожат, и как бы она ни пыталась скрыть реакцию, она напугана и потрясена. Я ублюдок, но я собираюсь использовать этот шанс, чтобы выманить ее.

Извини, Рон Астор Второй, тебе нужно дождаться своей очереди.

Мама часто говорила мне, что для того, чтобы сблизиться с другими, нужно предложить взамен частичку себя. Эта идея никогда не привлекала меня, поэтому я построил Ронана, короля с короной популярности и гаремом девушек. Это, казалось, проще, и Рон Астор Второй согласился, так что это было беспроблемно.

Но теперь мы с этим ублюдком оба согласны, что другие больше не вариант, и это не только из-за договора, который мы с Тил заключили. Честно говоря, меня не интересует никто, кроме нее. Такое впервые в моей жизни, и именно поэтому я знаю, что это особенное.

У меня раньше не было ничего особенного. Было весело, но одиноко. После этого я всегда чувствовал себя одиноким.

С Тил все совсем по-другому.

Я обнимаю ее за плечи и притягиваю к себе. Она начинает протестовать, но я силой прижимаю ее к изгибу своего тела, и в конце концов она прекращает тщетную борьбу.

Мы сидим на диване, и она почти оседлала мои колени, на самом деле не делая этого.

Я провожу пальцем по ее коже.

— Ты помнишь свой кошмар?

Она качает головой у меня на плече. Это ложь. Выражение ее лица становится трезвым, а это значит, что она медленно, но верно восстанавливает стены.

Не в этот раз.

— Я помню свои кошмары. — я улыбаюсь. — На самом деле, это один кошмар, повторяющийся снова и снова, иногда в одну и ту же ночь.

— Что за кошмар? — спрашивает она.

— Если я расскажу тебе, ты расскажешь мне о своих кошмарах?

Она сглатывает, и я ожидаю, что она откажется, наденет броню и спрячется за стенами, но ее голова качается вверх и вниз в кивке.

Я приклеиваю улыбку на лицо, когда говорю.

— Мой кошмар начинается на темной длинной улице. Я единственный человек, и я ребенок. Атмосфера немного навязчивая, слишком тихая, немного слишком мрачная. Я бегу по улице снова и снова, как мышь, попавшая в лабиринт. Я всегда оказываюсь на одной и той же улице с той же темнотой и тем же одиночеством. Я зову своих родителей, но никто из них не отвечает. Однако я не перестаю бегать или звать их. Я говорю: «Мама. Папа. Я здесь. Вы забыли меня здесь». Они не приходят. Я просыпаюсь только тогда, когда появляется один человек.

— Кто? — шепчет она, ее голос почти испуган.

— Ларс. — я ухмыляюсь, прогоняя остатки образов. — Он тот, кто будит меня каждое утро. Я всегда игнорирую свои тревоги.

Она смотрит на меня снизу вверх.

— Прекрати это делать.

— Делать что?

— Улыбаться, когда говоришь болезненные вещи. Тебе не следует улыбаться по этому поводу.

— Ну, какой-то философ, о котором читает Коул, говорит, что с помощью улыбки можно бороться с болью.

— Ты не можешь. Ты только маскируешь, и рано или поздно боль вернется и укусит тебя. — ее зубы впиваются в нижнюю губу. — Мне не нравится, когда ты надеваешь маску передо мной, Ронан. На самом деле, я ненавижу это, ясно?

— Хорошо.

— Хорошо?

— Да, хорошо — чего ты хочешь? Что-то вроде договора? — поддразниваю я.

Она фыркает.

— Тебе не обязательно быть умником.

— Твоя очередь, *belle* — красавица.

Долгий вздох срывается с ее губ.

— Мои кошмары тоже начинаются так же, как и твои.

— Как мои?

— В темноте. Там всегда темно. — она останавливается и, похоже, не собирается продолжать.

— И?

— Это просто, темно. Я не могу ни двигаться, ни говорить, а иногда хочется, чтобы я ничего не чувствовала. Если бы я не чувствовала, все бы просто исчезло, понимаешь?

— Но это никогда не проходит.

— Именно, — бормочет она в ответ, хотя это был не вопрос.

У нас есть что-то общее, чувство, травма. Это видно по тому, как она дрожит, но пытается подавить это, по тому, как прикусывает нижнюю губу.

Однажды она это подавит, и однажды я буду рядом, чтобы услышать все это.

— Твой кошмар как-то связан с тем, что тебе нравится причинять мне боль? — спрашивает она, ее огромные глаза смотрят на меня так, словно я держу ответы на мировые проблемы в своих ладонях.

Никогда не думал, что захочу, чтобы кто-то так смотрел на меня до нее.

— Что заставляет тебя так думать? — я спрашиваю.

— Ты сказал, что не будешь заниматься со мной любовью, не будешь шептать французские слова, как ты делаешь с другими девушками.

Я поднимаю бровь.

— Ты хочешь, чтобы я шептал тебе французские слова?

— Дело не в этом. — ее щеки вспыхивают. — Просто ответь на мой вопрос. Это как-то связано с твоим повторяющимся кошмаром?

— Возможно, — я делаю паузу. — Тебе нравится, когда тебе причиняют боль из-за твоего кошмара?

Она вздергивает подбородок.

— Возможно.

Чертова упрямая девчонка.

Пришло время сменить тактику. Я хватаю ее за руку и встаю, переворачивая ее на живот. Взволнованный визг срывается с ее губ, когда она оглядывается на меня через плечо.

— Ч-что ты делаешь?

— Плохие вещи, *trésor* — *милая*.

— Р-Ронан, не надо.

— Не надо чего, *mon petit coeur adore* — *моя сладкая*?

Ее дыхание прерывается, а глаза расширяются, пока почти не заполняют ее крошечное личико. Я кладу руку ей под живот и поднимаю ее так, чтобы она оказалась на коленях.

— Разве ты не хотела, чтобы я говорил с тобой по-французски, *belle* — *красавица*?

— Не так, — бормочет она, хотя и не делает ни малейшего движения, чтобы бороться со мной.

— Не так, это как? Вот так? — я провожу своим твердым членом вверх и вниз по ее влажности, и дрожь проходит по всему ее телу.

— Ронан...

— У меня нет другого презерватива, но ты ведь на таблетках, не так ли? Это было в форме, которую ты оставила в клубе.

Я хватаю ее за бедро и вхожу одним движением.

Мы стонем одновременно, соединяясь. Есть что-то в обладании Тил, в том, чтобы быть с ней.

Жадность. Чертова жадность.

Когда это сочетается с похотью, то абсолютно невозможно остановить.

— Господи, — хмыкает она.

— Я говорил тебе — не он. А я.

Я наклоняюсь и хватаю ее за волосы, чтобы потянуть за них.

Угол, должно быть, неудобный, но если она и чувствует это, то ничего не говорит.

Я провожу языком по ее уху, а затем кусаю.

— Ты хочешь французский, *belle* — красавица? Думаешь, я в том состоянии, чтобы думать по-французски, когда трахаю тебя?

Она стонет, сжимаясь вокруг меня. Я трахаю ее быстро и грязно, будто она мое спасение, будто она единственная, кого я могу заполучить до конца этого чертового мира.

Возможно, она права. Возможно, это из-за кошмара. В противном случае, какого черта мне хочется удержать ее, когда я никогда никого не хотел удерживать?

При этой мысли мои движения становятся свирепыми, даже животными. Я вонзаюсь в нее, пока она не разваливается на части, крича, затем так сильно кусает губу, что кровь покрывает ее жемчужно-белые зубы.

Я наклоняю ее голову и целую. Я чувствую металлический привкус ее крови, вливаясь в нее изо всех сил.

Кто-то появляется в моем периферийном зрении. Я стою боком к двери, в то время как она отвернулась, все еще спускаясь с высоты.

Коул.

Он стоит у двери, держа в руках книгу. Он прислоняется к дверному косяку, скрещивая ноги в лодыжках. Обычно, если он в одной из своих фаз вуайеризма, я говорю ему, чтобы он отвалил. Вместо этого я позволяю Тил упасть на диван и накидываю пиджак ей на спину и задницу, скрывая наготу.

Ни за что блядь я не позволю ему увидеть ее голой, но это не значит, что он не увидит, кому она принадлежит.

Я хватаю ее за бедро под пиджаком и толкаюсь в нее еще несколько раз, долго и сильно, а затем опустошаю ее изнутри, как никогда.

И это не только из-за отсутствия презерватива. Я солгал — у меня есть презерватив, во множественном числе. Я никогда не хожу без них и запикиваю их в шкафчики своих друзей-ублюдков, чтобы предотвратить любую драму подростковой беременности, но идея вновь поставить барьер между мной и Тил звучит как трагедия.

Марш отсюда, презервативы. Это наше официальное прощание.

— Хорошее шоу. — Коул поднимает бровь.

Тил ахает, съеживаясь, закутываясь в пиджак.

Я остаюсь полностью обнаженным, когда встаю и пристально смотрю на него. У Коула всегда была склонность к вуайеризму — среди прочего.

— Продолжайте, — он делает паузу. — Или мне следовало сначала поаплодировать?

Из-за спины я вижу, как Тил беспорядочно надевают свою одежду.

Блядь. Она поняла, что я сделал это нарочно? Не то чтобы меня это должно волновать. И ей, и Коулу нужно знать свои места.

То есть, никто больше не заберет ее у меня.

Через несколько секунд она выходит из-за моей спины в юбке и застегнутом пиджаке и несет остальную одежду в куче.

— Я отвезу тебя, — говорю я.

Она бросает на меня такой резкий взгляд, что он похож на ножи.

— Пошел ты.

И с этими словами она хватается за сумку и, не удостоив Коула взглядом, выбегает из дома.

Я остаюсь стоять, игнорируя ухмылку Коула и мою наготу. Все, о чем я могу думать, это ее последний взгляд, который она бросила на меня: гнев, смешанный с разочарованием.

Merde — Дерьмо.

Глава 23

Тил

Позже в тот же день я присоединяюсь к Эльзе и Ким на девичник.

В прошлом я не знала, что это такое. В конце концов, Нокс, Агнус и папа всегда были моим окружением. Теперь, когда Эльза присоединилась к нам, это стало более... ну, интересным.

Моя приемная сестра не совсем девчачий тип, не то, что ее лучшая подруга Ким, у которой убийственно зеленые волосы, соответствующие цвету ее глаз. Всякий раз, когда они собираются вместе, они немного говорят о своей жизни и много об Эйдене, Ксандере и сексе. Обычно эти разговоры меня не беспокоят. Я часто наблюдала за их покрасневшими лицами и задавалась вопросом, чего они так смущаются.

После Ронана я вроде как все поняла. От одной мысли, что он сделал с моим телом, мои щеки заливают жаром. Я все еще чувствую его внутри себя с каждым шагом, который делаю, и ненавижу, что моя единственная мысль это то, как сильно я хочу повторить все это.

Если он, черт возьми, все не испортит.

Как только мы заходим в маленькую кофейню и делаем заказ, я извиняюсь и ухожу в туалет, пока Ким показывает Эльзе фотографии ее младшего брата Кириана, и они обе падают в обморок из-за него. Если бы Эйден был здесь, он бы приревновал к этому ребенку. Без шуток. Черт возьми, если бы Ксандер уже не считал Кириана младшим братом, он тоже мог бы приревновать.

Закончив в туалете, я выхожу, уставившись на телефон. Никаких сообщений.

Я сказала себе, что не буду проверять, но я как наркоманка. Я не могу перестать ждать чего-то от него. Не то чтобы я так легко простила бы его за

поступок, но все же. Ронан, который ничего не посылает, чертовски подозрителен.

Мои ноги останавливаются перед туалетом. Сильвер стоит там, уставившись на свой телефон и прикасаясь к изящной подвеске в виде бабочки на ее бледной шее. Мягкая улыбка скользит по ее губам. Она почти невинная — последнее прилагательное, которое я бы использовала для описания Сильвер. Это правда, что она в некотором роде сногшибательна, но она всегда обладала преимуществом.

У нее самая красивая улыбка, которую она демонстрирует в социальных сетях, обычно со своими влиятельными родителями, мачехой или пиар-командой отца. Даже Ронан публиковал с ней фотографии, наполовину обнимая ее или, когда они оба улыбались в камеру. Обычно он подписывал это так: «*Красивые люди*». Высокомерный тип.

Когда я следила за его аккаунтом, то заметила, что, когда ему было около пятнадцати, он часто публиковал фотографии с тремя другими всадниками, Леви Кингом — старшим двоюродным братом Эйдена — и Сильвер. Она была единственной девушкой среди них пятерых.

Затем, мало-помалу, она начала исчезать с фотографий. Особенно в этом году.

Заметив меня, Сильвер убирает руку с подвески, и вот так просто выражение ее лица становится жестким. Все улыбки и невинность растворяются в воздухе.

Она пялится на мою футболку, на которой написано: *Ботаник? Я предпочитаю термин «умнее тебя».*

Ее ледяной взгляд скользит обратно по моему лицу.

— Тил.

— Сильвер.

Она вальсирует ближе, пока не в состоянии посмотреть на меня сверху вниз. Глупые высокие люди и их ноги, которые тянутся на многие километры.

— Я все еще не простила тебя за тот день.

— Я тоже.

— Но я могла бы.

— Неинтересно.

— Просто... — она замолкает, облизывая губы. Это первый нервный жест, который я когда-либо видела от нее. — Расскажи мне, как дела у Ким.

— Почему бы тебе самой не спросить ее?

Из того, что Ким упоминала ранее, она была близкой подругой Сильвер, но они перестали общаться, когда были подростками, и с тех пор Сильвер превратилась из подруги в мучителя. Однако ни Эльза, ни Ким не видели другой грани Сильвер. Кроме того, после того как Ким выписали из больницы, Сильвер появилась, извинилась перед ней и ушла.

С тех пор как мы встретились в клубе, Сильвер регулярно спрашивала меня о состоянии Ким.

— Она просто проклянет меня, — бормочет она.

— Это потому, что тебя не была рядом с ней, когда она нуждалась в тебе больше всего.

— Я знаю это. Просто скажи мне, как у нее дела. — она сглатывает, словно прогоняя ужасный образ. — Она справляется?

— Да. Дела у нее идут лучше.

Ее губы растягиваются в улыбке, прежде чем она прочищает горло.

— Хорошо, спасибо.

— Ты не можешь продолжать спрашивать о ней за ее спиной таким образом, Сильвер. Однажды тебе придется встретиться с ней лицом к лицу.

— Однажды. Не сегодня. — она делает паузу. — Не говори ей, что я спрашивала.

— Как скажешь.

Она откидывает волосы.

— И держись подальше от Коула.

— Держись подальше от Ронана.

Мы расходимся в разные стороны у выхода из туалета. Она выходит из маленькой кофейни, даже не взглянув на Эльзу и Ким. Возможно, потому что ее родители политики, но, судя по, увиденному, Сильвер мастер скрывать эмоции.

Когда я снова усаживаюсь за стол, две пары глаз почти выкапывают дыры в моем лице. Я делаю глоток апельсинового сока и встречаюсь с недоверчивыми взглядами Эльзы и Ким.

— Что?

— Что все это было? — шипит Эльза. — Сильвер?

— Да, Тил, — фыркает Ким. — Почему ты разговаривала с Сильвер? *Из-за тебя.* Вместо этого я поднимаю плечо.

— Она стерва, Тил. — Эльза крепко сжимает свой горячий шоколад.

— Я тоже могу быть стервой. — я пью сок.

— Нет. — Ким гладит меня по руке. — Ты классная. Просто ты другая.

Я подавляю улыбку. Вот почему Ким и Эльза особенные — они не только видят фасад, но и находят время, чтобы заметить, что за ним.

— Кроме того. — Эльза лукаво улыбается. — Ты с Ронаном, так что это в конце концов передастся тебе.

Мое сердце сжимается всякий раз, когда упоминается его имя. Я притворяюсь, что сок мое единственное внимание.

— Он не имеет значения.

— Думаешь, я не заметила, как ты смотришь на него, когда он не обращает внимания? — Эльза вздыхает. — Как будто ты хочешь выгравировать себя на его коже.

— Я не хочу.

— Да, ты хочешь. — Ким тычет меня в плечо. — Он делает тоже, что и ты. Он смотрит на тебя так, словно ты величайшая и самая увлекательная загадка из всех.

Он смотрит на меня так?

Как получилось, что я никогда этого не замечала?

Эльза подмигивает мне.

— Я говорю, что ты изменила свои взгляды на любовь. Это больше не куча химических реакций, верно?

— Именно. Дофамин и нейротрансмиттеры. Это все бред.

Даже когда я говорю эти слова, я не верю ни одному из них.

Глава 24

Тил

Быть зависимой от чего-то худшее, что может произойти с кем угодно.
Как будто вся твоя жизнь основана на этом кайфе.

Хотя я всегда хотела избавиться от режима транса, я никогда не впадала в зависимость. Я никогда не позволяла ничему становиться центром моей жизни.

Даже моей боли.

Я справлялась с этим, боролась и, в конце концов, подружилась с этим. Это был единственный способ для меня выжить.

О чем я никогда не думала, так это о том, чтобы стать зависимой от кого-то, а не от чего-то.

С тех пор как я покинула The Meet Up в выходные, все, о чем я думаю, это *он*. Моя нежелательная зависимость.

Чертов Ронан.

Рядом с ним я становлюсь наркоманкой, нуждающейся в еще одной дозе, еще одной улыбке.

В ещё одном прикосновении.

Если бы вы спросили меня, чем я увлекаюсь, когда дело доходит до Ронана, у меня не нашлось бы ответа.

Это мог быть его голос с легким рокотом, его симметричное лицо, которое каким-то образом стало произведением искусства в моем сознании. Возможно, это его улыбки — искренние — или его цепкая натура, которая по какой-то безумной причине кажется скорее очаровательной, чем жуткой.

Или, может, просто может, это забота, которую он незаметно демонстрирует.

Рядом с ним я левитирую, прежде чем осознаю это. Я улыбаюсь, будто это самое естественное, что можно сделать.

Но это не так.

Этого не должно быть.

Я говорю себе, что я в его доме только из-за Шарлотты, но вскоре после того, как я поздоровалась, я сказала ей, что принесу чай, хотя она сказала, что Ларс займётся этим.

Я прохожу мимо комнаты Ронана и задерживаюсь там на секунду слишком долго — или, возможно, на десять секунд; не могу сказать.

Боже. Я начинаю походить на одного из тех идиотских гормональных подростков, над которыми, как мне казалось, я была выше. Оказывается, я не так уж далека ушла.

Черт возьми.

Хорошо, я притворюсь, что меня устраивает, произошедшее в The Meet Up. В конце концов, причина, по которой я ушла, была глупой. Я слишком остро отреагировала и вела себя как дура и... черт, я преследовала его в Инстаграме все выходные, ожидая, что он опубликует фотографию с любой другой девушкой, чтобы я могла наброситься на него.

Он этого не сделал.

Он опубликовал две фотографии. На одной были он и Ксандер, полуголые, в темных очках, отдыхающие у бассейна последнего.

Подпись гласила: *«Он ненавидит меня за то, что я его разбудил, но я рад, что mon fréro — мой друг вернулся».*

Это вызвало улыбку на моем лице. Ронан, казалось, всегда ладил с Ксандером больше, чем с Коулом и Эйденем. Что-то подсказывает мне, что Ксандер также более терпим к личности Ронана, чем двое других.

На второй фотографии Ронан корчил рожу за спиной ничего не подозревающего Коула, который читал книгу.

Подпись говорила: *Ботаник.*

И все.

Он не прислал мне ни сообщения, ни позвонил, ничего такого. Ладно, может, то, как я ушла, не было обнадеживающим, но бросьте, это же Ронан. Я ожидала получить сообщение в тот же вечер.

Я продолжала пялиться на свой телефон весь ужин, пока Нокс не высмеял меня.

Потом, он не написал утром. Известно, что Ронан спит, но нет таких вечеринок, из-за которых он потерял бы сон.

Одно привело к другому, и следующее, что я помню, я у него дома.

Очень тактично, Тил.

Ну, раз уж я уже здесь, я могу с тем же успехом пойти с этим.

Я толкаю дверь его спальни, и звук голосов, доносящихся изнутри, останавливает меня на полпути.

— Эдрик недоволен, — говорит пожилой голос с шикарным акцентом.

Он не так шикарен, как у графа поместья, но близко.

Он стоит у окна. Ронан сидит с огромной ухмылкой, приклеенной к лицу.

— Боюсь, удовольствие моего отца не мое дело. — Ронан издает долгий насмешливый вздох.

— Ты всегда вёл себя так, что это не устраивало твоих родителей, — говорит мужчина.

Его голос знаком, я полагаю, потому что он брат Эдрика — тот, кто вернулся из Австралии, чтобы помочь с компанией.

Со своего места я вижу только спину Эдуарда Астора. На нем отвратительный темно-красный костюм и коричневые кожаные ботинки.

— Я знаю, хорошо? — ухмылка Ронана становится шире.

Я почти чувствую силу, стоящую за этим, и то, как он пытается удержать свои мышцы на месте.

— Некоторые могут даже заподозрить, что ты похож на меня, — голос Эдуарда становится зловещим, ровным. — Разве в этом не было бы иронии судьбы?

— Пошёл. Ты. — Ронан встает так, чтобы быть лицом к лицу со своим дядей, но улыбка не покидает его лица.

— Следи за языком. — я слышу ухмылку в голосе Эдуарда. — Ты наследник графа.

— А ты брат графа. Веди себя как один из них и прекрати валять дурака, или клянусь...

— Что? — настаивает Эдуард. — Закончи то, что начал, племянник. Твоя благородная кровь говорит об этом, верно? Насколько всем известно, конечно.

Ронан продолжает смотреть на него так, словно хочет проткнуть ему грудь и вырвать со спины. Ненависть настолько осязаема, что я почти чувствую, как она ползет по моим рукам и обхватывает мясистыми пальцами горло.

В этот момент мне хочется схватить Эдуарда и разбить его голову о стену — или, еще лучше, выбросить в окно и смотреть, как его тело разлетается на куски.

Ронан не ненавидит; он соперничествует и злится, но ненависть всегда чувствовалась ниже его статуса, его фамилии и всей его ауры. Тот факт, что его кулаки сжимаются и он сдерживается, чтобы не ударить своего дядю, кое-что значит.

— Осторожнее, дядя. — Ронан рычит последнее слово, четко произнося его, будто хочет, чтобы Эдуард почувствовал это.

— Говори что хочешь, а я скажу свое, мой дорогой племянник. Вспомни Шарлотту... — Эдуард сжимает плечо Ронана и разглаживает невидимые складки на его рубашке. — Бедная, нежная Шарлотта. Хрупкая, подавленная Шарлотта.

Я наклоняюсь, чтобы лучше рассмотреть Ронана, затем чья-то рука сжимает мою руку. Я вскрикиваю, но звук приглушается рукой в перчатке, закрывающей мне рот.

Ларс.

Он оттаскивает меня от двери Ронана, открывает другую дверь дальше по коридору и вводит меня в комнату. Он осматривается, прежде чем последовать за мной и закрыть дверь.

Ларс главный дворецкий и персонаж прямо из исторической драмы. Хотя Ронану нравится говорить, что он его сообщник в заговорах с убийствами, я не верю в это. Все, что волнует мужчину, это порядок, чистота, дисциплина и чай.

Много чая.

Он знает вкус каждого чая.

Папа был здесь всего несколько раз, но Ларс уже знает, что он предпочитает черный чай всему остальному.

Ох, и он приносит мне темный шоколад всякий раз, когда я навещаю Шарлотту, так что я всегда благодарна за это.

Хотя выражение его лица никогда не выдает его чувств, у меня почему-то сложилось впечатление, что он меня не одобряет. Он как бы заменяет Шарлотту в роли моей свекрови.

— Что ты делаешь? — я складываю руки на груди, сразу переходя в оборонительный режим, словно он только что не поймал меня на подслушивании его хозяина.

— Это я должен спросить, мисс. Что вы там делали?

— Проходила мимо.

Выражение его лица остается нейтральным.

— Мне не показалось, что вы проходили мимо.

— Не ходи вокруг да около, Ларс. Если тебе есть что сказать, скажи.

Он молчит так долго, что я начинаю замечать, как за моей спиной тикают часы. Если он делает это, чтобы вывести меня из себя, то это начинает работать.

— Не говорите мадам о том, что услышали. — он делает паузу. — Однако, если вы склонны рассказать его светлости, я сделаю вид, что ничего не знаю.

— Но почему?

— Что вы подразумеваете под «почему»?

— Почему говорить Эдрику, но не Шарлотте?

— Для вас это его светлость, юная леди.

— Прекрати нести чушь с именами. Что происходит, Ларс?

Он задирает нос, как будто он аристократ в доме.

— Если вы сами этого не поняли, то почему я должен вам говорить?

— Серьезно?

— Да. Возможно, я был прав — быть может, вы не заслуживаете молодого лорда.

— Что? — я усмехаюсь. — Я его не заслуживаю?

— Вы ведь еще не доказали, что заслуживаете, не так ли? — я открываю рот, но мне не верится, так что ничего не выходит. — Так я и думал. — он направляется к двери. — Ваш чай будет готов через пятнадцать минут. На самом деле, через тридцать — и никакого шоколада.

Я щелкаю дверью, когда она закрывается за ним. Чертов сноб.

Хотя он сноб, который, очевидно, знает о том, что происходит между Ронаном и Эдуардом, и он хочет, чтобы я рассказала Эдрику.

Я прислоняюсь к гладкой поверхности. Из того, что я поняла, Эдуард, похоже, держит что-то над головой Ронана, и это имеет отношение к Шарлотте. Он также упомянул кое-что о происхождении Ронана.

Это имеет отношение к Шарлотте.

Я ахаю. Нет. Этого не может быть.

Я вылетаю из комнаты, не зная, куда хочу пойти. Нет, на самом деле, я знаю, и это не в комнату Шарлотты, это точно.

Я хочу убедиться, что с Ронаном все в порядке, убедиться, что он не бушует и не сдерживает все внутри. Даже те, у кого есть проблемы с распознаванием эмоций, знают, когда они поражают.

Наверху лестницы чье-то присутствие останавливает мой план — присутствие, которое я никогда не хотела видеть в этом доме.

Хотела бы я, чтобы в нем жили только Ронан и Шарлотта. Даже снобизм Ларса был бы прекрасен.

Кто угодно, только не он.

Холодный пот выступает у меня на лбу, и требуется все силы, чтобы не ерзать, не бежать, не вырыть яму и не исчезнуть в ней.

Требуется вся сила воли, чтобы стоять на месте, когда он шагает ко мне.

Эдрик крупный мужчина, даже больше, чем его сын, и из-за титула его присутствие, кажется, душит все, что находится поблизости.

Он останавливается передо мной, и легкая улыбка растягивает его тонкие губы.

— Тил, приятно тебя видеть.

Я не могу сказать о том же.

Информация, которую я только что узнала — тот факт, что он, вероятно, не биологический отец Ронана, — должна радовать меня, потому что это падение этого человека. Неделю назад, наверное, так бы и было.

Теперь нет.

Теперь все, о чем я думаю, это боль Ронана.

Как и когда, черт возьми, я начала осознавать его боль, когда я делала все, что в моих силах, чтобы игнорировать свою?

Даже сейчас мои ноги призывают меня подойти к нему, обнять его.

Подождите...

Обнять его?

Какого черта, Тил?

— Мистер Астор.

— Зови меня Эдрик, и не позволяй Ларсу говорить тебе: «для вас его светлость». Он часто так делает.

Я улыбаюсь, потому что думаю, что именно этого и следовало ожидать в ответ на его сухой юмор.

— Послушай, Тил. — его улыбка исчезает, и мне не нравится то, что я вижу на его лице.

Мне это совсем не нравится.

На самом деле, я ненавижу это.

Я ненавижу это.

Хотела бы я, чтобы у меня была возможность ответить на его улыбку.

Такой человек, как Эдрик, не должен показывать и тени боли или печали. Он не может быть человеком, когда он украл человечность у других.

— Я хотел сказать, что благодарен тебе за время, которое ты проводишь с Шарлоттой, и даже за сообщения и статьи, которые ты ей посылаешь. Она с нетерпением ждет их каждый день и показывает мне с широкой улыбкой на лице. Твоя забота очень много значит для меня.

Я не нахожу слов, не понимаю, зачем он мне это говорит. Кроме того, я делаю это не для него.

— Еще раз спасибо, — возвращается его жесткое, суровое выражение лица. — Я приношу извинения, если мой сын сделал что-то неуважительное по отношению к тебе. Он вырастет... в конце концов.

— Он вырос, — говорю я, прежде чем успеваю себя остановить.

— Прошу прощения?

— Ваш сын уже взрослый. На самом деле, он, возможно, уже давно вырос, а вы просто этого не заметили.

Он делает паузу, теребя свой галстук, прежде чем опустить руку.

— Что заставляет тебя так говорить?

Теперь моя очередь сделать паузу. Может, Эдрик знает?

Нет. Он не может. Он такой гордый, такой уверенный в себе, аристократичный и прагматичный.

— Ничего. Я пойду к Ронану.

Я поворачиваюсь и ухожу, прежде чем он сможет задать еще один вопрос. Если я проведу еще одну минуту рядом с ним, то могу потерять

контроль над своим языком. Как говорит Нокс, у меня проблема с тем, чтобы держать свои мысли при себе.

Я стучу в дверь Ронана, но никто не отвечает.

— Я вхожу.

Мои щеки пылают, когда я открываю дверь.

Я ожидаю найти Ронана и Эдуарда и думаю о возможности ударить последнего. Но в комнате никого нет.

— Ронан? — я зову.

Ответа не следует.

Я на цыпочках захожу в ванную, снова зову его по имени, но ничего.

Может, он в шкафу? Я распахиваю двери и удивленно вздыхаю.

О чем я только думала? В шкафу, серьезно?

Я уже собираюсь закрыть его, когда вдыхаю его пряный аромат. Теперь это кое-что делает со мной. Я начинаю замечать это у других людей, когда нахожусь в супермаркете или в школе, и это еще не все. Я даже останавливаюсь и думаю — нет, это не совсем аромат Ронана, не такой сексуальный, грубый или теплый.

В этом проблема с ним. Он может быть грубым, может дать мне то, что я хочу, но он также может быть теплым, например, как он прижимал меня к себе после того кошмара.

Я позволяю своим пальцам пробежаться по его аккуратным рубашкам и футболкам. Они развешаны по цвету, на которых повсюду отпечатки пальцев Ларса. Меня так и подмывает испортить все, просто чтобы подействовать ему на нервы.

Я все еще обдумываю эту идею, когда вижу какое-то розовое кружево, торчащее из ящика. Я вытаскиваю, и моя челюсть чуть не падает на пол.

Это костюм крольчихи. Зачеркните, это один из тех костюмов крольчихи с ушами и нижним бельем, похожим на веревочку.

Эльза и Ким всегда упоминают фантазию Ронана о девушках в костюмах крольчих. Черт, он вспоминает об этом при каждом удобном случае, но я думала, что это просто фантазия.

Я никогда не думала, что он поднял это на новый уровень, сохранив костюм в своем гардеробе.

Из-за двери доносится шум, и я запикиваю вещь обратно, а затем выхожу, прежде чем он сможет найти меня.

— Привет, — говорю я неуверенно, а затем морщусь.

Он в черных джинсах и белой футболке, его мышцы перекачаны на бицепсах. Он улыбается, но напряжение, которое я почувствовала, когда он разговаривал с Эдуардом, все еще накатывает на него волнами.

— Ларс упомянул, что ты была здесь. Он забыл ту часть, где ты рылась в моем гардеробе, как сталкерша на начальном этапе.

— Заткнись. — я притворяюсь обиженной. — Ларс упоминал что-нибудь еще?

— Помимо того факта, что ты можешь сама приготовить свой чай, потому что он сегодня пьет и не обслуживает тебя, нет. — он делает паузу.

— Хорошая футболка.

Я краснею.

Я, блядь, краснею.

И проблема в том, что я также покраснела, когда заказала эту футболку в выходные, и когда выхватила посылку из пальцев Нокса, и когда надела ее сегодня утром.

Я не краснею. Никогда.

Точно так же, как мне не хочется обнимать людей, и все же в последнее время я делаю и то, и другое.

— Дело не в тебе, — пытаюсь я уклониться.

— *Belle* — *Красавица*, на ней написано «Говори Со Мной по-Французски». Если дело не во мне, то не знаю, в чем.

Он подходит ко мне, все еще улыбаясь, но на этот раз это не вынужденная или маскирующая боль.

Мне интересно, как он это делает, как он так много скрывает и может быть так счастлив видеть меня.

— Ты не ответила на мои сообщения, *trésor* — *милая*.

— Это потому, что ты их не присылал.

— Конечно, я присылал. — он достает телефон, затем его брови хмурятся. — Ах, черт. Я отправил их в групповой чат. Эти убудки не позволят мне пережить это.

Я усмехаюсь; не могу не представить себе их ответы на последовательные сообщения Ронана. В глубине души я позволяю себе мгновение облегчения. На самом деле он не игнорировал меня в выходные.

— Над чем ты смеешься? Тебе нравится мое страдание?

— Нет. — я фыркаю от смеха.

— Ладно, меня назвали киской пятью сотнями способов. — он засовывает телефон обратно в карман. — Это все твоя вина, *ma belle* — *моя красавица*. Как ты собираешься заглядить свою вину передо мной?

— Зачем мне это? — я складываю руки на груди, больше не смеясь. — Это я на тебя злюсь, не забыл?

— Я не буду извиняться за это. Коулу нужно было знать, что ты принадлежишь мне, чтобы он держал свои когти при себе. Моих извинений ты не дождёшься.

— Дело не в этом. — мой голос такой тихий, жалкий.

Его брови хмурятся.

— Тогда какого черта ты бросила меня?

— Ничего такого.

— Тил, — предупреждает он, крепко сжимая мою руку. — Не заставляй меня применять силу.

— А разве ты уже это не делаешь?

— Это всего лишь предварительный просмотр. Моя настоящая сила включает в себя то, что я не даю тебе оргазм. — я прищуриваюсь, глядя на него. — Расскажи. Мне, — настаивает он. — Или Ларс больше не даст тебе темного шоколада. Ты же знаешь, я тот, кто их покупает.

— Ты...?

— Конечно. Откуда Ларсу знать, гений? — он приближается. — А теперь скажи мне, почему ты ушла.

— Это глупо, хорошо?

— Позволь мне самому сделать вывод.

— Я... — я замолкаю, уставившись в невидимую точку рядом со мной. — Я не хотела заниматься сексом в такой позе. Я хотела смотреть на тебя, а ты не слушал.

Тишина заявляет о себе в комнате, и я бросаю на него быстрый взгляд. Ронан смотрит с таким пристальным вниманием, что я почти съеживаюсь.

— Ронан...?

— Ты хотела смотреть на меня, — повторяет он, словно не веря словам. Это не вопрос, но я все равно киваю.

Он притягивает меня к себе за руку, которую держит, и заключает в крепкие объятия. То же самое объятие, которое я хотела дать ему после того, как послушала его разговор с его ублюдком дядей.

— Ты сводишь меня с ума, Тил, — шепчет он мне в голову, его горячее дыхание щекочет мои волосы.

— Не так сильно, как ты меня.

В моем голосе так много уязвимости, так много капитуляции, и по какой-то причине я не ненавижу это.

— Я рад, что ты здесь, моя сумасшедшая, но прекрасная *belle* — *красавица*.

Впервые в своей жизни я обнимаю кого-то. Я чувствую его сердцебиение у своей груди, его дыхание в моих волосах и его руки, сжимающие меня слишком крепко.

Я делаю то же самое.

Мои ногти впиваются в его рубашку и погружаются туда, впитывая тепло.

Принадлежность.

Забота.

Я никогда раньше не позволяла себе пристрастий, потому что пристрастия портят тебя и путают логику и голову.

Но, обнимая Ронана, я знаю, что у меня нет выбора в этой зависимости. Это тот тип, которому ты просто сдаешься. Ты падаешь в него и позволяешь себе плыть.

Поэтому так я и делаю, признавшись тихим голосом:

— Я тоже рада, что ты здесь, Ронан.

Глава 25

Тил

Всю следующую неделю Ронан не отходит от меня ни на шаг.

Он утром, чтобы забрать меня. Он рядом, чтобы отвезти меня домой, и иногда он выгоняет всех с The Meet Up, чтобы мы могли провести ночь вместе.

Эти вечера и ночи мои любимые. Он не только воплощает каждую из моих фантазий в реальность, он делает шаг дальше. Он гоняется за мной по коттеджу и озеру, заставляя меня чувствовать, что я могу убежать от него, просто чтобы наброситься на меня, а затем трахнуть во всех возможных позах.

Я никогда не думала, что буду жаждать секса с кем-то так сильно, как с Ронаном. Речь идет не только о соединении наших тел, но и о том, что к этому приводит. Все дело в эмоциях, которые он проявляет, когда владеет моим телом.

Возможно, я не очень хорошо их понимаю — эмоции, я имею в виду, — но я вижу смысл в блеске его карих глаз. Я чувствую это по тому, как он прикасается ко мне и обнимает, будто хочет защитить меня от всего мира.

В последнее время у него происходила какая-то битва со всем миром. Он сделал своей работой объявить, что я его невеста всей школе, и он каждый день замышлял испортить книги Коула после инцидента в саду. Странно видеть, как Ронан ведет себя так территориально после того, как он сделал все, чтобы избавиться от меня.

Делая это, он медленно, но верно занимал уютное место в моем сердце. В какой-то момент своей жизни я искренне поверила, что у меня нет сердца, а если и есть, то оно выполняет только анатомическую функцию.

Но теперь, когда Ронан рядом, этот орган то включается, то выключается. Все, что он делает, так или иначе трогает меня. Это может

быть так же мало, как искренне улыбаться каждый раз, когда он видит меня, или как он продолжает подмигивать мне, когда мы проводим время с Шарлоттой. Или, может, это то, как он каждый день приносит мне плитку темного шоколада, будто это стало его ритуалом.

Мы проводим целые ночи, переписываясь. Когда я не отвечаю в течение тридцати секунд, он посылает мне длинное драматическое сообщение, в котором в основном говорится, чтобы я ответила ему.

Ронан все еще остается Ронаном с его глупым отношением и склонностью превращать любую серьезную ситуацию в шутку, но теперь я понимаю, что это часть его защитного механизма. Однако для него это естественно, и он наслаждается тем, что находится в центре внимания.

В отличие от меня.

Эльза говорит, что, хотя мы с Ронаном разные, у нас есть химия. Понятия не имею, что это значит, но, вероятно, это что-то вроде того, как он не может держать свои руки подальше от меня. По правде говоря, я тоже не могу держаться от него подальше.

Теперь я та наркоманка, и если я не увижу его в течение дня, произойдет что-то совершенно неправильное.

Нокс говорит, что Ронан меняет меня к лучшему, но мой брат не знает о внутренней борьбе, которую я веду из-за этого изменения.

С одной стороны, когда я с Ронаном, я забываю обо всем остальном, но с другой стороны, другие мысли вторгаются без приглашения всякий раз, когда я одна.

Но сейчас я не одна.

Ронан обнимает меня за талию, ведя по многолюдным улицам Лондона. Я не люблю толпу — там много людей и препятствий, — но с ним они как бы исчезают.

Все, что остаётся, это его тепло рядом с моим. Его запах. Его близость. Только он.

Толпа и люди исчезают, когда он рядом.

— Эй, Ронан?

Он улыбается мне сверху вниз, показывая свою прямую, ослепительную улыбку.

— В чем дело, *belle* — *красавица*?

Я стараюсь не попадать в его орбиту, хотя большую часть времени это кажется эпическим провалом.

— Почему ты никогда не просил меня заняться сексом втроем?

Он приподнимает идеальную бровь.

— Ты хочешь секс втроем?

— Нет.

— Тогда почему спрашиваешь об этом?

— Ты всегда бегал с этой идеей за Эльзой и Ким.

И я могу ощущать себя обделённой, потому что меня никогда не включали в это. Что? Он действительно все время говорил об этом раньше.

— Ревнуешь?

— Хм. Возможно, у меня тоже состоится секс втроем с двумя мужчинами. Возможно, с Коулом и Агнусом, мы никогда не узнаем.

— Тил... — предупреждает он.

— Что? Ты не единственный, кому приходит в голову заняться сексом втроем с другими людьми.

И да, причинять ему боль в ответ это мой защитный механизм против того, что сейчас горит у меня в груди.

— Секс втроем с Ким и Эльзой был моим способом подзадорить Эйдена и Ксандера. На этом все. Кроме того, меня больше не интересуют секс втроем.

— Не интересуется?

— Нет. Ты единственная, кого я хочу, и у меня нет желания делиться.
— он прищуривает глаза. — Это и к тебе относится, мммлады?

Я молчу, но только потому, что подавляю улыбку.

Ронан тычет меня в щеку.

— Мммлады?

— Хорошо.

Не то чтобы у меня когда-либо был интерес с самого начала.

— Вот так, намного лучше. Мысль о тебе с любым другим мужчиной вызывает у меня желание спланировать массовое убийство с помощью маленькой черной книжечки Ларса.

На этот раз я не могу удержаться от улыбки, которая приклеивается к моей коже. Мне нравится мысль о том, что Ронан, который никогда ни над кем не вел себя как собственник, ведет себя так со мной. Наверное, мне не следовало бы, но мне это нравится.

— Тебе это нравится, не так ли, *belle* — *красавица*?

— Нет.

— Да.

— Ты закончил выставлять меня напоказ? — я отклоняюсь.

Хотя я наслаждаюсь его обществом, я хочу делать это в одиночку, без вмешательства других людей.

Он шевелит бровями.

— Я никогда не перестану выставлять тебя напоказ, *belle* — *красавица*.

— Я обещала Шарлотте, что проведу с ней время.

— Я был первым. Кроме того, Ларс будет с ней, пока мы не вернемся.

По какой-то причине мне кажется, что Ронан не хочет оставаться в своем доме очень долго. Я знаю, что это не из-за Шарлотты или даже Эдрика. Он может вести себя отчужденно рядом со своим отцом, но я видела, как он смотрит на него — как сын, равняющийся на своего отца. Такое же выражение бывает у Нокса, когда папа рядом.

Невидимая связь между Ронаном и Эдриком всегда заставляла меня чувствовать себя неуютно в собственной шкуре.

Я ненавижу это.

Хотела бы я уничтожить это.

— Ларс не самый большой мой поклонник, — говорю я вместо этого.

— Он не самый большой поклонник. — он указывает на свою грудь. —

Кроме меня.

— Очень высокомерно?

— Один из нас должен быть таким. Представь, что мы на одной из вечеринок для взрослых, а ты молчишь или думаешь о побеге. Я должен быть тем, кто поддерживает атмосферу.

— Разве люди не подумали бы, что ты пришёл со скучной невестой?

— К черту людей. Не они спят с тобой каждую ночь.

Мои щеки горят, но мне удастся сказать:

— Ты не спишь со мной каждую ночь.

— Я могу это изменить.

— Ронан. — я оглядываю наше окружение на случай, если кто-нибудь услышит.

— Что? Мы помолвлены. Это значит, что в конце концов я женюсь на тебе, и ты будешь спать со мной каждую ночь, без исключений.

Что-то в моей груди падает. Реальность ситуации, которую я игнорировала, обрушивается на меня одним махом.

Никакого брака не будет.

Это не причина для нашей помолвки.

Кто-то ударяет меня по руке, и я вздрагиваю. Электрический ток пробегает по конечностям. Мое дыхание укорачивается, а ноги становятся неспособными нести меня.

Атака происходит так быстро, без всякого предупреждения. Это могло произойти потому, что я потерялась в своей голове или потому, что я слишком спокойна со своим окружением.

Мне не следовало этого делать.

Мое окружение всегда было врагом. Я была поймана в ловушку этого неизвестного, и ничего не могла с этим поделать, и..

Теплые руки обхватывают мои щеки, отрывая от этих воспоминаний.

— Эй...

Голос Ронана смягчается, когда он заставляет меня повернуться к нему лицом.

Мой взгляд медленно скользит вверх по его груди и к его глубоким карим глазам. В них что-то успокаивающее, как в колыбельной, которой у меня никогда не было.

— Ты в порядке, — продолжает он. — С тобой все в порядке.

— Откуда ты знаешь? — бормочу я. — Как ты можешь быть в этом так уверен?

— Я уверен только в одном, и это ты, Тил. Я не сомневаюсь, что ты пройдешь через это. Знаешь, почему?

Что-то щиплет мне глаза, и я отказываюсь верить, что это слезы.

— Почему?

— Потому что ты самый сильный человек, которого я знаю.

Я не позволяю себе думать о своем следующем действии.

Я приподнимаюсь на цыпочки и прижимаюсь губами к его губам. Я целую его так же глубоко, как он прикасается ко мне.

К черту людей.

Он единственный, кого видно в толпе.

Даже если все между нами началось по неправильным причинам.

Глава 26

Ронан

— Ты собираешься ответить или мне появиться и испортить твой покой? — скучающий голос Коула зачитывает текст, который я должен был отправить Тил две недели назад, но в итоге отправил в групповой чат друзей-ублюдков.

— Никогда не думал, что скажу это, — Эйден сжимает мое плечо, — Но я горжусь тобой.

— Ответь... пожалуйста? — Коул читает дальше.

Он сидит на диване, опираясь на руку и сжимая телефон.

Эйден с отвращением отпускает меня.

— Я не поддерживаю это, так что нет, не я горжусь тобой.

— Пошел ты. — я указываю на Коула. — И ты. — затем указываю за спину на Ксана, который просматривает свои сообщения. — И ты тоже.

— Что? — протестует тот. — Я ничего не говорил.

— Ты как раз собирался сказать, так что пошёл к черту заранее.

Я бросаюсь всем своим весом рядом с Коулом. У нас небольшое собрание в The Meet Up после игры. Другие игроки либо пьют, либо пытаются убедить девушек трахнуться с ними.

Громкая музыка отдается от стен. Было бы лучше в моем доме — просто говорю.

Но ладно. Мало того, что могущественный граф Эдрик сорвал бы, мама была бы разочарована, а я бы никогда этого не допустил.

Вечеринки в The Meet Up могут быть веселыми, за исключением того, что вы не находите мест, где можно потрахаться и все такое. Не то чтобы меня это интересовало — а может, и интересуется; зависит от того, появится Тил или нет.

Я наблюдал за входом, как ненормальный, в течение последнего часа или около того. Она была на игре с Эльзой и Ким ранее. Ким совсем забыла обо мне, когда Ксандер вернулся. Раньше она кричала мое имя, но теперь ее волнует только его отвратительный номер — девятнадцать.

Тил больше интересовалась телефоном, чем мной — знаю, потому что каждый раз, когда я поднимал голову, она была поглощена этой чертовой штукой. В следующий раз мы с этим телефоном поговорим.

Не могу поверить, что ревную к телефону.

Подождите. Ревную? Нет. Я не занимаюсь ревностью. Это чувство ниже моего достоинства и никогда не вошло бы в мой лексикон — особенно для Тил.

Мой телефон вибрирует, и я вытаскиваю его быстрее, чем наркоман, нуждающийся в следующей таблетке. Имя отправителя на экране заставляет меня крепче сжать телефон.

Это определенно не то сообщение, которого я ждал.

Эдуард: Эдрик говорит, что скоро состоится семейное собрание, он хочет что-то объявить. Ты знаешь, что это?

Я не имею понятия, и даже если бы знал, этот ублюдок ничего бы от меня не получил.

Дорогой отец в последнее время ведет себя немного странно. Я думал, что время, которое он проводит с мамой, связано с тем, что у него диплом помешанного на контроле восемнадцатого века, но Ларс в последнее время говорит раздражающее дерьмо.

— Будьте внимательны.

— Юный лорд, вы ослеплены этой девушкой и теряете концентрацию.

— Я упоминал, что вы должны быть внимательны?

Когда я сказал ему быть более конкретным или отвалить, он выбрал последнее, пыхтя, как девица в беде.

Чертов Ларс. Я собираюсь загнать его в угол на днях или украсть его маленькую черную книжечку и взглянуть.

На что он хочет, чтобы я обратил внимание? Его светлость помешан на контроле или мама называет его своей любовью, когда на самом деле он ее мучитель?

И Ларс ошибается — я не ослеплен Тил. Я смотрю на свой телефон после того, как сообщение Эдуарда исчезает. Какого черта она мне не пишет?

— Грин уже в пути. — Ксан ухмыляется, как идиот.

— Эльза тоже. — Эйден делает глоток содовой.

Он никогда не пьет, как обычно. Он и Коул говорят, что это уменьшает их логику, а они из тех ублюдков, которые нуждаются во все нейронах, чтобы замышлять хаос.

— Тил? — спрашивает Коул.

— Понятия не имею. Я не навязчивый тип. — я ухмыляюсь. — Но я знаю, что Сильвер где-то наверху.

Это не так. Я не видел ее сегодня, но подначивать его мое любимое занятие. Люди платят деньги за этот вид развлечений.

Взгляд Коула скользит от его книги ко мне, а затем обратно, будто меня не существует, но, если мне удалось отвлечь его внимание от книги, значит, дерьмо работает.

— Не навязчивый тип? Позволю себе не согласиться.

Ксандер прокручивает свой телефон, а затем показывает одно из сообщений, которые они не должны были увидеть за миллион лет.

Ронан: *Помнишь, я сказал, что ты всегда должна отвечать на мои сообщения? Ну, может, я не сказал именно этих слов, но они уже сказаны, сейчас, так что ты можешь ответить. Позвони мне. Я хочу услышать твой голос.*

Я выпускаю долгий вздох.

— Хорошо, что я должен сделать, чтобы вы стерли эти сообщения с ваших телефонов?

— Меня нельзя купить, Астор. — Эйден делает еще один глоток содовой.

— Ты имеешь в виду после трюка с сожжением моей книги? — Коул выглядит задумчивым. — Как насчет... никогда?

Мстительный ублюдок.

— Ты шутишь? — Ксан смеется. — Я уже превращаю их в гравюры в рамках и сохраняю для дальнейшего использования.

Мой лучший вариант на данный момент украсть их телефоны и спустить в унитаз. Это если они не держат дерьмо в облаке. Кто бы это ни придумал — я ненавижу тебя.

Входят Эльза и Ким, обе в джинсах и футболках. Я перестаю дышать, задерживая дыхание на долгие секунды, прежде чем отпустить.

Я чувствую ее еще до того, как вижу. Она посередине, одета в длинное черное платье, похожее на футболку, которое заканчивается у нее под коленями. Сегодня написано: *«Если карма не поразит тебя, я, блядь, это сделаю»*.

Она чертовски сумасшедшая, и ее сумасшествие становится моей причудой. Мне не следовало бы беспокоиться о заскоке — или думать об этом, — но Тил все обращает против меня.

В хорошем смысле этого слова.

В лучшем виде, какой только можно себе представить.

Ее волосы, как обычно, распущены, отчего ее лицо, кажется, меньше, а фигура миниатюрнее. Ее белые кроссовки заканчиваются у лодыжек.

Ее черные глаза не скрыты темным макияжем, за которым она обычно прячется. Сегодня она немного скромна, кажется более уступчивой, и по какой-то причине это вызывает у меня опасения.

Все бедствия начинаются с перемен. Как в ту ночь.

Я качаю головой, отгоняя эту мысль.

Ее взгляд блуждает по комнате, и ей требуется ровно три секунды, чтобы найти меня. В тот момент, когда ее глаза встречаются с моими, кажется, что весь мир отходит на задний план. Нет ни звуков, ни цветов, ни запахов.

Есть только она, девушка со странными предпочтениями и долбаным поведением.

Но она также девушка, которая глубоко заботится, но не знает, как это показать. Девушка, которая постоянно проверяет маму и спрашивает меня о ее любимых вещах, потому что хочет, чтобы она была счастлива.

Девушка, которая превращается в послушную покорную в постели, но вне ее тигрица.

Я собираюсь подойти к ней. Не знаю, что я буду делать, возможно, похищу ее туда, где нас никто не сможет найти или помешать.

Прежде чем я успеваю пошевелиться, какой-то неудачник из команды по регби перехватывает ее. Эльза и Ким уже рядом с Эйденем и Ксаном, целуются, как в малобюджетном порно.

Но я не сосредоточен на них.

Все мое внимание сосредоточено на ублюдке, который только что прервал мой зрительный контакт с Тил.

Он выше ее, так что я не могу ясно разглядеть выражение ее лица.

Черный ореол кружится вокруг головы, отказываясь испаряться.

Я шагаю в их сторону и встаю прямо между ними. Он — Дэвид, кажется так его зовут — отступает назад, как будто испуганный.

Я ухмыляюсь.

— Могу я тебе помочь, Дэвид?

— Нет, я просто спрашивал Тил о задании.

— Это не похоже на урок, разве нет?

Тил пытается толкнуть меня локтем в бок, но я держусь подальше от нее, а затем беру ее за руку.

Дэвид выглядит взволнованным, но стоит на своем. Жалкий ублюдок. Зачем мы вообще приглашаем парней из регби на наши вечеринки?

— Я просто..

— Уходишь, — обрываю я его.

— Нет. Это не...

— На случай, если ты не заметил, Тил занята. — я улыбаюсь. — На самом деле, она чья-то невеста — *моя*. Так что держись от нее подальше.

Вместо того чтобы заткнуться и отвалить, он продолжает говорить.

— Думаю, это ей решать.

Я притягиваю Тил к себе, кладу руку ей на щеку и прижимаюсь губами к ее губам в одном безжалостном поцелуе, который заставляет ее ахнуть. Я использую шанс и завладеваю ее языком, пробуя на вкус, как никогда раньше. Я чувствую внимание, которое все на вечеринке уделяют нам, и позволяю им наблюдать за шоу; я даю им знать, кому она принадлежит.

Ревную? Я? Нет, вовсе нет.

Я не жду, пока Дэвид или кто-то еще войдет в наш пузырь. В тот момент, когда мои губы отрываются от ее, я тащу ее за собой и увожу. Музыка и голоса затихают все больше и больше по мере того, как мы удаляемся. Мы останавливаемся на парковке, когда она вырывает свою руку из моей.

— Я не могу за тобой угнаться, — задыхается она.

— Мы должны что-то сделать с твоими короткими ногами. — я смотрю ей в лицо.

Она складывает руки на своей пышной груди.

— Может, нам следует что-то сделать со сценами пещерных людей. Ты брал указания у Эйдена или что-то в этом роде?

Я усмехаюсь.

— Ну же, *belle* — *красавица*. Я из тех, кто дает указания, а не наоборот.

— Да, верно.

Она заправляет волосы за ухо, и даже в тусклом свете, идущем из коттеджа, я могу разглядеть, как покраснели ее щеки.

— Тебе это нравится, — ухмыляюсь я. Я подхожу к ней, и она смотрит на меня широко раскрытыми глазами, застыв в этот момент. — Тебе нравится, как я становлюсь пещерным человеком для тебя, как публично я заявил о своих правах на тебя и пометил тебя как свою.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— И все же ты не смотришь мне в глаза.

— Я смотрю. — ее взгляд скользит по-моему, а затем через долю секунды смещается.

Я хватаю ее за подбородок и провожу пальцем по ее распухшей нижней губе.

— Признай это.

— Ты ублюдок.

— Мы уже установили это.

Она разводит руки в стороны.

— Что теперь?

— Теперь мы уходим отсюда.

— Но... куда?

— Небо это наш предел, *belle* — *красавица*. Я начну с того, что трахну тебя, а потом закончу ночь тем, что снова трахну тебя. Промежуточное, вероятно, включает и это, но я открыт для предложений.

Она слегка улыбается.

— У тебя все еще есть выносливость после сегодняшней игры? Ты бегал девяносто минут подряд, и то, как ты вернулся в оборону, когда один из твоих защитников не выполнил свою работу? Твой тренер и его помощник должны были заменить его, но нет, они увидели, что ты играешь на их позиции вместе со своей, поэтому они сказали: «Хорошо, мы можем оставить его». Бег туда-сюда, должно быть, утомил тебя, и давай не будем говорить о тех передачах, которые ты делал ради благосклонности Ксандера. Я понимаю, он вернулся после долгого отсутствия, но почему он и Эйден находятся в центре, в то время как твои усилия списаны на голевые передачи? Это несправедливо, и то, как Коул думает, что он лучший полузащитник, чем ты... — она замолкает, когда моя ухмылка становится шире с каждым ее словом. — Я говорила бессвязно, не так ли?

— Нет, продолжай. Мы подошли к той части, где Коул думает, что он лучше меня, что, очевидно, является богохульством.

— Заткнись.

Если это возможно, ее щеки еще больше краснеют. Моя Тил обычно не краснеет, но, когда она краснеет, кажется, что мир становится красным. Она настоящая, даже когда смущена.

— Я думал, ты не смотришь на меня, — говорю я. — Ты все время была отвлечена телефоном, будто у тебя роман — не то, чтобы я кому-то что-то говорил, потому что мои друзья-ублюдки подумали бы, что я навязчивый. Я упоминал, что они называют меня киской из-за тебя?

— Да, ты вроде как упоминал.

— Ты загладишь свою вину передо мной. — я переплетаю свои пальцы с ее и тащу к своей машине.

Со всей этой вечеринкой здесь слишком много машин. На то, чтобы найти свою, уходят драгоценные минуты.

— Подожди. — Тил тянет меня за руку.

— Не надо ждать. Рон Астор Второй нуждается в своей дозе.

Она смеется, и этот звук такой редкий и легкий, как перышко, что я не могу удержаться, чтобы не остановиться и не посмотреть на нее.

— Что?

Я подавляю собственную улыбку. Видеть, как сияет ее лицо, заразительно.

— Только не говори мне, что это имя твоего члена?

— Возможно. А что? У тебя с этим какие-то проблемы? Я открыт для предложений, но он отзывается только на это имя. В свою защиту скажу, что я дал ему имя, когда мне было тринадцать и я закончил курс семейной истории.

Она раздражается смехом, прикрывая рот тыльной стороной ладони.

— В чем дело, *belle* — *красавица*? — я притворяюсь обиженным. — Говори сейчас или замолчи навечно.

Справа от нас раздается глухой удар, и мы оба замираем.

— Из-за этого я попросила тебя подождать, — шепчет Тил, ее смех исчезает. — Из этой машины доносится странный звук.

— *Belle* — *Красавица*, это шикарный Лондон. Среди нас нет серийных убийц... — я замолкаю, когда звук раздается снова, и на этот раз я узнаю, из какой машины он исходит.

Черный джип.

Коула.

Ох, блядь, блядь. Что он сделал на этот раз?

— Мы должны взглянуть, — говорит Тил.

— Это, вероятно, не очень хорошая идея.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что это не очень хорошая идея? — щеки Тил краснеют, и на этот раз это совсем не смущение.

Это гнев — нет, ярость в чистом виде.

— Это значит, что мы не должны вмешиваться.

Дерьмо Коула это дерьмо Коула. Кроме того, у меня может быть представление о том, что происходит в этой машине, и это больше связано с деятельностью извращенцев, чем с социопатией.

Но он должен был привезти это сюда, серьезно?

Это новый уровень даже для него.

— Не должны вмешиваться? — голос Тил повышается. — Возможно, кто-то нуждается в помощи. Кто-то может кричать во всю силу своих легких, но никто не слышит. Им нужен голос, но они ничего не получают. Из-за таких людей, как вы, они ничего не получают, из-за людей, которые говорят, что им не следует вмешиваться, чтобы помочь кому-то в беде или...

— Эй. — я обхватываю ее лицо обеими ладонями, пытаюсь успокоить.

Она пропускает слова и, похоже, находится на грани срыва. Это один из редких случаев, когда Тил показывает, что у нее внутри, показывает, что она скрывает под отчужденной личностью и внешностью «к черту весь мир».

— Все хорошо, — шепчу я ей в лоб. — С тобой все в порядке. Я здесь ради тебя.

Рыдания застревают у нее в горле, как тогда, когда она приходила в себя после того кошмара. Ее ногти впиваются в куртку Элиты, когда она делает размеренные вдохи, пытаюсь успокоиться и контролировать состояние.

— Мы можем взглянуть? — бормочет она мне в грудь.

— Конечно.

К черту Коула. Я бы все сделал ради этой мольбы в ее голосе, особенно учитывая то, как она держится за меня.

Я уже собираюсь направиться к машине, когда Коул выходит с коттеджа. Он наблюдает за нами секунду, вероятно, удивляясь, почему мы рядом с его машиной.

Я смотрю на него поверх головы Тил.

— Оттуда доносится звук, капитан.

Он должен распознать обвинение в моем тоне.

— Это собака моей матери. — он улыбается нам, выглядя как чопорный и порядочный джентльмен. — Я должен вернуть его ей.

Собака его матери? Да ладно, он мог бы придумать более убедительное оправдание.

Тем не менее, я соглашаюсь с этим и ухмыляюсь Тил.

— Видишь? Я же сказал тебе, что это ерунда.

— Не запирай собак, — говорит она Коулу. — Им это не нравится.

— Этому нравится. — его губы растягиваются в садистской ухмылке.

Ухмылка незаметная, что я бы не заметил, если бы не метал метафорические кинжалы ему в лицо.

Я достаю ключи и бросаю их в руку Тил.

— Подожди меня в машине, *belle* — *красавица*. Мне нужно поговорить с капитаном.

Она исчезает за деревом в направлении машины. Снова раздается глухой удар, но Коул делает вид, что этого не произошло, проводя пальцами по своей книге.

— Тебе нужно поговорить со мной? — он спрашивает, будто это обычное явление.

— Пёс твоей матери закатывает истерику.

— Он может... подождать.

— Забавно, не помню, чтобы у твоей мамы была собака.

— Это что-то новенькое. Мой питомец.

— Черт возьми, капитан. Ты болен.

— Мы идем по этой дороге, Ронан? Потому что у меня есть несколько свидетелей, которые могли бы сказать то же самое о тебе.

Я игнорирую его, а затем поворачиваюсь, чтобы уйти. Они не дети, и это не мое гребаное дело.

— Эйден знает? — спрашиваю я через плечо.

Коул все еще стоит там, где я его оставил, внимательно наблюдая за мной.

Как хороший ребенок с наклонностями серийного убийцы, он никогда ничего не делает, когда рядом другие.

Никогда.

Именно его методы позволяют ему безнаказанно совершать убийства — фигурально выражаясь. Если это в буквальном смысле дерьмо, я не хочу в нем участвовать.

— А зачем ему знать? — огрызается он в ответ.

— Не знаю, капитан, быть может, потому что твои решения не влияют на решения взрослых. Если Джонатан Кинг и твой дорогой отчим решат, что все пойдет иначе, так и будет. — он остается спокойным, но его книга немного наклоняется, что означает, что он крепко сжимает ее. — Не убивай никого. — я ухмыляюсь. — Я серьезно. Не хочу, чтобы меня допрашивали

как лучшего друга убийцы. Они спросят, видел ли я знаки, и тогда мне придется сказать, что я сжег твою книгу. Ты видишь закономерность?

— Нет.

— Я тоже. — я машу рукой, не оборачиваясь. — Не убивай. Прибереги это дерьмо для своих тридцати.

После того, как я исчезаю, любая мысль о нем исчезает.

Время для моей Тил.

Я имел в виду это раньше — Рон Астор Второй получит много внимания. Ладно, хорошо. Может, мне не следовало называть его при ней, но я как бы теряю контроль над своим языком, когда я с ней — по-разному.

Мой телефон вибрирует. Эдуард. Опять.

Эдуард: Если ты что-то знаешь и не говоришь мне, я могу подумать, что ты не уважаешь нашу сделку, дорогой маленький племянник. Это очень прискорбно.

К черту его и его фальшивое шикарное поведение, и все его существование, в общем.

Был момент во времени, когда его существование было причиной, по которой я продолжал свое. Мама читала мне книги о ведьме, которая околдовала принца и заставила его потерять память, и с этим он совсем забыл о принцессе, которую любил.

Я сказал ей, что хотел бы найти ведьму. Она нахмурилась, и я понял, что сказал что-то не то. Это проклятие; я не должен был желать стирать свои воспоминания, поэтому я сказал ей, что это потому, что я хотел найти ее снова и снова.

Мама была моей принцессой. Она была причиной, по которой я хотел это проклятие, потому что думал, что, если я забуду, у меня не будет тех кошмаров, которые заставляли ее не спать всю ночь рядом со мной.

Я выключаю телефон и забираюсь на водительское сиденье, пытаюсь выровнять дыхание.

— Сюрприз.

Неуверенный голос Тил привлекает мое внимание к ней.

Она сидит на пассажирском сиденье, сняв платье-футболку. Теперь она одета в костюм крольчихи, который я храню в своем гардеробе, потому что я давно планировал, чтобы Кимберли надела его.

Цельный наряд облегает ее тело, привлекая внимание к ее декольте, которое давит на материал. Ее бедра обнажены, тонкая полоска ткани облегает ее киску.

Я всегда говорил другим, что у меня есть эта фантазия, и я действительно увидел ее в порно — не судите, — но теперь, когда она реальна, и Тил воплотила это, что-то в моей груди, блядь, щелкает.

Это не очень хороший снимок.

Мое настроение портится, а сердце бьется так громко, что это единственное, что я слышу в своих ушах.

— Ох, подожди. Я забыла. — она лезет в сумку, достает ушки и надевает их на голову. — Теперь все готово.

Теперь все готово.

Теперь, черт возьми, все готово.

Ее лицо мелькает взад и вперед, будто это призрак. Ужас, который я испытывал всего один раз в жизни, снова и снова прокручивается в моей голове, как искаженный фильм.

Маниакальный смех, пьяные люди, темнота, такая чертова темнота и одиночество.

Такое сильное одиночество.

Мама.

Папа.

Помогите мне.

— Р-Ронан?

— Сними это.

— Ч-что?

Я хватаю ее за руку и срываю с нее костюм.

Ее визг и мои стоны заполняют пространство, но все, что я слышу, это тихие всхлипывания маленького ребенка.

Помогите.

Помогите мне.

Глава 27

Тил

Костюм разлетается в клочья вокруг моего тела, и на секунду дольше, чем нужно, я так ошеломлена, что не могу среагировать.

Я не могу среагировать, когда ушки ломаются надвое.

Я не могу среагировать, когда ткань рвется, обнажая мою грудь и живот и собираясь вокруг талии.

Единственное, на что я могу смотреть, это на лицо Ронана, на то, как оно мрачнеет и почти выходит из-под контроля.

Это слишком похоже на мои фазы.

Это похоже на один из тех моментов, когда все кажется слишком — мир, люди, даже воздух.

Это слишком сильно, слишком мощно, и ты не сможешь избежать этого, как бы сильно ни старался.

Я бегу, но это следует за мной.

Я сплю, но это нависает надо мной, как постоянный груз.

Люди говорят, что это просто фаза, и что в конце концов она пройдет.

Нет.

Вы вдыхаете его в воздух, пьете с водой и пробуете на вкус с пищей.

Это не только становится частью вас — это вы сами. Если бы вам каким-то образом удалось его удалить, вы бы себя больше не узнали.

Это не чертова фаза. Это состояние бытия.

И иногда это выходит наружу. Иногда вы не можете контролировать это даже с помощью тщательно разработанных механизмов преодоления.

Я никогда никому не позволяю видеть себя, когда это вот-вот выйдет наружу. Я убегаю и прячусь.

Я очищаюсь.

В тот момент, когда я чувствую, что это приближается, я просто ухожу.

Единственные люди, которые видели меня в самом низу, это Нокс и Ронан.

И теперь я тоже вижу его на самом низком уровне.

Тот факт, что я могу быть причиной этого, создает черную дыру в груди.

Что я наделала?

Единственная причина, по которой я это сделала, заключалась в том, что он всегда говорил, что это его фантазия. Он умолял Ким надеть этот костюм, и я втайне зеленела от зависти всякий раз, когда он просил об этом ее, а не меня.

Сегодня я хотела получить его в подарок после его победы. Я никогда не хотела, чтобы это превратилось в такое.

Его пальцы останавливаются у меня по бокам. Обе его руки сжимают меня, пальцы впиваются в мою плоть, когда он опускает голову, тяжело дыша.

Черт возьми.

Все дело в чувстве вины. Оно догоняет его.

Я знаю, потому что даже сейчас я это чувствую. Даже сейчас я чувствую, как эти руки впиваются в мою кожу.

— Р-Ронан...

Мой голос дрожит, и я ненавижу себя за это.

Я ненавижу то, что не могу быть для него твердой скалой, как он был для меня в ту ночь в коттедже и каждую ночь, которую он проводил со мной, притворяясь, что не видел моих кошмаров.

Он просто обнимал меня и шептал успокаивающие слова в макушку, пока я не засыпала.

Почему я так сломлена, что не могу этого сделать? Почему это звучит так, будто я та, кто просит о помощи, а не предлагает ее?

— Оставайся в таком положении, — говорит он тихо, так тихо, что я подозреваю, что расслышала его неправильно.

— Но...

— Но что?

Его голова все еще опущена, и это я тоже ненавижу. Я ненавижу то, что не могу потеряться в его насыщенных карих глазах и позволить им вторгнуться в меня, завладеть мной. Они даже могут разорвать меня на части, пока смотрят на меня.

— Я ненавижу это, — признаюсь я.

— Ненавидишь что?

— Не смотреть на тебя. Тот факт, что ты не смотришь на меня.

Тогда я делаю смелый шаг, чего никогда раньше не делала. Я перепрыгиваю через него, оседлав его колени, и вожусь с ремнем.

— Что ты делаешь, *ta belle* — моя красавица?

В его тоне слышится легкое веселье, и я чуть не подпрыгиваю от этого до потолка.

— Мне обещали Рона Астора Второго, а я его еще не видела, — шучу я.

— Значит ли это, что ты хочешь меня только из-за моего члена?

— Конечно. Думал из-за тебя?

— Звучит так, будто я твоя шлюха.

— Ты мой, как и я твоя.

Мне наконец удастся освободить его от боксеров после глупой возни. Он даже не пытается помочь мне, придурок.

— Ты моя, да?

Он хватает меня за бедро, а другой рукой сжимает челюсть.

На этот раз он тот, кто заставляет меня пялиться на него, и я бы не хотела, чтобы было по-другому.

Пока он смотрит на меня, я чувствую, что, может быть, все будет хорошо. Нет, не хорошо, но волшебно. Так... волшебно.

Я никогда не верила в магию, но я также никогда не верила в чувства или в людей. Теперь я верю в Ронана.

Может, потому что теперь я знаю, что он, вероятно, не сын Эдрика, и его происхождение не такое, как я думала.

Но разве это что-то изменило бы?

Это Ронан.

Он не спрашивал разрешения, когда вторгнулся в мою жизнь, и, конечно, не будет просить об этом сейчас.

Мои бедра дрожат, когда он опускает меня на свой член, полностью погружаясь в меня. Мои глаза закатываются, когда он заполняет меня до краев.

О, Боже.

— Черт, *belle* — *красавица*. Ты ощущаешься так хорошо, тесно и чертовски правильно.

Когда я прижимаюсь грудью к его лицу, его дыхание щекочет мою чувствительную кожу, когда он говорит.

Я собираюсь толкнуть их вперёд, требуя внимания, но Ронану это не нужно. Его рот обхватывает сосок, заставляя застонать, а затем всхлипывать, когда он проводит по нему языком. Он толкается бедрами снизу, входя в меня глубоко, но медленно. словно он хочет почувствовать меня, запечатлеть в своей памяти.

И это, тот факт, что он запоминает меня вместо обычного грубого погружения, заставляет мое сердце трепетать.

Это странное ощущение, что-то, что заставляет мои собственные бедра дергаться в ответ.

Мои пальцы впиваются в материал его куртки, когда я двигаюсь вверх и вниз по его длине в темпе, который соответствует его. Он с причмокиванием отпускает мой сосок и смотрит на меня с блеском в глазах — блеском, который я потеряла несколько минут назад, блеском, который исходит от боли и травмы. От глубокой травмы.

Я прижимаюсь губами к его рту.

Его губы завладевают моими в грубом страстном поцелуе, лишая меня дыхания, мыслей и логики. Как будто меня никогда и не существовало до этого момента.

Когда я соединяюсь с ним таким образом во всех смыслах этого слова, словно ничего другого с нами нет.

Никаких сломанных частей, никаких кошмаров, никаких войн, которые нужно вести.

Но это ложь, не так ли?

Я могу притвориться, что этого никогда не случится, но это произойдет.

Я могу притвориться, что не причиню ему вреда, но сделаю это.

Рано или поздно это произойдет.

Это, *блядь*, произойдет.

Данная мысль заставляет меня крепче обнять его и поцеловать сильнее и быстрее, запечатлевая его в памяти, забирая его всего с собой.

Впервые в жизни у меня появились сомнения. Я так долго планировала это, но теперь сомнения не оставляют меня в покое.

— Спасибо тебе за то, что ты существуешь, *ma belle* — *моя красавица*, — шепчет он мне в губы, и тогда я кончаю.

Я падаю добровольно, зная, что меня ничто не удержит.

Но я ошибаюсь, есть что-то — или, скорее, кто-то.

Руки Ронана окружают меня, как тиски, когда он вонзается в меня еще немного, прежде чем тепло заполняет мои стенки, а затем просачивается между бедер.

О Боже.

Он хватает меня за затылок сильной ладонью и притягивает ближе, прижимаясь своим лбом к моему. Мы дышим воздухом друг друга, но мне почти кажется, что этого недостаточно — будто мне никогда не будет достаточно.

И это опасно.

Нет — это более чем опасно. В моем случае это чертовски смертельно.

Он Астор. Ну и что с того, что он мог быть сыном Эдуарда, а не Эдрика? Он все еще Астор.

И проблема в том, что чем больше времени я провожу с ним, тем больше этот факт размывается. Все расплывается, и он единственное, что остается.

Ронан.

Просто Ронан.

При этой мысли у меня сжимается грудь. Я не хочу, чтобы он был просто Ронаном. Он *не может* быть просто Ронаном.

Что я наделала?

Вот что происходит, когда вы зависимы. Вы не осознаете всей высоты зависимости, пока не станет слишком поздно, пока это не станет единственной вещью, текущей в ваших венах, и вы не сможете избавиться от нее, пока, блядь, не истечёте кровью.

Я не могу истечь кровью.

Я уже истекала кровью ранее.

Теперь его очередь, не моя.

Я отталкиваю Ронана и забираюсь на пассажирское сиденье. Мои потные негнущиеся пальцы нащупывают платье, а затем надевают его через голову, игнорируя остатки дурацкого костюма.

Всего несколько вдохов. Всего несколько. Если я сделаю это, я смогу контролировать все, что происходит во мне. Я буду игнорировать чувства и все, что с ними связано.

— Что ты делаешь?

Ронан устраивается поудобнее, выглядя беззаботным, но его челюсть дёргается.

— Ничего.

— Не надо мне этого говорить. Ты возводишь свои стены. Какого черта ты возводишь их, Тил?

Боже. Черт.

Как я могла быть настолько беспечной, чтобы позволить ему распознать это?

Даже Нокс больше этого не замечает. Я довела это до совершенства. Стала профессионалом в этом деле.

Это неправильно. Так больше не может продолжаться.

— Я дам тебе то, что ты хочешь. — я смотрю на него с легкой улыбкой.

— Что я хочу?

— Я поговорю с Эдриком и покончу с этим.

— Покончишь с этим, — повторяет он, будто начинает понимать слова.

— Да. Разве не этого ты всегда хотел? Разорвать помолвку?

— К черту это, Тил.

— Ну, разве нет? Ты уже угрожал мне по этому поводу раньше.

— Ключевое слово «раньше». Разве я угрожал тебе этим в последнее время?

— В таком случае, я та, кто хочет покончить с этим.

В конце концов, причина, по которой я хотела этого, это из-за папы, и он подписал обязательный контракт с Эдриком несколько дней назад. С тех пор я находилась на грани того, чтобы сделать это самой, но я всегда возвращалась к Ронану за большим.

Еще раз, говорила я себе. Всего лишь еще одна ночь в его объятиях.

Мне следовало знать лучше. Так поступают все наркоманы.

— Ты хочешь чего? — огрызается он.

— В любом случае, это была фаза.

Я чуть не хлопаю себя по губам после того, как произношу слово «фаза».

Это не фаза. *Ничто* не является фазой.

Я ненавижу это слово.

— Это не гребаная фаза, и ты это знаешь. — его лицо напрягается. — Ты просто начала чувствовать, и теперь убегаешь от этого.

— Точно так же, как ты убегаешь от всех своих проблем со всеми этими вечеринками, выпивкой и наркотиками? — я набрасываюсь.

Вот что я делаю, когда на меня нападают, я атакую в ответ, и я ядовита, как смертоносная змея, которая никогда не может остановиться.

— А что, по-твоему, должны были сделать все эти вечеринки, а? Что, возможно, в конце ночи ты станешь лучшим человеком, ты действительно посмотришь на себя в зеркало и искренне улыбнешься? Эти люди никогда не будут тобой. Они никогда не будут чувствовать то, что чувствуешь ты, или говорить на том языке, на котором ты хочешь говорить. Им все равно, Ронан. Никто не знает, так как насчет того, чтобы перестать искать убежища у бесполезных людей? Или еще лучше, как насчет того, чтобы ты перестал пытаться сделать меня одной из этих людей? Я не такая и никогда ею не буду.

Мое дыхание становится резким после вспышки.

В своей попытке выйти из-под микроскопа я зашла слишком далеко, и теперь у меня нет возможности остановить это.

У меня нет возможности забрать все обратно.

Я заправляю прядь волос за ухо дрожащей рукой, затем позволяю ей упасть на колени.

Он не говорит. Почему он молчит?

Если он набросится на меня. Если он скажет мне, что я спрячусь от людей по тем же причинам, я приму это. Я проглочу нож вместе с его кровью.

Я сделаю все, что угодно, лишь бы он что-нибудь сказал.

Я украдкой бросаю взгляд сквозь ресницы. Ронан пристально наблюдает за мной, но выражение его лица пустое, даже отсутствующее.

— Ты знаешь, почему я ищу убежища в людях? — тихо спрашивает он.

Я качаю головой. Я не знаю.

— Меня это не интересует.

Если я узнаю его боль, это разорвет меня до такой степени, что возврата не будет.

— Очень жаль, потому что ты будешь слушать, Тил. Ты выслушаешь историю мальчика, который ненавидит себя так сильно, что он нуждается в других людях, чтобы просто существовать.

Глава 28

Ронан

Мама рассказывала мне много народных историй. У нее была бабушка в сельской местности на юге Франции, и она собирала ее, мою тетю и их двоюродных братьев вокруг костра и рассказывала им истории о магии, а также о дьяволах, которые выходят из пламени.

В ответ мама рассказывала мне об историях своей бабушки. Она даже надевала костюмы и заставляла нас примерять их, воплощая в жизнь персонажей.

И под нами я подразумеваю маму и себя.

Папа бросал на нас такой взгляд — немного насмешливый, достаточно снобистский, — но маме всегда удавалось затащить его внутрь и заставить смотреть, как мы выставляем себя дураками.

Раньше мы были счастливой семьей.

Раньше мы были семьей — и точка.

Трещина случилась, когда мне было восемь. Это был Хэллоуин. Я любил Хэллоуин. Это означало ходить по магазинам с мамой и выбирать костюмы после долгих раздумий.

В тот год я должен был быть вампиром, потому что мама влюбилась в какой-то фильм под названием «*Дракула*», который она не разрешала мне смотреть. Она должна была быть сказочной принцессой, которую Дракула собирался спасти. Я помню, как папа был раздражен, потому что он хотел быть спасителем, а не я.

В то время я не понимал, что он имел в виду. Все, что я знал, это то, что я должен одеться и играть по дому с мамой.

Поскольку я был особенным ребенком из особой семьи, мама и папа говорили, что я не могу вести себя на публике, как другие, поэтому мы

всегда устраивали костюмированные вечеринки дома, где в качестве зрителей были только папа и Ларс.

Меня это вполне устраивало. Я не хотел, чтобы кто-нибудь нашел маму красивой и решил забрать ее, как в романах с полуголыми мужчинами, которые мама прятала от меня. Я заглянул в них один раз, но мало что понял, кроме того, что мама много читала их, когда весь день лежала в постели.

В том году празднование Хэллоуина было отменено — вернее, был отменен наш личный Хэллоуин.

Папа сказал, что ведет маму на вечеринку. Я умолял их не уходить, а если им придется идти, то пожалуйста, пусть возьмут меня с собой.

— Нет, — отрезал он. — Ты останешься здесь, и это окончательное решение, Ронан.

— Но я хочу пойти с вами.

Я натянул свою накидку Дракулы и топнул ногой.

— Ронан. — мама присела передо мной на корточки и похлопала по накидке. — Твой дядя Эдуард приедет и отведет тебя на вечеринку. Ты любишь вечеринки, не так ли?

— Мне больше нравятся вечеринки с вами.

В ее глазах блестели слезы.

— *Mon ange* — *Мой ангел*.

— Давай, Шарлотта. — папа пристально посмотрел на меня. — Перестань быть сопляком, Ронан.

— Не будь с ним суров, *mon amour* — *мой любимый*. — она провела своими мягкими пальцами по моим волосам. — Будь хорошим мальчиком для мамы, и обещаю, что мы устроим все вечеринки, которые ты захочешь.

— Шарлотта.

Папа схватил ее за руку и повел.

Именно так.

Помню, как я побежал за ними к двери, прежде чем папа еще раз рывкнул на меня, чтобы я оставался внутри. Мама села в машину со слезами

на глазах. Она все еще была одета в платье принцессы, и ее кожа была бледной. Я думал, что она не должна носить костюмы на улице.

Потом я сидел на диване, потягивал сок, приготовленный для меня Ларсом, и думал, что, может быть, я все-таки ненавижу Хэллоуин.

Или, может, я ненавидел Хэллоуин, когда мамы и папы не было.

Или, может, я ненавидел папу за то, что он испортил нашу костюмированную вечеринку и повел маму на другую вечеринку для взрослых.

Вот тогда-то и пришел дядя Эдуард. Он был пьян; я понял это по пронзительному смеху и по тому, как от него пахло «дешевым ликером Джона», как называл его Ларс.

Он был одет в зеленый костюм, а в руке держал маску клоуна. Когда он подошел ко мне, то запинался.

— Счастливого Хэллоуина, маленький племянничек. Мне страшно, когда я смотрю на тебя.

— Сегодня я Дракула. — я выпятил грудь.

— Ох, страшно. Пойдем, мы уже опаздываем.

Он протянул мне руку, и я взял ее.

Дядя Эдуард навещал нас нечасто. Папа всегда кричал на него, называл бесполезным и говорил, что он тратил много денег. Кроме того, дядя Эдуард всегда выглядел как клоун, даже без маски. Его нос совсем не похож на наш с папой. Мама называет их красивыми. Но она никогда не называла нос дяди Эда красивым.

Ларс перехватил нас у входа и остановился, чтобы оглядеть дядю Эдуарда с головы до ног, а затем улыбнулся мне.

— Ты бы предпочел лечь спать пораньше, Ронан?

— Нет. Я хочу показать свой костюм.

— Ты слышал ребенка, Ларс. Убирайся с пути.

— Язык, сэр.

— Ох, пошел ты со своим сэром, Ларс. — дядя Эд потащил меня за собой, ослабляя галстук. — Даже этот чертов слуга думает, что может указывать мне, что делать. Вот увидишь, Эдрик. Ты, блядь, увидишь.

— Мама говорит, что это плохие слова, — прошептал я.

— Так и есть, не так ли? Шарлотта хорошая женщина, такая, такая хорошая. Эдрику всегда доставалось все самое хорошее. Даже его жене и сыну место в музее. — он улыбнулся мне, но фальшиво.

Даже в том возрасте я знал, что с этой улыбкой что-то не так.

Дядя Эдуард усадил меня в фургон. В то время я думал, что это круто. Он был размером с автобус, в салоне висели огни, и между нами и водителем был экран. Окна были тонированными, как в папиной машине, так что я мог видеть людей, а люди не могли.

Как круто? Я думал.

Должно быть, я так долго пялился на огни, потому что дядя Эд спросил меня, нравятся ли они мне. Я сказал «да». Он пил из голубой сверкающей бутылки.

— Что это, дядя?

— Вот, мой дорогой племянник, как я остаюсь в здравом уме, несмотря на все дерьмо, через которое твой отец заставляет меня проходить. — он снова ослабил галстук. — Чертова Австралия. Он фактически отправляет меня в изгнание.

— Что значит изгнание? — я сел на место напротив дяди, болтая ногами в воздухе.

— Это значит, что твой отец ненавидит меня.

— Он говорил, что не ненавидит. Он только хочет, чтобы ты справлялся лучше.

— К черту это. Ты говоришь, как он, даже в таком юном возрасте.

— Куда мы едем, дядя?

— На вечеринку моего друга. Все будут в костюмах, как и ты. — он встал и предложил мне игристый напиток. — Хочешь попробовать?

— Это алкоголь?

— Нет, это сок. Шипучий сок. — дядя Эд ухмыльнулся. — Он делает тебя сильнее, чтобы ты мог защитить свою маму. Разве ты не хочешь защитить ее?

— Конечно, я хочу. — я выпятил грудь и взял напиток.

Мама и папа говорили, что я не должен ничего брать у незнакомых, но это был не незнакомец, это был дядя Эд.

Первый глоток заставил мое лицо сморщиться.

— Фу, это отвратительно на вкус.

— Тогда ты трус. — дядя покачал головой.

— Я не трус.

Я сделал еще один глоток и закрыл нос, как делал всякий раз, когда Ларс заставлял меня пить молоко.

Я ненавижу молоко.

Чем больше я пил, тем ближе дядя подходил ко мне. Довольно скоро он обнял меня, усадив к себе на колени.

Я не знал, как это произошло, но потом моя накидка исчезла, рубашка была наполовину расстегнута, и дядя ощупывал меня между ног.

Зачем ему это понадобилось? Я всегда трогал свой пенис и даже показывал маме. Папа говорил мне не делать этого при маме и говорил, что мой пенис предназначен только для меня, что никто другой не должен его видеть или прикасаться.

— Что ты делаешь? — мой голос дрожал, как будто я собиралась заснуть.

— Я не твой дядя, мой прекрасный мальчик.

Его голос был неправильным, таким неправильным. Мне не нравился его голос, и мне не нравилось, что он расстегивал мои брюки Дракулы и трогал меня между ног.

— Ты папин брат... мой дядя.

Я вцепился в стакан с искрящимся голубым окоченевшими руками, думая, что если я этого не сделаю, случится что-то плохое.

— Не настоящий. Вот почему он думает, что я одноразовый.

Он провел языком по моей щеке, оставляя влажный, отвратительный след.

— Фу. Прекрати, дядя.

Он крепко схватил меня за пенис поверх брюк, и я закричал. Другой рукой он зажал мне рот, заглушая голос.

— Послушай, мой прекрасный мальчик. Ты позволишь своему дяде позаботиться о тебе, сделать тебе массаж, и будешь держать свой рот на замке. Если ты скажешь хоть слово об этом отцу, Шарлотта заболеет и умрет. Ты знаешь, что такое смерть, сопляк? Это значит, что ты больше никогда ее не увидишь.

Нет. Мама никогда не умрет.

Я не знал, были ли это его слова или тот факт, что мне не понравилось, как он прикасался ко мне, или как он снял мою накидку и испортил мой костюм, но что-то заставило меня сорваться.

Я укусил его за руку и швырнул стакан с голубым соком ему в лицо. Его хватка на мне ослабла, и я упал на пол.

— Мама никогда не умрет!

Я все еще странно говорил, но мне удалось дрожащими пальцами открыть дверцу фургона.

— Господи Иисусе, — выругался дядя. — Останови машину.

Я не стал дожидаться, пока он произнесет эти слова, — я прыгнул. Помню, как один раз перекатился, а потом ударился о столб. Помню, как его голова выглянула, а затем он пробормотал:

— Чертов ублюдок. Наслаждайся холодом.

А потом он бросил меня посреди пустынной улицы.

Поначалу я даже не мог стоять. Это из-за алкоголя, или, возможно, из-за легкой боли в боку, когда я ударился о столб.

Но это было намного больше.

Это был страх — хуже, чем Хэллоуин, хуже, чем костюмы.

Я хотел к маме и папе, но я не знал, как их найти.

Они были на вечеринке и оставили меня с дядей Эдом. Я ненавидел дядю Эда. Я буду счастливым, когда он уедет в Австралию.

Помню, как я держался за столб негнушимися пальцами, а затем медленно шел. Помню, как застегивал рубашку и брюки, потому что папа сказал, что Астор всегда должен выглядеть прилично.

А потом я побежал. Я быстро и сильно бежал по улице, потом споткнулся и упал, а потом снова встал и побежал. На обочине дороги было много деревьев, и у них были лица, и их лица были похожи на демонов из маминых рассказов.

Тогда я позвал ее.

— Мама! Где ты, мама?

Когда она не ответила, я позвал:

— Папа? Найди меня.

Он тоже не ответил. Я не переставал хромать, спотыкаться и падать, но плакать не мог.

В моих глазах не было ни единой слезинки.

Асторы не плачут. Слова папы были единственным звуком в голове.

Я был порядочным мальчиком. Хорошим мальчиком. Я не мог плакать.

Поэтому я снова позвал их.

— Мама! Папа! Где вы? Заберите меня.

Они не пришли и не забрали.

Люди в масках волков пугали меня, и я закричал, но не заплакал.

Я не мог плакать.

Я знал, что не должен этого делать.

Вот тогда-то я их и увидел. Кролики — или, скорее, женщины, одетые в костюмы крольчих.

На них были ушки, и их розовые платья развевались позади, когда они смеялись и хихикали.

Внезапно у меня пропало желание плакать. У меня возникло желание побежать за ними и поймать их.

Но в тот момент, когда я завернул за угол, они исчезли.

Ларс нашел меня вскоре после этого. Он последовал за нами, потому что волновался. Я не сказал ему, что случилось. Я сказал, что поссорился с дядей Эдом, и он просто кивнул.

Мама и папа не вернулись домой ни в ту ночь, ни на следующую. Они устраивали вечеринку на Хэллоуин в течение трех ночей, и за это время я ни разу не заснул.

Все, что я мог делать, это видеть кошмары о темных улицах, тяжести на моем теле и кролике, бегущем по улице.

И Ларс каждый раз находил меня.

Я ничего не сказал папе, потому что дядя Эд все равно уезжал, и я ненавидел себя. Я также ненавидел папу за то, что он оставил меня с ним в ту ночь. Я также не хотел, чтобы мама знала; это уничтожило бы ее.

Она доверила ему меня, а он подорвал это доверие. Она возненавидела бы себя за то, что не заметила признаков, и заподозрила бы, что случилось что-то еще.

Ничего не случилось, хотя и не из-за недостатка усилий с его стороны — он несколько раз пытался загнать меня в угол, когда навещал.

Я был запретным плодом дяди Эда. Чем больше я убегал от него, тем сильнее он пытался наложить на меня свои руки, но я был умнее.

Когда я был ребенком и не мог защититься, я прятался за Ларсом. Я всегда был с Ларсом, когда бы он ни приезжал в гости. Ларс, который уже что-то подозревал, никогда не оставлял меня одного. Он заботился, чтобы я все время был у него на виду.

Когда я вырос, дядя Эдуард держал свои руки при себе, как и следовало, потому что я недвусмысленно сказал ему, что избыть его до полусмерти, если он хотя бы прикоснется ко мне.

Он всегда говорил о моей слабости к маме. Всякий раз, когда он чувствовал, что я могу поскользнуться и рассказать папе о его педофильской деятельности, Эдуард напоминал мне, как сильно это расстроит маму.

Насколько это ухудшило бы ее и без того хрупкое психическое состояние. Это было и остается единственной причиной, по которой Эдуард Астор все еще существует в моей жизни.

Я хранил это воспоминание все время. Я могу нести их до самого конца. Маме не нужно об этом знать, и папе, конечно, тоже.

Он бросил меня в ту ночь, и в глубине души я так и не простил его за это.

Я делаю паузу, рассказав Тил эту историю. Я опустил тот факт, что человек, который сделал это со мной, мой дядя, и часть с девушками в крольчих костюмах, потому что не хочу, чтобы она испытывала ко мне отвращение. Я не хочу, чтобы она думала, что я болен из-за фантазии о кроликах, когда они ассоциируются с самой темной ночью в моей жизни.

— Вот почему я всегда с людьми, — говорю я. — Люди позволяют мне меньше думать о себе. Когда я был ребенком, у меня была идея, что, когда вокруг так много людей, со мной больше ничего подобного не случится, но для того, чтобы быть с людьми, я должен нравиться людям. Вот в чем причина этого образа, вечеринок и секса. Я трахался с девушками не потому, что мне этого хотелось, а потому, что я нуждался в компании. Мне нужно было не спать одному. Мне нужно было проснуться утром и найти людей в

моем доме, потому что это означало, что я не один и со мной не случится ничего плохого.

Два потока слез стекают по щекам Тил. Она так долго сдерживала их, пока я рассказывал ей об этом воспоминании, но теперь, похоже, она достигла уровня насыщения и больше не может сдерживаться.

— Вот в чем дело, *belle* — *красавица*. — мой голос падает. — С тех пор как ты вошла в мою жизнь, я больше не нуждаюсь в людях. Просто я нуждаюсь в тебе.

Я говорю как сентиментальный ублюдок, но мне все равно. Я не позволю ей уйти. Возможно, все началось неправильно, но она выросла и стала самым красивым созданием, которое я когда-либо видел.

— Как ты можешь заставлять меня плакать, когда я не могу плакать по себе?

Еще больше слез заливает ее щеки, но она не пытается вытереть их, будто это каким-то образом освобождает.

— Мы так похожи. — она шмыгает носом. — Это пугает.

Я неуверенно улыбаюсь.

— Значит ли это, что ты передумала?

— Нет, Ронан. Это значит, что мне нужно держаться от тебя подальше, чтобы не уничтожить нас обоих.

Глава 29

Тил

Люди говорят, что настоящее сумасшествие незаметно.

Оно просачивается под поверхность и пожирает тебя кусок за кровавым куском. Оно подкрадывается к тебе, как вампир к крови или хищник к добыче.

Но я знаю. Я чувствую это.

Я бы не назвала это сумасшествием, но это что-то ненормальное.

Это то, что мешает мне смеяться из вежливости, когда это делают все остальные. Они признают общественные нормы, а я нет. Даже Нокс признаёт. Ему гораздо лучше удастся сливаться с толпой, чем мне, и, вероятно, именно поэтому терапевту нравилось работать с ним, а не со мной.

Я слышала, как она сказала Агнусу, что я колодец. Она сказала, что нужно много копать, и я не позволяю ей этого делать.

Я аномалия даже среди людей, которые относятся к сумасшедшим, и я всегда этим гордилась.

Я смотрела в зеркало, и мне нравилось мое хмурое лицо. Люди по-разному реагируют на травму. Есть те, кто полагается на ближайшую семью и друзей. Есть те, кто сражается, чтобы снова улыбнуться. И есть те, кто замыкается в себе и в конце концов выходит из-под контроля.

Затем есть я.

Я никогда не выходила из-под контроля; я не пила, не принимала наркотики и даже не пробовала травку или сигареты. Я всегда была хорошей девочкой, но с худшим выражением лица.

Я не позволяла себе улыбаться, и в конце концов, я не знала, как улыбаться. Какое право я имела смеяться, когда я никогда не примирилась с самой собой?

Какое я имею право существовать так, будто ничего не случилось?

Там есть девочка, которую я оставила, маленький ребенок не старше семи, которая звала на помощь, а я ее не слышали — вернее, не могли. Эта девочка, семилетняя я, хочет возмездия.

Нет — она требует этого. И я должна отдать это ей, даже если придется принести жертву.

Я иду по коридору в папин кабинет, решимость бурлит в венах.

Когда Ронан признался мне в своей травме несколько дней назад, я не могла нормально дышать.

Я все еще не могу.

Каждый раз, думая о нем, у меня появляется этот шар размером с голову, мешающий дышать. Я не могу перестать видеть сны о маленьком ребенке, бегущем в одиночестве по улицам, которому некуда пойти и не к кому обратиться за помощью.

А потом, лицо этого ребенка не принадлежало Ронану. Это лицо было моим. Это была девочка, которая перестала улыбаться, потому что кто-то конфисковал эту улыбку и отказался вернуть ее.

Я разблокирую свой телефон и смотрю на сообщения, которые он отправил с той ночи.

Ронан: *Когда кто-то изливает тебе свое сердце, самое меньшее, что ты можешь сделать, это не уходить.*

Ронан: *Помимо лакомых кусочков, которые я рассказал Ксану, ты первый человек, которому я рассказал всю историю. Теперь я чувствую себя отвергнутым, и меня так и подмывает найти тебя и наказать.*

Ронан: *Хотел бы я, чтобы ты доверяла мне достаточно, чтобы позволить мне увидеть тебя.*

Затем сегодня пришло его последнее сообщение.

Ронан: *Какого черта у меня нет гордости, когда дело касается тебя?*

Наверное, по той же причине, по которой у меня нет стен, когда дело доходит до него. После того, как психотерапевт назвал меня колодцем, я

начала в это верить. Я начала думать, что никто не может понять меня или проникнуть в меня глубже, и именно поэтому я укрепила стены.

Пока не появился *он*.

Я никогда не ощущала себя такой открытой и в такой опасности, как с ним. Я всегда думала, что люди, кроме моей семьи, в конце концов уйдут. Только не Ронан.

Никогда Ронан.

Он ворвался так легко, словно колодца никогда и не существовало.

И так больше продолжаться не может.

Ради него, а не ради меня.

В конце концов он возненавидит меня, так что я могу сделать это сейчас, а не позже.

Я стучу в дверь папиного кабинета.

— Войдите, — коротко отвечает он.

Я толкаю дверь и вхожу внутрь, делая глубокий вдох. Папа и Агнус сидят друг напротив друга. Оба их пиджака сброшены, а манжеты рубашек закатаны. Папа без галстука, но Агнус все еще в нем, и обычно он выглядит менее растрепанным. У каждого из них в руках свои планшеты, а это значит, что они обмениваются данными.

— Я не помешала? — я спрашиваю.

Папино лицо смягчается улыбкой.

— Ты никогда не можешь помешать мне. Иди сюда, Тил.

Я сажусь рядом с ним, на то место, которое похлопывает папа.

Агнус начинает вставать.

— Я буду внизу, если тебе что-нибудь понадобится.

— Тебе не обязательно уходить, — говорю я ему. — Я хочу поговорить с вами обоими.

Агнус успокаивается. Теперь, когда я смотрю на него, я понимаю, что все, что я чувствовала к нему в прошлом, было мимолетным. Он был рядом

со мной и Ноксом всю нашу жизнь, и эта благодарность жила со мной столько, сколько я себя помню, но это все.

На этом все.

Единственные всепоглощающие чувства, которые я когда-либо испытывала, это к парню, который может заставить меня смеяться, когда я даже не знала, что могу.

Папа кладет планшет на стол.

— Что-то не так?

— Нет... Ну, возможно.

— Это связано с тем фактом, что ты не ходила в школу два дня? — спрашивает папа.

Почему я думала, что он был слишком занят, чтобы заметить это? Это папа. В какой-то момент он почувствовал мою боль прежде, чем я сама смогла это заметить.

— Папа, обещаю, что не возненавидишь меня?

— Это не обсуждается — даже если ты кого-то убила.

Агнус приподнимает бровь.

— Мы всегда можем замести следы.

Папа бросает на него взгляд.

— Что?

Агнус приподнимает плечо.

— Я могу помочь ей избежать наказания за убийство.

— Не вкладывай ей в голову никаких идей... — папа сосредотачивается на мне. — Это не имеет никакого отношения к убийству, верно?

— Нет.

Пока.

— Так в чем дело? — спрашивает папа.

— Я знаю, что говорила тебе, что хочу быть помолвленной с Ронаном, но могу ли я передумать?

— Конечно. — папа даже не колеблется. — Как я уже сказал, я бы никогда не заставил тебя делать то, чего ты не хочешь.

Я глубоко вздыхаю, чувствуя, как часть веса исчезает с моей груди только для того, чтобы его заменил другой тип веса.

— Почему? — тихий голос Агнуса разносится в воздухе.

— Почему? — я повторяю.

— Ты была так одержима идеей обручиться с этим парнем, но теперь передумала. Не то чтобы я не думал, что у тебя были скрытые мотивы, но сомневаюсь, что это только из-за партнерства между нами и компанией Эдрика.

— Агнус. — папа качает головой, но это больше от смирения, чем от чего-либо еще. — Она попросила об этом, и теперь она заканчивает.

Внимание Агнуса не отрывается от меня.

— Это не детская игра, Тил.

— Я знаю это.

Больше, чем кто-либо.

— Я поддержу тебя в любом решении, которое ты примешь. — папа берет мою руку в свою, и тепло касается меня глубоко внутри. — Но я думал, ты ладишь с Ронаном? Эльза и Нокс все время говорят об этом, даже когда ты пытаешься их успокоить.

Я прикусываю нижнюю губу.

— Пап... Ты когда-нибудь чувствовал, что тебе нужно отпустить кого-то ради человека?

На секунду в кабинете воцаряется тишина, и я почти думаю, что он не ответит, но потом он говорит:

— Да. Это была мать Эльзы. Я должен был отправить ее на лечение, ради ее же блага.

— Но он этого не сделал, — говорит Агнус отстраненным, каменно-холодным тоном. — Он не следовал за своей головой, и эта ошибка стоила ему не только девяти лет жизни, но и жизнью его детей.

— Прекрасное напоминание, Агнус, — в голосе папы слышится неодобрение.

— Этого бы не случилось, если бы ты послушал меня, — продолжает Агнус тем же тоном, листая планшет.

— И ты не позволишь мне жить с этим всю жизнь, не так ли? — спрашивает папа.

— Наверное, нет. — Агнус поднимает голову, и его бесстрастные глаза ловят меня в своей безжалостной хватке. — Если тебе и нужно чему-то у него научиться, так это тому, что ты никогда не должна следовать своему сердцу, Тил. Эта штука ненадежна, она навлечет на тебя неприятности и принесет сожаления.

— Не слушай его. Он старый и прагматичный, и я упоминал, что он одинок всю жизнь? — папа снова обращает мое внимание на свои добрые глаза. — Я признаю, что совершил ошибку с Эбигейл, но именно из-за нее у меня есть Эльза, ты и Нокс. Я бы никогда не пожалел об этом факте.

Я улыбаюсь этому.

Долгое время я верила, что папа взял нас к себе только из-за чувства вины, но я ошибалась. Он мог бы отправить нас в приют — или даже вышвырнуть обратно на улицу.

Он этого не сделал.

— Подумай об этом, — продолжает папа. — И, если ты считаешь, что твоё решение окончательное, я буду рад помочь.

Я киваю, хотя мое решение уже закреплено и громко и ясно звучит в голове.

— Могу я спросить еще кое-что?

— Конечно.

— Я знаю, что мы с Ноксом говорили тебе, что никогда не будем спрашивать о маме или о том, где она, но я думаю, что готова. Я хочу знать.

Папа и Агнус обмениваются взглядами, прежде чем последний возвращается к своему планшету.

— Что? — я спрашиваю.

— Твоей мамы больше нет, Тил, — говорит папа сочувственным тоном. — Она умерла в тот же год, когда вы сбежали. Я искал ее, чтобы заставить отказаться от родительских прав, когда узнал, что она умерла от передозировки.

Ох.

Я неподвижна, не зная, что чувствовать. Нет, я знаю, что я чувствую.

Ничего.

Я только что узнала, что моя мать и единственный биологический родитель — единственный, о ком я знаю, — мертва, и все, о чем я продолжаю думать, это о том, как ей не придется платить.

Она ушла, не заплатив.

Она умерла так, будто не сделала ничего плохого.

Мои ногти впиваются в колени, пока я не ощущаю жжение на плоти.

Теперь ее сообщник заплатит за них обоих.

Папа похлопывает меня по плечу.

— Ты в порядке?

Я киваю.

— Не знаю почему, но думаю, что отчасти подозревала это.

— Одним подонком в мире меньше, — говорит Агнус, не поднимая головы от планшета.

— Это бесчувственно, — говорит ему папа.

— Женщина издевалась над собственными детьми — вот что бесчувственно, — произносит Агнус своим обычным холодным тоном.

— Агнус, — предупреждает папа.

— Он прав, — говорю я, не желая, чтобы они ссорились из-за этого.

Не то чтобы я хотела найти ее ради благородного дела, или как будто я хотела помолвки с Ронаном по причинам, в которые я заставила всех поверить.

Я самый отъявленный подонок.

Думаю, вот что происходит, когда ты рождаешься дочерью шлюхи.

Пожелав им хорошего отдыха, я покидаю кабинет Агнуса и папы. Я резко останавливаюсь у двери. Нокс стоит там, скрестив ноги в лодыжках и прислонившись к стене. Именно тогда я понимаю, что не закрыла дверь, и мой брат, вероятно, слышал весь разговор.

На этот раз я обязательно закрываю дверь, прежде чем заговорить.

— Как много ты слышал?

— Я уже знал о маме.

— Т-ты знал?

— Хотел бы я быть таким же отстраненным, как ты.

В его голосе слышна боль, и я узнаю ее, не сопротивляясь. Боль Нокса была единственной болью, которую я могла чувствовать — до Ронана.

— Нокс...

— Я искал ее, когда мы были в Бирмингеме, и — подожди — я вернулся в тот бордель, когда мне было, возможно, пятнадцать. Когда мне сказали, что у нее произошла передозировка и она умерла, знаешь, что я сделал?

Я медленно подхожу к нему, качая головой.

— Я плакал так сильно, что думал, что никогда не перестану плакать. — он смеется, потирая затылок, но смех натянутый. — Жалко, не правда ли, Ти?

— Нет. Она была нашей единственной семьей.

— Она была шлюхой, которая впустила этих ублюдков, пока мы спали, и...

Я хлопаю рукой по его рту, прерывая. Не хочу этого слышать. Я так близка к тому, чтобы вновь пережить это, а это никогда не бывает хорошо.

Он мягко убирает мою руку.

— Суть в том, что мы семья друг друга. Папа и Агнус наша семья. Мне не следовало плакать из-за этой шлюхи, и именно тогда я понял, что плачу не из-за нее. Я просто оплакивал наше детство и то, как ненормально мы

выросли из-за нее. Плакать это нормально, Ти. Слёзы очищают больше, чем эти пробежки.

— Спасибо, Нокс. Мне это было нужно сегодня.

— Счастливого дня свободы. — он ухмыляется.

В этот день одиннадцать лет назад мы с Ноксом разорвали цепи. Мы убежали и ни разу не оглянулись.

Мы были детьми, но заслужили свою свободу. Мы увидели выход, поэтому воспользовались им. Если бы мы остались там, я бы стала такой же, как моя мама, а Нокс, вероятно, покончил бы с собой или принимал наркотики и умер бы от передозировки, как мать.

Мы всегда спасали себя, и это будет продолжаться.

Он пристально смотрит на меня.

— Для протокола, скажешь кому-нибудь, что я плакал, и я убью тебя.

— Зависит от того, как ты себя поведешь.

— Я не буду твоей сучкой, сестренка. — он переходит на свой чрезмерно драматичный тон. — Помни, я родился первым.

— Это значит, что ты заплакал первым, верно?

— Ах ты, маленькая засранка.

Он берет меня за голову, и я смотрю на него с улыбкой. Он почти сразу смягчается, отпуская меня, когда благоговение наполняет его черты.

— Ты... улыбаешься.

— Ты один из немногих, кому удастся это увидеть, так что выгравируй это где-нибудь.

— Ронан влияет на тебя, не так ли?

— Дело не в нем.

— Да, верно, могла бы обмануть меня. — он поднимает бровь. — Я собирался вышвырнуть его из нашей жизни, пока не увидел тебя с ним. Тебе никогда не было так легко с кем-то, как с Ронаном. Даже со мной — и, кстати, я ненавижу это. Я должен быть твоим любимчиком.

— Ты мой любимчик. — у меня болит в груди, но я бормочу: — Я разрываю с ним отношения.

— Почему?

Уф. Почему он и Агнус должны задавать этот вопрос? Был бы это конец света, если бы они не узнали?

— Разве ты не видишь? Мы с Ронаном не могли быть более противоположными.

Ложь. У нас больше общего, чем когда-либо узнает мир, но я не говорю об этом Ноксу.

— И все же ты заставляешь это работать. Он спрашивал о тебе каждый раз, когда видел меня. У него не все хорошо, Ти.

— Что ты имеешь в виду?

— Не знаю. Он отвлекся на тренировке и не отпускал своих обычных шуток.

Он будет двигаться дальше. Ронан самый сильный, самый замечательный человек, которого я знаю.

Он назвал меня сильной, но он намного сильнее меня.

Я пряталась и избегала людей. Он врезался прямо в них.

А потом в меня.

И вот теперь мы здесь.

А мы не должны быть здесь.

Пожелав спокойной ночи, я возвращаюсь в свою комнату и закрываю дверь.

Что-то горит у меня в груди, и это.. Боже, как это больно.

Мне так больно осознавать, что я с ним сделаю. Вот почему я откладывала это, пытаюсь отговорить свой мозг.

Может, я смогу жить без мести.

Может..

Маленькая девочка с черными волосами и бездушными глазами появляется передо мной. Тихие слезы текут по ее щекам, но она не говорит. Она ничего не делает.

Она просто стоит в своем порванном воротничке и грязном платье.

Помоги мне.

Спаси меня.

Освободи меня.

Ей не нужно произносить слова, чтобы я их почувствовала. Она всегда была рядом, она постоянная тень на моем плече.

И теперь я должна добиться справедливости ради нее. Ради *меня*.

Знаете что? Мне надоело прятаться и убегать от неизбежного. Агнус достанет мне припасы, если я попрошу его об этом.

Я беру телефон и звоню по номеру, который должна была набрать раньше.

— Здравствуйте, — говорю я. — Мы можем встретиться завтра?

После того, как он подтверждает, я вытаскиваю листок бумаги и на одном дыхании изливаю на него свое сердце.

Это мое наследие.

Мое прощание.

Глава 30

Ронан

Когда великий граф Эдрик Астор говорит, что у него семейное собрание, все должны упасть на колени и послушаться.

Ну, не совсем так, но что-то в этом роде.

Итак, мы все собрались здесь, в столовой. И под нами я подразумеваю маму, Эдуарда ублюдка, Ларса — потому что мы фактически усыновили его — покорного слугу.

Мама сидит на главном стуле, или, скорее, папа усадил ее на него, а сам стоит позади. На ней бежевое платье, в котором она кажется бледнее, или.

Ларс, как и любой приемный ребенок, не хочет говорить мне, почему мамина простуда длится дольше, чем когда-либо. Он добивается благосклонности родителей.

Но он все еще стоит рядом со мной, не садясь. Как будто ожидает заказа чая и не хотел бы пропустить.

Эдуард сидит напротив меня, время от времени бросая взгляд в мою сторону. Он одет в фиолетовый костюм, который делает его похожим на клоуна.

Я качаю головой, глядя на этот образ.

Он все время трогает свой галстук, а это значит, что он нервничает. Он, наверное, думает, что я поговорил с отцом или что-то в этом роде. Я разыгрываю карту и позволяю ему так думать.

Нервничай, Эд.

Надеюсь, ты будешь нервничать до конца своей жалкой жизни.

Я осторожно достаю телефон из-под стола. Пришли сообщения от друзей. Я изменил название группового чата на «Четыре Ублюдка», будто мы

четыре мушкетера. Ксан сказал, что есть только три мушкетера, а Коул только что сменил название на «Ублюдки».

У него нет воображения.

Я пытаюсь притвориться, что меня интересуют их сообщения, но это не так, поэтому я сразу перехожу к сообщениям Тил.

Ничего. Пусто.

Она не признавала моего существования с той ночи. Хорошо, так что, может, то, что я сразу обрушил на нее свою детскую травму, не было моим самым ярким моментом.

И ладно, признание того, что у меня нет гордости, когда речь заходит о ней, осуждается в книге Рона Астора Второго, но она не какая-нибудь девушка.

Она Тил.

Я не могу бороться с необходимостью быть с ней каждую минуту бодрствования. Я хочу обнять ее, и, может, если я обниму достаточно крепко, она в конце концов тоже откроется мне.

Может, она почувствует себя в достаточной безопасности, чтобы рассказать мне, почему она возводит стены после того, как мы займемся сексом, или когда она поспит в моих объятиях.

Это не может быть порочностью — она любит это так же сильно, как и я. Это игра, в которую мы играем, и она чертовски хороша в этом. Я чертовски надеюсь, что это не представление, потому что Рон Астор Второй и его легендарный размер накинули бы веревку на шею, и это стало бы гребаной трагедией.

Быть может, мне нужно похитить Нокса и пытками выбить из него ответы.

Или нет.

Похищение и пытки будущего шурина не одобряются в девяноста девяти процентах культур.

Кроме того, я хочу, чтобы она стала той, кто расскажет мне, а не он.

Но если она думает, что может убежать от меня, прогуливая школу, она, должно быть, не знает меня.

Я Астор. Мы не останавливаемся.

Мой прапрадедушка привез свою жену из Африки. Когда его семья не согласилась, он как бы показал им средний палец и все равно женился на ней. Вернее, он докучал ее, пока она не согласилась выйти за него замуж.

Я такой тип Астора.

Он разбил лагерь в Африке — мне повезло, что мне просто нужно разбить лагерь перед домом Стил.

— Ронан.

Я отрываю голову от телефона на папин голос, понимая, что слишком долго смотрел на отсутствие сообщений.

— Никаких телефонов, — шепчет Ларс. — Насколько тяжело следовать этой простой инструкции, молодой лорд?

Я пристально смотрю на него, а он притворяется беззаботным, уставившись на отца.

Я ухмыляюсь, засовывая телефон в карман.

— Пожалуйста, продолжай. Приношу извинения за свое неадекватное поведение.

Папа, должно быть, чувствует сарказм в моем чересчур шикарном тоне, но отмахивается.

— Мы здесь, потому что нам с твоей матерью нужно, чтобы ты кое-что узнал.

— Еще одна поездка? — я усмехаюсь. — Ох, подожди — на этот раз Мальдивы?

— Ронан...

Мамины глаза опускаются вниз, и я жалею, что не могу как-нибудь ударить себя по яйцам. Удар должен был быть направлен на отца, а не на нее. Это он всегда куда-то ее увозит.

— Ронан, — ругается отец.

Я встаю.

— Меня не интересуют твои пункты назначения, отец. Ларсу это интересно.

— Но разве тебе не нужны даты? — отец огрызается в ответ. — Чтобы ты мог устраивать свои бесконечные вечеринки.

— Ларс... — я недоверчиво смотрю на него. — Ты чертов предатель.

— Язык, — ругается отец. — И я говорю с тобой, а не с Ларсом. Ты действительно думал, что что-то может происходить под моей крышей, и я ничего об этом не узнаю?

Да, отец. Это уже, блядь, произошло.

Мне требуется все мужество, чтобы не пялиться на Эдуарда. Я пытаюсь стереть его из жизни.

— Что ты пытаешься доказать всеми этими вечеринками, Ронан? Выпивкой? Травкой? Алкоголем? — голос отца с каждым словом становится все более смертоносным. — Ты думаешь, что ты ребенок?

— Больше нет, — говорю я, и на этот раз мои глаза скользят к Эдуарду. Он ерзает на стуле, разглаживая галстук.

— Успокойся, Эдрик, — улыбается он, словно пытаюсь снять напряжение.

Пошел он.

И пошёл отец.

И даже Ларс, гребанный предатель.

— Прекрати. — голос мамы становится ломким. — Пожалуйста.

Через секунду папа оказывается рядом с ней, хватая ее за плечо.

Я поворачиваюсь, чтобы уйти. У меня нет времени на семейные драмы, и если я проведу еще одну секунду в одной комнате с Эдуардом ублюдком, я воткну нож ему в горло, и вновь убийство осуждается в девяноста девяти процентах культур.

— Ронан, не уходи, — умоляет мама.

— Я поговорю с тобой позже, мам.

— Нет никакого позже. — громкий голос отца останавливает меня на полпути. — Она умирает.

Я разворачиваюсь так быстро, что удивляюсь, как не падаю лицом вниз. Слова, которые он произнес, эхом отдаются в удушающей тишине, как приговор.

Теперь я вижу их в другом свете.

Отец кладет руки на плечи матери... ее бледное лицо и слезы в глазах..

Ларс смотрит на меня с печалью...

Он знал.

Он, блядь, знал.

— Что ты только что сказал? — шепчу я.

— У твоей матери рак матки, и она всегда страдала от иммунодефицита. Рак дал рецидив год назад, и операции не помогли.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что операции не помогли? И почему я узнаю об этом только сейчас?

— Это была моя инициатива. — мама встает и чуть не падает обратно.

Блядь. Когда она стала такой слабой? Почему я не заметил, что она обычно разговаривает со мной только сидя или в постели?

Я подбегаю к ней и заставляю ее сесть, а затем опускаюсь на колени рядом с ней.

Она откидывает мои волосы назад.

— Я попросила твоего отца и Ларса не говорить тебе. Ты был моим чудом, *top chou* — *мой малыш*. Когда я впервые вышла замуж за твоего отца, врач сказал мне, что я не могу иметь детей из-за моего иммунодефицитного расстройства. Четыре года спустя я узнала, что беременна, и умоляла твоего отца позволить мне родить тебя на свет. Девять месяцев спустя появился ты, и я была самой счастливой женщиной на свете. Ты дал мне привилегию стать матерью. В тот момент, когда медсестра положила тебя мне на руки, я заплакала, как ребенок, а ты улыбнулся. Это странно, не так ли? — ее голос срывается, и что-то в моем горле тоже. — Рак

начался, когда тебе было около восьми, и мы думали, что избавились от него тогда, но он вернулся в прошлом году. Вот почему мы отправляемся в эти поездки, *ton chou* — *мой малыш*. Ты такой молодой и живой, и я не хотела взваливать на тебя это бремя.

— Бремя? — мой голос срывается. — О чем ты говоришь? Ты моя мать.

— Это потому, что я твоя мать, и я должна защищать тебя. — слеза скатывается по ее щеке. — Но я больше не могу исчезать из твоей жизни. Я ненавижу это больше всего на свете.

— Ты не исчезнешь. — я смотрю на отца, который наблюдает за нами, нахмутив брови.

— На следующей неделе мы должны получить, — говорит он.

— Это хорошая новость, верно? — я смотрю между ними, и тишина почти душит меня.

— Врачи сказали, что у меня есть только пятнадцатипроцентный шанс на выживание, а раньше я терпела неудачу с вероятностью в пятьдесят процентов, так что у нас мало надежды.

— Но... но есть химиотерапия и...

— Нет, — обрывает мама. — Я больше не буду делать химиотерапию.

— Она отказывается от этого. — отец морщит лоб.

— А ты соглашаешься? — огрызаюсь я.

— Химиотерапия только отдалит меня от тебя, и тогда я умру в муках, не увидев твоего лица. — она обхватывает мою щеку ладонями. — Я не хочу этого.

— Я не оставлю тебя. — я крепче хватаю ее за руки. — Не делай этого, мам. Ты не можешь бросить меня. Я твое чудо, помнишь?

— Это потому, что ты мое чудо, что я хочу провести с тобой все оставшееся время... — она замолкает, рыдания застревают у нее в горле. — Пожалуйста, я умоляю вас с Эдриком не отнимать это у меня.

Она оставляет дрожащий поцелуй на моем виске, и ее слезы капают на мои щеки, когда она встает и начинает выходить из комнаты. Я пытаюсь помочь ей, но отец удерживает меня, положив руку мне на плечо.

Вместо этого он жестом велит Ларсу следовать за ней.

— Она чувствует себя слабой, когда не может ходить самостоятельно, — говорит мне отец после того, как она исчезает. — Психотерапевт говорит быть рядом с ней, не заставляя ее чувствовать себя слабой.

— Как ты мог не сказать мне об этом? — я выплескиваю весь свой гнев и разочарование на отца. — Как ты мог держать меня в неведении о чем-то столь важном, как это?

— Ты слышал ее. Она хотела этого таким образом.

— Или, может, ты заставил ее поверить, что она этого хочет. В конце концов, решения всегда принимаешь ты, и все остальные должны им следовать.

— Ронан, я понимаю, что это тяжело для тебя...

— Тяжело. — я смеюсь. — Попробуй что-нибудь сильнее, чем чертово слово «тяжело».

— Эдрик, я просто... — Эдуард жестом указывает на вход.

Черт.

Я все время забывал, что он был здесь.

— Нет, подожди, — папа указывает на него. — Мне нужно обсудить с тобой деловые решения. Останься на ночь.

— Деловые решения, — усмехаюсь я. — С дорогим дядей Эдом.

— Может, тебе нужно остудить голову, Ронан, — говорит отец.

— Блядь, быть может.

Я бросаю последний взгляд на Эдуарда, прежде чем вылететь из столовой. Я иду прямо в спальню родителей, но Ларс останавливает меня, прежде чем я вхожу, говоря, что маме нужно отдохнуть.

Я отвечаю, что мы не будем разговаривать, пока он не умрет, затем я иду в свою комнату, открываю ноутбук и просматриваю все о состоянии

мамы. Потом останавливаюсь и перевожу дыхание, потому что иногда, когда я читаю о последствиях и о том дерьме, через которое она прошла, кажется, что в комнате не хватает воздуха.

Я провожу так всю ночь, исследуя, а потом смотрю в потолок, думая, что потеряю маму, а потом снова возвращаюсь к исследованиям.

Рано утром я иду к Ларсу и говорю ему, что мы объявляем перемирие, чтобы он мог рассказать мне все, что знает. Очевидно, в ту кошмарную ночь мама и папа оставили меня не из-за вечеринки в честь Хэллоуина, а потому, что у мамы были сильные боли, и как только они добрались до больницы, ее госпитализировали и поставили диагноз.

Все зарубежные поездки были в частную клинику, где мама должна была оставаться со своим постоянным врачом.

Причина, по которой они вернулись после последней операции, заключается в том, что мама больше не могла оставаться в больнице и хотела быть со мной.

Ее депрессия уменьшилась с тех пор, как они вернулись, что, по словам ее врача, является хорошим знаком, но они ничего не узнают, пока на руках не окажутся результаты анализов.

— Не говорить вам было полностью выбором ее светлости, — говорит мне Ларс, закончив пересказ. — Не вините в этом своего отца. Он страдает так же сильно, как и она. Как вы думаете, почему он поручил этому негодяю заниматься бизнесом? Это для того, чтобы он мог посвятить все свое внимание вашей матери.

Я указываю на него пальцем.

— Перемирие окончено. Мы не разговариваем друг с другом.

— Чаю? — он предлагает мне чашку.

— Не разговариваем, Ларс.

Я выхожу из его кухни и вот так просто вновь оказываюсь перед ее комнатой.

Я кладу руку на дверь и на секунду чувствую себя тем ребенком, который позвал ее по имени и не получил ответа.

Я могу жить в мире, где я защищаю маму, пряча правду внутри, но как я могу жить в мире, где ее не существует?

Понятия не имею, как долго я стою, тяжело дыша, чувствуя, что вот-вот вспыхну.

Этого достаточно, чтобы я соскользнул на пол перед дверью, прислонившись спиной к дверному косяку. Этого достаточно, чтобы я заново пережил все истории, которые она рассказывала мне, когда я был ребенком.

У всех у них был счастливый конец, потому что в душе она всегда была романтиком.

Она всегда слишком сильно любила, слишком сильно заботилась, так какого черта это с ней происходит?

Шарлотта Астор одна из самых хороших людей. Она занимается благотворительностью. Она дает и ничего не берет взамен. Она любит и заботится, так какого хрена рак выбрал ее? Почему это не поразило такого подонка, как Эд?

Или даже меня?

Я достаю телефон и сразу перехожу к чату с Тил. Не нового сообщения.

Не имеет значения. Я могу позвонить ей, навестить ее.

К черту мою гордость.

Я нуждаюсь в ней так, как никогда и ни в чем раньше. Мне просто нужно обнять ее, и все.

Обнять.

Я звоню, но она не берет трубку.

Если она привязалась к навязчивым текстам, то это то, что она получит.

— Сэр. — тень Ларса падает на меня.

— Мы все еще не разговариваем.

— Сэр.

— И я не хочу гребаного чая.

— Ронан, — резко говорит он.

— Что? — огрызаюсь я, наконец-то поднимая на него взгляд.

Он протягивает сложенный листок бумаги кремового цвета.

— Я не знаю, где мой отец. Извините — *его светлость*.

— Он вышел на раннюю утреннюю встречу. — Ларс тычет письмом мне в лицо. — Это вам.

Мне? Кто, блядь, посылает письма?

— От кого? — я спрашиваю.

— Мисс Тил. — Ларс поднимает бровь. — Она ушла с его светлостью.

Тил прислала мне письмо, а потом куда-то ушла с папой? Зачем ей это делать?

Ах, черт.

Она ведь не думает о расторжении помолвки, не так ли?

Я открываю письмо, и мое сердце почти перестает биться.

Глава 31

Тил

Ронан, я никогда в жизни не писала писем, но ты сломал мои шаблоны во всем, так что имеет ли значение добавление письма в список? Верно?

Я пытаюсь пошутить, но, вероятно, не получается. Как ты знаешь, я немного неловкая в обществе.

Ты сказал в своем сообщении, что хотел бы, чтобы я доверяла тебе достаточно, чтобы позволить тебе увидеть мою боль. Дело не в том, что я тебе не доверяю, потому что я тебе доверяю. Это странно, но если бы ты стоял у подножия скалы, я бы упала с закрытыми глазами. Знаешь, почему? Потому что я знаю, что ты поймаешь меня.

Я знаю, что ты никогда не позволишь мне упасть на землю, или на самое дно, или что-то в этом роде.

Причина, по которой я не смогла выступить так, как это сделал ты, не в том, что я не доверяю тебе, а в том, что я не доверяю себе.

Я обманщица, Ронан. Я обручилась с тобой не из-за папиной компании, хотя это сыграло свою роль. Я обручилась с тобой по другим причинам, и все они связаны с болью, которую я отказываюсь показывать другим.

Боль это слабость, и я ненавижу думать или заново переживать тот последний раз, когда я была слаба.

Но сейчас я это сделаю, потому что надеюсь, что к тому времени, когда ты закончишь читать это письмо, ты сможешь понять, что не все люди одинаково справляются с болью.

Ты выходишь на люди. Я прячусь.

Для меня боль началась, когда я родилась дочерью проститутки. Мы с Ноксом умоляли ее отправить нас в школу, но она едва позволяла нам. Все, о чем заботилась наша мама, это наркотики и деньги, чтобы достать эти наркотики.

Она раздвигала ноги для любого, лишь бы получить следующую дозу героина. Ей было все равно, что мы все слышали или что мы прятались, чтобы не мешать мужчинам, которые выходили из ее комнаты.

Со временем у нее появились клиенты, которых интересовала не ее киска, а голые дети.

Или, скорее, один клиент.

Он приходил в ночи, когда мы спали, и заставлял нас раздеваться. Когда Нокс плакал, она била его и говорила, что либо мы делаем, как велено, либо не идём в школу.

Так что мы делали это.

Мы снимали одежду и стояли в темноте, пока этот мужчина издавал звуки мастурбации.

Конечно, тогда я ничего не знала об этом факте. Я была так наивна, что сказала Ноксу, что, может, ему больно. Мой брат велел мне заткнуться, потому что он понял, что происходит, раньше, чем я смогла. Его невинность была украдена раньше, чем моя.

Затем этот клиент исчез, и на этом все закончилось. Я думала, что все закончено.

Я ошибалась.

Однажды ночью я спала и почувствовала что-то мокрое и горячее на своей одежде.

Утром я в слезах пошла к маме, умоляя ее помочь мне. Она просто вымыла меня и сказала, чтобы я не двигалась и не плакала. Если бы я заплакала, она бы вышвырнула меня и Нокса вон, чтобы этот человек взял с собой.

В тот день я перестала плакать.

С тех пор я не плакала.

На вторую ночь его грязь была по всей моей обнаженной коже.

Потом это было у меня на лице.

Я никогда не разговаривала в те ночи. Я была неподвижной, пока он не заканчивал. Я была неподвижной, пока не почувствовала его горячую жидкость, потому что это означало, что все кончено.

Нокс нашел меня однажды ночью, когда мужчина пробирался к тому месту, где я спала. Он ударил его по голове, взял меня за руку, и мы побежали.

Мы не переставали бежать по улицам.

Мы бежали, чтобы ни мама, ни этот мужчина, ни люди, которые с ней работали, не смогли нас найти.

Но я не плакала, даже когда мать Эльзы заперла нас в своем подвале. По крайней мере, она не прикасалась к нам, а когда прикасалась, то однажды порезала колени, чтобы мы были похожи на ее сына.

По крайней мере, в том подвале мы были далеко от мамы и того мужчины.

Но знаешь что? Я могла находиться далеко, но я никогда не была далеко.

Этот мужчина и его горячая жидкость как бы жили со мной. Мне это снилось, снились кошмары об этом, и в каждом из них я не могла пошевелиться.

Я сидела совершенно неподвижно, как и приказывала мама.

Все, о чем я могла думать, был его голос, когда он разговаривал с мамой и давал ей деньги.

Я всегда выглядывала из своей комнаты, пытаясь разглядеть его лицо. Мама улыбалась, как чертова наркоманка, какой она была всякий раз, при виде него. Он был важным человеком и говорил не так, как люди в Бирмингеме. Он говорил как актер.

После того, как Итан забрал меня и Нокса к себе, я поставила перед собой задачу найти того человека из моих ночных кошмаров. Мужчину, который садился мне на грудь каждый раз, когда я спала.

Я искала его повсюду, но была слишком невежественна и слишком мала; я не знала, что делаю.

Я также понятия не имела, что скажу ему, если найду. Все, что я знала, это то, что мне нужно увидеть его, и когда я увижу, то придумаю, что сказать.

Я нашла его.

И я знаю, что хочу ему сказать.

Только это не слова. В тот момент, когда я увидела его, я точно поняла, что с ним сделаю.

Я убью его.

Это было так просто.

Он держал меня в плену всю жизнь. Я не могла вырваться на свободу, даже с терапевтами, или в семейной обстановке, или что-то в этом роде.

Я никогда никому об этом не рассказывала, но с таким же успехом ты можешь узнать об этом первым. Маленькая девочка, которую насильовали снова и снова, никогда не покидала меня. Ее тень сейчас сидит у меня на плече, говоря освободить ее, и я знаю, что не смогу этого сделать, если не убью его.

Эта девочка все время плачет, ее глаза пустые и преследующие, но я даже не могу плакать. Она не может говорить, но я могу. Она ничего не может поделать, но я могу.

Это мой долг. Вот почему я выросла. Почему я убежала. Почему я существую.

Это просто.

Но потом появился ты, и я подумала, что, может, я смогу существовать для чего-то другого. Может, я могла бы быть с тобой и впустить тебя.

Я хочу.

Ты не представляешь, как сильно я этого хочу, Ронан. Я никогда не чувствовала себя такой живой, как когда я с тобой. Я никогда не

просыпалась и не испытывала счастья, пока не поняла, что ты рядом со мной.

Ты единственный, кто придал моей жизни другой смысл, кроме мести. Ты поджог меня, и не убежал от пепла. Ты поцеловал меня и не хотел оставлять.

Я этого не заслуживаю.

Ты свет, несмотря на тьму. Ты надежда, несмотря на черные точки. Ты сильный, несмотря на слабость.

Ты не позволил этому человеку забрать твою жизнь. Но я позволила.

Дело в том, что мы встретились при неподходящих обстоятельствах, Ронан.

Я приблизилась к тебе не ради тебя. Я приблизилась к тебе из-за твоей фамилии.

Я приблизилась к тебе, потому что ты сын человека, которого я решила убить.

Твой отец забрал мою жизнь, а теперь я заберу его.

Мне так жаль тебя, Шарлотту и даже Ларса, но я не могу жить в мире, где существуют такие подонки, как Эдрик Астор.

Я знаю, что ты никогда не простишь меня, но надеюсь, что ты найдешь в себе силы понять меня.

То, что я чувствую к тебе, это больше, чем любовь. Это нечто подавляющее, но в то же время, придающее сил. Это вера в то, что я могу быть нормальной, даже когда я не знаю, что такое нормальность. Это улыбки и громкий смех без осознания этого.

Жаль, что мы не встретились при других обстоятельствах и под другими именами и фамилиями.

Хотела бы я каждый день просыпаться и видеть твое лицо.

Если существует следующая жизнь, давай встретимся там, хорошо?

Прощай,

Тил

Глава 32

Тил

Это просто.

Весь процесс прошел без сучка и задоринки. Мне пришлось несколько раз остановиться и посмотреть в зеркало заднего вида, ожидая увидеть полицейские машины, следующие за нами.

Их не оказалось.

Поездка в лес занимает у меня меньше пятнадцати минут. По дороге почти не было машин, никто не бродил вокруг этим ранним утром, и я стараюсь пользоваться пустынными маршрутами.

Никто не видел мужчину рядом со мной с закрытыми глазами и обмякшим телом. Если бы они увидели, то подумали бы, что он спит, а я просто везу его на прогулку.

Я везу его на прогулку — только не туда, куда он должен ехать.

Когда я позвонила Эдрику, чтобы встретиться, я сказала ему, что это срочно и касается Ронана. Он сразу же согласился.

Затем я поехала в особняк на Рейнджровере Нокса — я оставила ему записку и вроде как предложила ему купить новую машину.

После того, как я отдала Ларсу письмо, которое написала Ронану, тихий голос сказал мне, что я должна развернуться и уйти — просто пойти куда-нибудь, куда угодно. Я не обязана делать это или что-то еще, что за этим последовало.

Но маленькая девочка у меня на плече все еще плачет. Она не может остановиться, и я тоже.

Так что, я спросила Эдрика, не возражает ли он присоединиться ко мне в моей машине, потому что я не хотела говорить об этом в его доме. И снова он ничего не заподозрил, когда сел на пассажирское сиденье.

В тот момент, когда он посмотрел вниз, чтобы пристегнуть ремень безопасности, я воткнула иглу, которую уже приготовила, ему в шею, и не просто воткнула — я сделала это внутривенно.

С тех пор как я решила убить его, я расставляла свои домино по одной штучке. Я знала, как я убью его и как туда попаду. Я смотрела видео о внутривенных инъекциях и тренировалась на куклах. Я выучила все так тщательно, что могла бы делать это с закрытыми глазами.

Мое любимое лекарство рокуроний парализующее, быстрое и длительное. Оно выдаётся только по рецепту, но, когда я спросила Агнуса, может ли он найти способ достать его, он принес мне две бутылки на следующий день, не задавая вопросов. Вот что мне нравится в Агнусе — его способность понимать. Он сказал позвонить ему, а не папе, если я что-нибудь сделаю.

Я никому не буду звонить.

Препарат подействовал на Эдрика в течение минуты. Я до сих пор помню растерянное выражение его лица после укола, когда он медленно обернулся.

Он не понимал, что произошло.

Он не понимал, что я способна так поступить с ним.

С тех пор я не смотрела ему в лицо. Я все еще не смотрю.

Все, что я делаю, это веду машину.

В какой-то момент у меня слишком кружится голова; что немного настораживает. Как будто я не чувствую своего лица, конечностей или чего-то еще.

С той дозой, которую я ему ввела, у меня есть примерно двадцать-тридцать минут, пока он полностью не придет в сознание. Конечно, я могла бы найти яд, ввести ему его и покончить с этим.

Но это слишком спокойно, слишком легко.

Кроме того, ему нужно знать, за какие грехи он расплачивается.

Его конечности начинают подергиваться, как и веки. Это реакция, которая означает, что действие препарата постепенно начинает ослабевать. У меня еще одна игла наготове, так что, когда он встретит свой конец, он не сможет пошевелить ни единым мускулом.

Как я.

Как маленькая девочка, плачущая у меня на плече.

Он умрет, не в силах ничего с этим поделать, как и я не могла.

Это не месть. Это чертова карма.

Я жму на тормоза прямо на вершине холма. Вдалеке видны огни раннего утра. Сегодня облака такие густые и серые, будто в трауре.

Сделав глубокий вдох, я поворачиваюсь к нему лицом.

Его глаза открыты, но он не может повернуться, чтобы посмотреть на меня. Он просто смотрит вперед, как зомби с торчащими мозгами.

— Ты умрешь, Эдрик, — говорю я нейтральным тоном, зная, что действие наркотика ослабевает, и он может услышать меня, даже если не в состоянии пошевелиться. — Это кошмар хотеть двигаться, но не иметь возможности, не так ли? — я продолжаю. — Вот что я чувствовала каждый раз, когда ты входил в мою комнату и дрочил на мое тело. Вот как я замирала, когда твоя сперма покрывала мою кожу.

Он издает неразборчивый звук, но все, что ему удастся выдать, это слюни, которые стекают по его подбородку. Я не могу понять, что он имеет в виду под этим — не то, чтобы это имело значение. На этот раз все дело во мне, а не в нем.

— Я тоже кричала в своей голове, точно так же, как, я уверена, ты сейчас кричишь. Но знаешь, что происходит, когда ты кричишь, а звука не издаётся? Ты вроде как перестаешь кричать, перестаешь быть заметным, и довольно скоро ты перестаешь существовать. Ты хочешь как-то избавиться от этого, но не можешь ни плакать, ни говорить, ни даже дышать. Вот так я жила последние одиннадцать лет, как тень самой себя, призрак того, кем я должна была быть.

Я была так ошеломлена, что переспала с бесчисленным количеством мужчин, как только смогла. Я потеряла девственность в тринадцать, просто чтобы избавиться от оцепенения и доказать, что я не фриг, доказать, что я могу чувствовать, но сколько бы секса у меня ни было, оцепенение никогда не уходило. Оно здесь, в каждом гребаном моменте, в каждой секунде бодрствования и даже во сне. До... Ронана.

Мой голос срывается, и я прочищаю горло, чтобы он этого не услышал.

— Это еще одна причина, по которой я тебя ненавижу. Ты не просто украл мое детство — ты также забрал детство Ронана. Почему он должен был быть твоим сыном? Почему единственный человек, который имеет смысл, твой чертов наследник? Знаешь ли ты, в чем ирония судьбы? Пока ты был поглощен своей педофильской деятельностью со мной, к твоему собственному сыну приставали.

Звуки, которые он издает, становятся громче, его бормочущие слова сменяют друг друга, но все еще неразборчивы. Ремень безопасности удерживает его на месте, так что он не смог бы пошевелить ни единым мускулом, даже если бы попытался.

— Верно. — я невесело смеюсь. — Ты этого не знаешь, потому что ты не только испорченный человек, но и ужасный отец. Да, Эдрик, к Ронану приставали в ту ночь Хэллоуина, когда он переоделся в Дракулу, а ты оставил его. Вот почему он иногда бывает таким чрезмерно радостным. Это его защитный механизм, когда воспоминаний становится слишком много, точно так же, как это мой защитный механизм, который нужно запустить, чтобы доказать, что я действительно существую.

Его пальцы дергаются, и он почти поднимает руку, но вскоре она безвольно падает рядом с ним.

— *Нееееет...* — бормочет он, звук почти навязчивый.

— Да, — говорю я. — А теперь я должна стереть тебя с лица земли. Знаешь, мой первоначальный план состоял в том, чтобы убить тебя, а потом

уйти, путешествовать и жить той жизнью, которую ты у меня отнял. Но я больше не могу этого сделать. Знаешь, почему?

Он издает еще один звук, и на этот раз я подношу иглу к его горлу. Это заставляет его прекратить свои попытки пошевелиться.

— Потому что я не могу жить в мире, где Ронан ненавидит меня. Я не могу быть там после убийства его отца и знать, какую боль я ему причинила.

Слеза скатывается по моей щеке, и я чувствую вкус соли.

Я замолкаю, мои глаза расширяются.

Слеза.

Моя первая слеза за себя за последние десять лет.

Эдрик тоже смотрит на меня, как будто чувствует мою боль и то, как реальность вещей режет меня изнутри, и я никак не могу это остановить.

Только он ничего не чувствует. Он монстр.

— Почему это должен был быть ты? Почему?

Он не отвечает. Он не может.

— Это конец, Эдрик. Все заканчивается так же, как и началось. — я нажимаю. — Увидимся в аду.

Я не могу жить в мире, где Ронан ненавидит меня, так что будет справедливо, если я заплачу за свои грехи в этой жизни.

Куда Эдрик, туда и я.

Может, там я освобожусь.

Может, там я подумаю о жизни, в которой мы с Ронаном должны были быть вместе.

Мне жаль, Ронан. Мне так жаль.

Глава 33

Ронан

Блядь.

Блядь, блядь.

Ладно, может, если бы я мог выбросить это слово из своих непосредственных мыслей, я действительно мог бы мыслить здраво и функционировать.

Блядь!

Я вскакиваю на ноги и несусь на кухню, комкая письмо, которое оставила мне Тил, в пальцах и засовывая его в карман. Я не мог выбросить ее слова из головы, даже если бы попытался. Есть этот постоянный звук, который не заканчивается и не прекращается.

Плач маленькой девочки.

Мое дыхание становится глубже при мысли о том, что с ней случилось, и о том, как был украден ее голос, слезы и чувства.

Это была не только ее невинность, это была ее жизненная сущность. Неудивительно, что она строила стены и крепости и делала все возможное, чтобы держаться подальше.

Я ничто по сравнению с этим. У меня были родители, даже если они отсутствовали. У нее никого не было. Ее единственный родитель был монстром.

И теперь она думает, что мой отец тоже монстр.

Это не так.

У нас с Эдриком могут быть некоторые проблемы — ладно, их много, и все они связаны с его жестким характером и тем, как он украл у меня маму, — но он не педофил.

Он не болен.

Кроме того, он был слишком занят с мамой в течение описанного Тил периода времени. Он не ездил в Бирмингем и никогда не проводил десять минут вдали от мамы.

Я знаю, потому что в то время я ненавидел его. Я ненавидел то, как он не позволял мне оставаться в маминой комнате. Я всегда думал, что он контролирует ее, но оказалось, что он всего лишь уважал ее желание.

Однако я знаю, кто поехал в Бирмингем от имени отца. Я знаю, кто занимался бизнесом и использовал фамилию Астор так, как считал нужным.

Он сидит за кухонным столом. Он, конечно, не уехал. Если папа говорит, что хочет с ним поговорить, и есть возможность для нового бизнеса, Эдуард, ублюдок, хандрит, как собака, ожидающая кости.

Ларс замечает меня первым и отводит свой односторонний взгляд в сторону Эдуарда. Последний уткнулся носом в свои английские булочки с беконом.

Ларс никогда не скрывал того факта, что ему не нравится Эдуард, но поскольку он никогда на самом деле не подтверждал, что произошло той ночью, он не мог быть информатором отца. Не говоря уже о том факте, что я бы, блядь, убил его, если бы он выдал мой секрет отцу без моего ведома.

У него и так мало очков за то, что он скрывает мамину болезнь.

Эдуард поднимает голову от тарелки и поддерживает зрительный контакт. Довольно скоро в его мягких зеленых глазах появляется блеск, и головокружение выходит на сцену.

Он всегда вел себя так со мной, будто я щенок, которого он потерял, и он хочет вернуть его любой ценой.

На секунду возникает желание схватить кухонный нож, воткнуть его прямо ему в глаза и выколоть их к чертовой матери.

Или его кишечник.

Этот ублюдок не только разрушил мою жизнь, он также разрушил жизнь Тил. Возможно, я был готов забыть о себе ради своих родителей, но Тил это совсем другая история.

Тил станет причиной его гребаной кончины.

— Доброе утро, дорогой племянник...

Я врезаю кулаком по его носу. Он вскрикивает и падает со стула, отчего тарелка с грохотом падает.

Прежде чем он успевает встать на ноги, я снова бью его кулаком. Он вопит, зажимая кровоточащий нос.

— Что, черт возьми, с тобой не так...

Я наношу еще один удар в лицо.

— Это за меня. — *удар*. — За каждый гребаный раз, когда я чувствовал себя отвратительно в собственной шкуре. — *удар*. — За то, что предал доверие моих родителей. — *удар*. — За все те разы, когда мне снились эти кошмары, и я думал, что мир это пустая дыра, как в ту ночь.

К тому времени, как я заканчиваю с ним, он уже на полу. Он брызгает собственной кровью, и она капает у него изо рта и носа, смешиваясь со слюной и собираясь лужицей на мраморном полу.

— Р-Ронан... — он давится словами. — Это было очень давно. С тех пор я этого не делал. Я... я клянусь.

— Что насчет маленькой девочки в Бирмингеме? — мой голос холодный, такой холодный, что я говорю почти как отец. — Помнишь ее?

— Ч-что?

Эдуард стоит на четвереньках, как животное, которым он и является, поэтому, когда он смотрит на меня растерянными глазами и кровь портит его черты, я почти верю, что он не помнит.

Я почти верю, что он этого не делал.

Но дело в том, что Эдуард ебанный лжец. Он так хорошо отточил это, оставаясь незамеченным в толпе. Он монстр, которого ты никогда не увидишь, пока он не вцепится в тебя своими когтями, готовый разорвать на части.

Возможно, это потому, что я уже видел его образ монстра, но Эдуард не обманывал меня с той ночи.

В его глазах есть эта болезненная искра, словно он вновь переживает насилие, наслаждается им, находит удовлетворение в воспоминаниях.

И только по этой причине я так близок к тому, чтобы вонзить нож в его уродское сердце — то есть, если бы оно у него было.

— Бирмингем, Эдуард. Проклятый Бирмингем. — я пинаю его в живот, заставляя его упасть.

Когда он пытается встать, я снова пинаю его, пока в воздухе не раздастся хруст костей.

Он вопит:

— Ларс, ты гребаный идиот, останови его.

Через секунду Ларс появляется рядом со мной, и я тоже готов ударить его, если он попытается встать у меня на пути.

Ларс, однако, с нейтральным, снобистским выражением лица протягивает мне салфетку.

— У вас грязная кровь на руках, юный лорд.

— Л-Ларс! — Эдуард визжит, а потом все заканчивается громким воплем, когда я пинаю его в ребра.

— Это давно назрело. — Ларс отходит в сторону. — Я здесь, если вам понадобится какая-либо помощь.

— Х-хорошо, хорошо! Остановись! — Эдуард отползает от меня, прячась за стулом, как маленький ребенок с проблемами. — Единственными, к кому я прикасался в Бирмингеме, были чертово шлюхи. Они не имели значения.

— Шлюхи? — я повторяю. — В какой вселенной дети считаются шлюхами?

— Их мать продавала их. Кроме того, я не вступал в половую связь и не заставлял этого ребенка прикасаться ко мне, как с другими. Ей было легко — какого черта ты ноешь по этому поводу? Я не похищал и не насиловал ее. — он усмехается. — Я настоящий джентльмен.

Я поднимаю стул и опускаю его ему на голову, отчего доски разлетается на куски. Он безвольно падает на пол, кровь сочится из раны у него на затылке.

Я дышу так хрипло, что даже не могу понять, что я сделал.

Он мертв?

Я убил его?

В тот момент, когда он так заговорил о ней, я не смог остановиться. Вспыхнуло побуждение, а затем появился только один способ действий.

Ларс опускается на колени рядом с ним, проверяя его шею своими белыми перчатками.

— Он просто потерял сознание. Его пульс ровный.

Я сжимаю челюсти, и на мгновение у меня возникает желание прикончить его раз и навсегда, но, прежде чем я смогу это сделать, Тил должна узнать правду.

У нее не тот брат. Папа никогда не был преступником, даже если и приютил его у себя.

Я звоню ей, но она не берет трубку. *Только не снова. Блядь.*

Я ругаюсь себе под нос, но тут мой телефон вибрирует.

Нокс.

Никогда в жизни я не отвечал так быстро.

— Ты знаешь, куда уехала Тил?

— Нет. — он звучит взволнованно. — Но она взяла мою машину и оставила чертову записку, в которой говорится, что она любит меня и ей жаль. Тил так не говорит, дружище. Кроме того, Агнус только что сказал мне, что дал ей какой-то парализующий препарат.

Этот ублюдок.

— Она вела себя странно прошлой ночью, — продолжает он. — Я не должен был оставлять ее одну.

— Хорошо, хорошо, мы найдем ее. — я меряю шагами кухню. — Есть идеи, где она может быть?

— Нет, но у меня GPS-трекер на машине, или, скорее, у папы, чтобы он мог найти меня, когда захочет. Я пошлю тебе сигнал — он ближе к тебе.

Слава Богу.

— Что вы собираетесь с ним делать? Его кровь портит мою кухню, — спрашивает Ларс после того, как я вешаю трубку.

Он смотрит на Эдуарда сверху вниз, словно мысленно точит лучший нож в своей коллекции, чтобы вонзить его в грудь.

— У тебя есть веревка? — я спрашиваю.

Он улыбается.

— Конечно, сэр.

Надеюсь, я не слишком опоздал.

Не делай этого, Тил. Не совершай ошибку.

Глава 34

Тил

Мои пальцы зависают на кнопке двигателя.

Я не могу.

Нет, я могу.

Это то, ради чего я прожила всю свою жизнь. Это моя миссия в жизни, причина, по которой я существую.

Тень девочки на моем плече умоляет меня идти дальше, сильнее давить на газ. Я должна, я должна...

— Шар... Лотта.. Ронан... — бормочет Эдрик рядом со мной.

Его нога дергается вперед, но вскоре падает.

— Заткнись. — я отпускаю руль и хватаюсь за иглу. — Ты не можешь играть со мной в игру жертвы. Ты не можешь использовать Шарлотту или Ронана.

Он смотрит на меня, но в его глазах нет страха или безумия, как я ожидала. Во всяком случае, он выглядит печальным, даже подавленным.

— ...н-напиши что-нибудь е-ей...

— Зачем прощаться? Мы с Ноксом не попрощались. Мы не могли. Нам пришлось убежать, чтобы ты больше никогда не подходил ко мне.

— Н-нет... не я...

— Ты даже не признаешься в этом? — мой голос повышается. — Занавеси упали, Эдрик. Нет никого, кто мог бы спасти тебя.

Или меня.

Я уже выбрала свой путь. Я не могу передумать.

Раздается стук в дверь, и я вздрагиваю. *Дерьмо.* Никто не должен заходить так далеко.

Я включаю зажигание и начинаю действовать.

— Тил! — голос Ронана доносится из окна, приглушенный, но сильный.

Мои лопатки сводит вместе.

Что он здесь делает? Как он нашел меня? Он не должен был меня найти.

Не смотри на него.

Не смей смотреть на него.

Я медленно закрываю глаза. Если я посмотрю на него, я не смогу пройти через это.

Если я посмотрю на него, у меня возникнет искушение бросить все и броситься в его объятия, но это только уничтожит меня в долгосрочной перспективе.

— Тил! — он стучит в окно. — Открой.

Я этого не делаю.

Я не открою.

— *Ma belle* — *Моя красавица...* пожалуйста, посмотри на меня. — его голос смягчается, и что-то внутри меня ломается.

Это ломается от его прозвища для меня и от того, как он называет меня своей красавицей.

Слезы текут по щекам. Я не смогла бы остановить их, даже если бы захотела. Я так долго держала их в заложниках, а теперь они вырываются.

Я нажимаю на кнопку, и звук опускающегося окна эхом отдается в тишине утра. Однако я не смотрю на него. Чувствую, что если я посмотрю, то разрыдаюсь, а я не могу этого допустить.

— Тил, — уговаривает Ронан. — Ты можешь заглушить двигатель?

— Нет. — мой голос дрожит при этом слове.

— Эй.. я знаю, как тебе больно. Не буду притворяться, что понимаю все это, но кое-что я понимаю. Однако ты совершаешь огромную ошибку, Тил. Это не мой отец.

На этот раз я действительно смотрю на него, мои вены чуть не выскакивают из шеи от напряжения.

Как он смеет говорить, что это ошибка?

То, что это его отец, не значит, что он этого не делал.

Я сожалею, что сразу подняла голову. Ронан держит на руках полубессознательного Эдуарда, его лицо почти неузнаваемо. Кровь стекает по его вискам, подбородку и уродливому костюму.

— Это был этот ублюдок. — челюсть Ронана сжимается. — Он единственный педофил в нашей семье.

У меня отвисает челюсть, когда Ронан рассказывает мне историю о том, как его дядя ездил в Бирмингем и как Шарлотта в то время болела, поэтому Эдрик не отходил от нее ни на минуту.

Я не могу сосредоточиться. На секунду дольше, чем нужно, я просто смотрю вперед, пока кусочки складываются вместе.

Вот почему Эдуард показался мне знакомым, когда разговаривал с Ронаном в его комнате в тот день... Тембр его голоса, его спина. Я ахаю, когда до меня доходят остальные слова Ронана.

Единственный педофил в нашей семье.

Это тот человек приставал к Ронану, не так ли?

Почему я думала, что секрет в том, что Эдуард был биологическим отцом Ронана? Он не мог; сходство между Эдриком и Ронаном неоспоримо. Я всего лишь пыталась любым возможным способом перестать связывать источник моей боли с источником моего счастья.

Мой взгляд мечется между Эдуардом и Эдриком, чьи глаза полны слез. Он тоже это понял.

Я глушу двигатель. Мои собственные глаза, блядь, не перестают течь, и у меня нет желания вытирать слезы.

— Э-Эдрик... — Эдуард умоляет. — Останови безумие своего сына.

Мою кожу покалывает от всех эмоций, которые я направила не на того человека.

Этот ублюдок все это время прятался у всех на виду. Я планировала гибель Эдрика, когда он ничего не сделал.

Боже, что я наделала?

— Я-я с-собираюсь у-убить тебя, Эдуард, — Эдрику удастся выдавить из себя сквозь стиснутые челюсти.

При этих словах лицо его брата бледнеет.

Наступает осознание сделанного. Он знает, он просто знает, что его судьба в руках Эдрика будет хуже всего, что с ним можно было бы сделать.

— Эдрик... Ты веришь в эту чушь? — голос Эдуарда дрожит.

Его буквально трясет.

— Убью. Тебя. — бормочет Эдрик.

— Я тоже подвергался насилию, — умоляет Эдуард, все еще испытывая дрожь. — Я... мой первый отчим делал со мной подобные вещи, Эдрик. Твой отец спас меня. Думаешь, я хочу быть таким? Думаешь, мне это нравится?

— Но ты действовал в соответствии с этим. — Ронан трясет его, будто он мешок с картошкой. — Дает ли тебе травма право травмировать других?

— Я заставлю тебя пожалеть о том дне, когда ты родился. — голос Эдрика теперь звучит яснее, действие наркотика едва заметно. — Я буду избивать тебя, ломать тебя, пока ты не решишь пустить пулю себе в голову.

— Эдрик.. — голос Эдуарда срывается. — Ты не можешь этого сделать. Я твой единственный брат.

— У меня нет брата.

Это выводит Эдуарда из себя.

Его черты искажаются, и из-за крови кажется, что кто-то размазал ее по всему лицу, и теперь он превращается в монстра.

Или, скорее, он раскрывает монстра, который сидел внутри него все это время.

— Если ты хочешь кого-то обвинить, вини своего милого маленького ребенка. — его взгляд скользит по Ронану, и он ухмыляется. — Ты был

запретным плодом, которого я никогда не мог получить из-за этого чертового Ларса, так что ты знаешь, что я сделал, мой дорогой племянник?

— Заткнись, — командует Ронан, стиснув зубы.

— Нет, пришло время правды, так что давай сделаем это. — он смеется, показывая свой окровавленный рот. — Я фантазировал о твоём теле, о твоих маленьких ручках и маленьком пенисе. Я дрочил на твою фотографию больше раз, чем мог сосчитать, мой милый маленький племянник. Поэтому, когда я не смог заполучить тебя, я нашел другие маленькие ручки, похожие на твои, и убедился, что могу пометить их кожу. Они не кусались и не бились, как ты, так что я сделал это за них. Хотя они плакали — за исключением этой. — он указывает на меня, но не отрывает своего внимания от Ронана. — Я помню ее — конечно, я не забыл. Она была одной из тихих, из тех, кто не произносил ни слова. Я не запятнал тебя, мой маленький мальчик. Разве я не хороший дядя?

— Ты, блядь...

Эдуард обрывает Ронана.

— Если ты хочешь обвинить кого-то, вини себя. Ты причина всех их травм. Если бы ты позволил мне прикоснуться к тебе, я бы не погубил других детей. Это твоя вина, Ронан, — только твоя. Когда ты будешь обнимать свою прекрасную невесту, я хочу, чтобы ты помнил, что я кончил ей в киску, потому что не мог обладать тобой.

Ронан рычит и тащит Эдуарда к обрыву. Я открываю дверь и бегу за ним, прежде чем даже осознаю это.

Он держит своего дядю за воротник на краю.

— Попрошайся, Эдуард.

— Ты убьешь меня, и что потом? — Эдуард смеется, как сумасшедший из психушки. — Сможешь ли смириться с тем фактом, что ты стоишь за всеми этими детскими страданиями?

— Заткнись нахуй, — рычит Ронан.

— Это ты, мой маленький племянник. Это все из-за тебя.

— Нет. — мой голос переполнен эмоциями, когда я останавливаюсь на небольшом расстоянии, боясь спровоцировать Ронана, если подойду ближе.

— Это не ты, Ронан. Это он. Ты не несёшь ответственности за его выбор и его действия. Ты жертва, он нападавший.

Ронан тяжело дышит, его грудь поднимается и опускается так быстро, что я боюсь, что с ним что-то случится.

— Это не ты, — повторяю я, медленно приближаясь к нему.

Моя рука находит его, и он позволяет мне прикоснуться к нему. Он не вздрагивает и не отталкивает.

Тепло разливается в моей груди, когда я медленно встаю рядом с ним, мое сердце бьется громко и быстро.

Пальцы Ронана начинают разжиматься вокруг пальцев Эдуарда, и я медленно выдыхаю. Дело не в том, что я беспокоюсь об этом ублюдке; я просто не позволю Ронану стать убийцей из-за него.

Я хорошо справляюсь с тем, чтобы стать им, но Ронан не может. Он чопорный, правильный и... легкий. Он мой свет, и я не позволю никакой тьме оторвать его от меня.

Дверь машины открывается, и Эдрик медленно выходит.

Легкое волнение этой сцены отвлекает меня на секунду.

Этого достаточно, чтобы все закончилось.

Этого достаточно, чтобы мой мир перевернулся с ног на голову.

— Знаешь что? Если я не могу заполучить тебя, то почему кто-то должен? — Эдуард обхватывает связанными руками шею Ронана сзади. — Пока смерть не разлучит нас, мой маленький племянник.

А потом он тянет Ронана за собой с обрыва.

Глава 35

Эдрик

Рождение с титулом влечет за собой ответственность.

Меня воспитали так, чтобы я верил в две вещи. Первое, в фамилию Астор. Второе, не показывал эмоций, поддерживая фамилию Астор.

Моей жизнью правили строгие традиции и ожидания. Моего отца считали позором за то, что он женился на простолюдинке после смерти моей матери.

Я считал его храбрым.

Но я знал, что мне не простят такой ошибки. Два поколения подряд убили бы уважение, которое мы собирали годами.

Вот почему я женился на человеке со статусом. Мне повезло, что женщина, с которой я связал себя узами, была не той женщиной, которую мой отец изначально планировал для меня.

Чего Шарлотта не знает, так это того, что я впервые увидел ее на одном из банкетов отца. Она была такой жизнерадостной душой, которая заставляла меня чувствовать что-то другое, кроме постоянного давления долга.

Я тот, кто вбил отцу в голову устроить брак с ее отцом, но так как у нее была старшая сестра, я должен был жениться на ней. Я нашел решение, способ обойти это, как только заметил ненормальный интерес Селин к машине ее отца. Я подошел к ней с улыбкой и призвал ее следовать зову сердца.

У меня не было никаких сомнений в неудаче, потому что Селин была предприимчивой, романтической и очень влюбленной. Я только сделал этот шаг, прекрасно зная, что она согласится. Она так и сделала и сбежала.

В результате моего тщательно продуманного плана я оказался с Шарлоттой.

Сначала она ненавидела меня и думала, что я слишком горд и высокомерен — ее слова, не мои, — и она не переставала напоминать мне об этом факте. Однако я не сдавался, и в конце концов моя прекрасная жена нашла время, чтобы приостановить свои осуждающие суждения, и остановилась, чтобы увидеть меня. Когда она это сделала, я наконец-то овладел ею.

Шарлотта причина моего счастья. Она единственный человек, который способен заставить меня меньше думать о долге, а больше о жизни.

Она и есть жизнь.

Или, скорее, центр моей жизни.

Когда врач сказал, что ее здоровье может не позволить ей родить детей, я пошел против правил моей семьи о деторождении и сказал ей, что они мне не нужны. Ее здоровье и жизнь были для меня важнее, чем любая глупая необходимость сохранить фамилию Астор живой.

Когда она забеременела, она умоляла меня оставить ребенка. Она сказала, что хочет подарить нам обоим чудо.

И она это сделала. Вот как Ронан появился на свет.

Наша первая встреча с ним произошла благодаря улыбке. Я никогда не чувствовал себя более гордым, чем в тот момент, когда встретил своего прекрасного мальчика.

Он и Шарлотта — моя жизнь, хотя я, по общему признанию, плохо это показываю. Я положился на эмоциональную натуру Шарлотты. Я слишком напряжен, пока она слишком далеко, поэтому ее эмоции лучше доходили до него.

Однако раньше я чувствовал, что мы с Ронаном связаны, хотя почти не общались. Он прижимался ко мне и рассказывал обо всех драконах, которых он убил в своих видеоиграх. Он спрашивал меня о вещах и жаловался, что Ларс заставляет его пить молоко.

Затем он прекратил.

Вот так просто мой сын перестал приходить ко мне. Он прекратил говорить со мной о своих драконах, молоке и друзьях.

Однако он никогда не прекращал говорить Шарлотте. Я списал это на тот факт, что он всегда чувствовал себя ближе к ней, и, хотя это задело, я оставил его наедине с самим собой.

Здоровье Шарлотты занимало все мое время и внимание, и из-за этого я пренебрегал Ронаном. Я думал, что он взрослый и что он все равно предпочитает Ларса. В конце концов, Ронан говорил с ним больше, чем когда-либо говорил со мной.

Моя жена сказала мне, что он уважает меня как отца, и я мог бы сблизиться с ним, если бы попытался, но я отмахнулся от нее. Возможно, я боялся, что он закроется от меня, как я закрылся от своего отца, когда он привел мачеху и сводного брата всего через год после смерти матери.

Я знаю, каково это иметь напряженные отношения с отцом, и я не хотел повторять это со своим сыном.

Не успел я опомниться, как Ронан стал таким же высоким, как я, и таким же гордым. Он никогда не раскрывал своих истинных чувств и отклонял все мои вопросы.

После того, как я услышал Тил в машине, все остальное встало на места. Я вспомнил, как Ронан не присоединился ко мне за обедом, когда Эдуард был рядом, но остался бы, если бы Шарлотта была там. Он делал это незаметно, стараясь, чтобы никто не заметил его дискомфорта. Он смеялся и шутил, как обычно, но теперь я знаю, что он доказывал, что с ним все в порядке.

Он делал это с тех пор, как был мальчиком. Мой сын притворялся, что с ним все в порядке, с восьми лет.

Это было примерно в то время, когда он перестал приходить ко мне.

Я всегда думал, что вечеринки и травка должны были что-то доказать, но предположил, что это был его способ избавиться от давления. Я никогда

не думал, что это из-за того, что я открыл свой дом и свой бизнес насильнику моего сына.

Не только моего сына, но и многих других детей.

Эдуард всегда был немного безответственным, но усердно работал, когда я ему говорил. Он смотрел на меня снизу вверх и делал, как я приказывал. С ним всегда были женщины, но я должен был догадаться по тому, как он демонстрировал их в качестве призов, что они могут быть маскировкой.

Эдуард и Ронан похожи в том, чтобы прятаться, притворяться, но я из всех людей не должен был этого пропустить.

Я могу винить в этом свою озабоченность болезнью Шарлотты, но это ни при каких обстоятельствах не прощает того факта, что я подвел своего сына.

Он нуждался в своем отце, а я не дал ему этого.

Он нуждался в устранении Эдуарда, а я привел его обратно.

Он нуждался, чтобы кто-то выслушал его, а меня не было рядом.

Если Шарлотта узнает об этом, она так глубоко погрузится в депрессию, что ее уже будет не спасти.

Как и я, она придёт к выводу, что подвела свое чудо. Она будет винить себя за то, что не заметила этого раньше, и решит, что она ужасная мать. Это не так. Она просто была больна. Она жертвует тем, что, возможно, является ее последним шансом на лечение, чтобы остаться с Ронаном, потому что, как она мне сказала, она не может умереть, не подарив ему самые счастливые воспоминания.

Шарлотта не узнает. Я буду тем, кто это исправит.

Я все исправлю.

Начиная с беспорядка, который оставил после себя Эдуард.

Возможно, тогда мое чудо простит меня.

Глава 36

Тил

Я не помню, как долго я сижу в больничном кресле, но этого достаточно, чтобы я заплакала.

Этого достаточно, чтобы я не переставала плакать.

Нокс догнал нас в лесу и держал меня всю дорогу, но я не переставала плакать, даже после того, как папа, Агнус и Эльза последовали за мной.

Я плачу, как ребенок. Я плачу, как будто только начинаю понимать, что значит плакать.

Мы сидим здесь, кажется, целую вечность. Время ожидания тянется и тянется, словно где-то вдалеке назревает гибель.

Ребята приехали ко мне. Эйден, Ксандер и Коул стоят в углу, склонив головы. Они не сказали друг другу ни слова, словно боялись, что это нарушит какой бы то ни было транс, охвативший зону ожидания.

Ларс тоже проходит мимо, его брови нахмурены, а снобистское выражение исчезло. Я понимаю, что это беспокойство. Он волнуется.

Не знаю, почему, но это заставляет меня зарыдать еще сильнее. Если Ларс, который почти не проявляет никаких эмоций, осознает, насколько все плохо, это становится ужасным.

— Все будет хорошо, Ти, — Нокс прижимает меня к себе. — Давай, сестренка, перестань плакать.

— Я не могу. — я икаю.

Моя голова болит от безжалостных слез. В тот момент, когда я испытываю небольшое облегчение, я думаю о Ронане, и на меня накатывает новая волна.

Все просто, вот так.

Я не думаю ни об Эдуарде, ни о том, что я сделала с Эдриком, ни о себе, своей жизни, ни о чем другом из этого.

Я думаю только о нем.

— Ч-что, если я потеряю его, Нокс? — я говорю сквозь слезы. — О чем я только думала? Что я наделала?

— Эй, этот ублюдок уменьшил свое падение, хорошо? — говорит Нокс. — Ронан дышал, когда медики вытащили его. С ним все будет в порядке.

— Но что, если нет? Что, если... что, если...

Боже, я даже не могу произнести эти слова. Я не хочу думать о них, но это единственное, что запечатлелось в моей голове.

Тени на моем плече больше нет. Маленькая девочка исчезла в тот момент, когда Эдуард упал с обрыва, но есть и другие вещи в ее пользу. Такие вещи, как мрачные мысли и черный дым.

— Тил? — из угла доносится голос Эдрика. — Заходи. Ты можешь увидеть его.

Я резко встаю, мое сердце бьется в груди то синхронно, то неровно. Я бегу в палату, затем останавливаюсь перед отцом Ронана, глотая соленые слезы.

— Э-Эдрик, мне так жаль...

— Не беспокойся. — он улыбается. — Во всяком случае, я тот, кто должен сожалеть о тебе. Я должен был заметить это раньше.

Я качаю головой, не зная, что сказать.

— Мы поговорим позже. — он указывает на палату. — Входи.

Я толкаю дверь и на цыпочках вхожу внутрь, как будто прохожу через место преступления — и я вполне могу.

Образ того, как Эдуард потащил Ронана за собой, продолжает мелькать у меня перед глазами. Я протянула к нему руку, но все, что я смогла поймать, был разреженный воздух.

В этот момент время остановилось, и мне захотелось повернуть его вспять и не делать того, что я сделала. Я пожалела, что не расследовала действия Эдрика до того, как спланировала его гибель.

Но больше всего я жалела, что не выбрала Ронана. Я пожалела, что не забрала его и не начала с ним все заново.

Первое, что встречает меня в палате, это сильный свет. Вскоре после этого появляются синяки на полуобнаженной груди Ронана и гипс на его руке.

На его красивом лице несколько синих синяков. Его вид заставляет меня икнуть, когда я приближаюсь к нему нетвердыми шагами. Я не смогла бы остановить поток слез, даже если бы попыталась.

— Почему ты выглядишь красивой, даже когда плачешь, *belle* — *красавица*? — дразнит он хриплым голосом.

Я падаю рядом с ним на кровать, шмыгая носом и пытаюсь взять чувства под контроль. Я с треском проваливаюсь и заканчиваю болтовней.

— Мне жаль. Мне так жаль, я не хотела причинять боль твоему отцу или заставлять тебя проходить через это. Я была эгоисткой, а тебе было больно, и я... я...

— Эй. — он ласкает мою руку в своей здоровой. — Это не твоя вина, Тил. Кроме того, завтра я буду как новенький. Я буду без левой руки только несколько недель, так что тебе придется все делать за меня.

— Все, что угодно. — я отчаянно киваю.

Он ухмыляется.

— *Все, что угодно?*

Я снова киваю.

Его ухмылка исчезает, но он гладит меня по тыльной стороне ладони.

— Давай начнем с того, что ты никогда больше не покинешь меня.

— Ты... — я сглатываю комок в горле. — Ты все еще хочешь меня?

— Все еще? Я когда-нибудь прекращал? — он подносит мою руку к своим губам и проводит сухими губами по коже. — Я никогда не перестану хотеть тебя, *belle* — *красавица*. Ты создана для меня.

— Ты тоже создан для меня. — я обнимаю его за шею, мои слезы увлажняют его кожу. — Я люблю тебя, Ронан. Я люблю тебя так, как никогда никого раньше не любила.

Он понижает голос.

— Даже после того, что сказал этот ублюдок Эдуард?

Я отстраняюсь, смотря на него.

— Я же сказала тебе, его слова не имеют значения, хорошо? Ты имеешь значения.

Его чувственные губы двигаются в душераздирающей улыбке.

— Я?

— Конечно.

— Не смей оставлять меня, Тил, или я сделаю ход Астора.

— Ход Астора?

— Да, это включает в себя погоню за тобой до конца света, и это вроде как не весело. — он ухмыляется. — Для тебя, а не для меня.

— Теперь я заинтригована.

— Почему я не удивлен? — он притягивает меня к себе и нежно целует в нос. — Я люблю тебя, Тил. Сейчас и навсегда.

Сейчас и навсегда.

Эпилог

Тил

Один год спустя

Есть что-то в том, чтобы смотреть на мир через разные линзы.

Раньше все было расплывчато. Теперь в этом есть смысл, ясность, которую я не могла почувствовать раньше.

Есть нечто, называемое счастьем, и есть нечто, называемое радостью.

За всю свою жизнь я никогда по-настоящему не понимала, что такое счастье и почему люди жаждут быть счастливыми. Это было похоже на кайф, который в конце концов просто пройдет.

То есть до тех пор, пока Ронан не стал константой в моей жизни. Он воплощение счастья.

Он кайф, который никогда не пройдет.

После окончания школы мы провели лето в путешествиях. Просто так, путешествуя из одной страны в другую и из одного города в другой.

Мы были свободными душами, открывающими для себя мир, людей и культуры. Он называл меня ботаником всякий раз, когда я спрашивала о музеях, а я называла его жиголом всякий раз, когда он хотел пойти в самый модный бар.

Ронан останется Ронаном, что бы ни случилось. Веселье и вечеринки в его душе. Всякий раз, когда кому-то нужно устроить вечеринку, он будет в первых рядах, планируя свое следующее «эпическое» событие. Последним был брак Эйдена и Эльзы. Он был таким экстравагантным в своей речи, вел себя солено, потому что не был лучшим человеком.

С тех пор он подкупал Ксандера, чтобы его выбрали шафером, угрожая удалить их всех из своего чата.

Он этого не сделает.

Чего он им не говорит, так это того, что всадники несколько раз в прошлом спасали его. Они были там не только для вечеринок, как большинство других; они были там ради него, и Ронан никогда этого не забудет.

Сказать, что мы оба расстались с Эдуардом, было бы ложью. Иногда кажется, что он все еще остается тенью, нависшей над нашей жизнью, даже после смерти.

У нас с Ронаном все еще бывают кошмары, но они редкие. Сейчас мы ходим на совместную терапию, и это лучшая терапия, которую я проходила в своей жизни.

Когда все становится слишком, я просто говорю это. Однако обычно этого не происходит, потому что я знаю, что у меня есть моя семья, и, самое главное, у меня есть он.

Ронан.

В тот момент, когда он убирает мои волосы с лица или целует, я обычно забираюсь на него и требую, чтобы он трахнул меня.

Конечно, он подчиняется и с каждым разом делает это все мечтательнее, грубее, жестче. Ронан никогда не относился ко мне как к нежному цветочку, и я люблю его за это больше всего на свете. Даже когда он трахает меня медленно, это ради того, чтобы я почувствовала его — почувствовала нас — а не потому, что он боится прикоснуться ко мне.

Мы с Ронаном никогда не боимся прикоснуться друг к другу. Во всяком случае, это то, что сближает нас и делает спокойнее.

Мы начали с прикосновения. В первый раз, когда он сделал это в библиотеке школы, я как бы попала под его чары, а он попал под мои.

Сегодня у меня для него сюрприз.

Мы пришли в дом его родителей на ужин. Шарлотта наконец-то вышла из опасной зоны. Те пару месяцев после смерти Эдуарда были сущим адом.

Эдрику пришлось сделать так, чтобы смерть его брата казалась несчастным случаем, а болезнь Шарлотты сказывалась на нем и Ронане. Я

держала своего жениха за руку все это время, пока не появились результаты, и врач не сказал, что последняя операция прошла успешно.

Ей пришлось пройти много восстановительной терапии, а Эдрик все это время не отходил от нее ни на шаг. Ронан тоже.

Одним из моих любимых воспоминаний о том времени было то, как Эдрик попросил у Ронана прощения за то, что не видел действий Эдуарда, в Ронан сказал, что ему жаль, что он не видел болезни своей мамы.

Эдрик и Ронан сблизилась во время выздоровления Шарлотты. Думаю, видеть их вместе рядом с ней помогло ее психическому состоянию больше, чем сказал бы им любой врач.

Мы с Ронаном должны были уйти после ужина, но он сказал, что ему нужно кое-что взять из своей комнаты. Он задерживается, так что я могу спросить его прямо сейчас.

— Ларс. — я усмехаюсь, когда вижу, как он выходит из комнаты Ронана. — Как я выгляжу?

Я натягиваю свою белую футболку, на которой написано «*Belle — Красавица*».

На мне также черная юбка из тюля, кожаная куртка и ботинки — удобные, как обычно.

— Вы уже второй раз задаете мне этот вопрос за сегодня, мисс Тил.

— Перестань быть таким снобом, и называй меня Тил, — поддразниваю я.

Со временем мы с Ларсом сблизилась. Он бы не признался в этом, но у него всегда наготове для меня плитка темного шоколада, а потом он ноет о том, как я продолжаю их воровать.

— Вы выглядите прекрасно. — он вздергивает подбородок. — И перестаньте есть шоколад, который вам никто не предлагает.

Я корчу гримасу, когда он шагает по коридору, а затем захожу в комнату.

Ладно, все.

Это не значит, что это должно быть традиционным или что-то в этом роде — не то, чтобы меня это волновало в любом случае.

— Эй, Ронан, когда мы поженимся...?

Я замолкаю, когда нахожу его в середине снятия брюк перед кроватью, заполненной корзинами с темным шоколадом.

— Черт возьми, *belle* — красавица, ты не должна была еще приходить.

Я ухмыляюсь.

— Не останавливайся из-за меня.

Его руки остаются на поясе.

— Ларс сказал, что темный шоколад лучшая взятка, которую я мог бы использовать с тобой.

— Ларс не ошибся.

— Подожди. — его рука покидает ремень, и я почти тянусь, чтобы положить обратно.

Ронан такой красивый, что иногда я не сплю, просто смотря на него.

Однако дело не только в его физической красоте, но и в его душе, которая говорит со мной и вырывает меня из собственной души.

Он затишье после бури.

Он свет после тьмы.

Он это все.

— Возвращайся. — он прищуривает глаза. — Я что-то слышал о браке?

— Да. Я подумала.. знаешь... чтобы мы сделали все официально?

Иначе я начну бить каждую девушку, которая посмотрит на него в университете.

Он все еще притягивает внимание, как магнит. Я думала, что это закончится после школы, но нет, его популярность не знает границ. Мне нужно заявить о своих правах, прежде чем кто-нибудь попытается забрать его.

Не то чтобы мне угрожали или что-то в этом роде, но я так же жадно отношусь к Ронану, как и он ко мне. Это, вероятно, никогда не изменится.

Люди говорят, что мы слишком молоды, чтобы пожениться, но для меня дело не в возрасте. Я решила, что Ронан единственный человек, с которым я проведу остаток своей жизни. Это неоспоримый факт. Так зачем же откладывать?

— Эй. — он выглядит оскорбленным. — Я планировал провести вечер вне дома, чтобы спросить тебя. Это несправедливо.

— Ты хотел спросить меня?

— Я хотел жениться на тебе до того, как этот ублюдок Эйден женился на Эльзе, но ты всегда говоришь, что все грандиозные вещи глупы, поэтому я решил подождать.

Мое сердце замирает, когда я встаю на цыпочки, обнимаю его за шею и запечатлеваю поцелуй на его щеке.

— Это не глупо, когда ты в этом замешан, Ронан.

Его ухмылка становится шире.

— Один ноль, Ксандер.

Я смеюсь.

— Так значит ли это, что ты женишься на мне?

— Конечно, я женюсь на тебе, и ты не спросила первой — это я сделал.

— Мы согласимся не согласиться, ваша светлость, — поддразниваю я.

— Что ты имел в виду с шоколадом?

— Несколько вещей. — его глаза светятся озорством.

— Например, что?

— Вот, что.

Его губы встречаются с моими, а затем мы падаем на кровать.

Если это моя будущая жизнь, я готова к этому.

Эпилог

Ронан

Пять лет спустя

— Что я сказал насчет того, чтобы перебивать меня, *belle* — *красавица*?
— я ворчу ей на ухо, прижимая ее к столу.

— Я не знаю... — стонет она, широко раздвигая ноги.

Она неторопливо вошла в мой кабинет и потребовала, чтобы я ее трахнул. Она часто так делает, не то, чтобы я жалуясь.

Самое лучшее в том, чтобы быть боссами в компаниях обеих наших семей, это то, что мы можем сочетать бизнес с удовольствием.

— Ты не знаешь? — я сильно вонзаюсь в нее, когда она издает глубокие горловые стоны.

Ее пальцы вцепляются в край стола, будто это спасательный круг. Я не останавливаюсь и не замедляю темп. Я трахаю ее жестко, быстро и бесконтрольно, как нам обоим нравится.

— Ты собираешься выместить это на мне позже? — она хнычет.

Держа ее за бедро, я откидываю ее короткие волосы в сторону, обнажая затылок, и наклоняюсь, чтобы прошептать ей на ухо.

— Еще бы, *belle* — *красавица*.

Тогда она кончает.

Моя жена жаждет наказания и обещаний. Знание того, что сегодня будет еще жёстче, чем сейчас, делает ее более горячей, влажной и еще более податливой.

Это всего лишь ее закуска. Я вхожу в нее еще на несколько секунд, прежде чем последовать за ней.

Мы оба тяжело дышим, когда я падаю на нее, моя одежда прикрывает ее жалкое подобие блузки.

Она вслепую протягивает руку и зарывается пальцами в мои волосы, поворачивая голову так, чтобы ее губы могли встретиться с моими. Нет ничего на свете, что я люблю больше, чем целовать эту девушку и запечатлеваться на ней.

С тех пор как я впервые встретил Тил, она всегда действовала мне на нервы. Это началось с раздражения, затем ненависти, а потом превратилось в самое сильное чувство, которое я мог испытывать к другому человеческому существу.

Она понимает меня еще до того, как я что-то говорю. Она обнимает меня без всякой просьбы.

Тил всегда боролась с чувствами, но не со мной — никогда со мной. Тогда она была сильной, но теперь она непобедима.

Наше детство всегда будет частью того, кем мы являемся, но с этим покончено. Мы перевернули страницу и начали нашу собственную историю.

Мы работаем и путешествуем. У нас семейные ужины с Итаном, Ноксом и этим ублюдком Агнусом, который никогда не перестает напоминать мне, что он был первым типом Тил.

Моя жена сказала мне, что теперь я ее единственный тип. В следующий раз я заставлю ее сказать это перед этим придурком.

Мама и папа путешествуют — для туризма, а не для лечения — и обычно тащат с собой сварливого Ларса. Он никогда не забывает напомнить им, что в каждом отеле ужасный сервис.

Мы с Тил также ходим на собрания друзей, и я все еще устраиваю вечеринки, на которых Эйден обычно не появляется, потому что он уводит Эльзу куда-то, о чем никто не знает. Да пошел он, на самом деле. Ксан и Коул так и делают, и, поскольку мы все так или иначе работаем вместе, мы никогда не расставались после школы.

Тил выпрямляется и подтягивает нижнее белье, пока я застегиваю брюки.

— Я позволю вам вернуться к этому, ваша светлость. — она поправляет мой галстук, глядя на меня с игривой похотью в своих темных глазах. Затем протягивает руку и вытирает мою нижнюю губу большим пальцем. — Губная помада.

— Знаешь, что, жена? — мой голос хриплый.

— Что, муж? — она прикусывает нижнюю губу.

— К черту работу. Я предпочитаю тебя.

Я толкаю ее к краю стола, и она ахает, и когда я поднимаю ее, ее ноги обхватывают мою талию, как тиски.

— Я упоминала сегодня, как сильно я люблю тебя, Ронан?

— Должно быть, я забыл.

— Я люблю тебя, — шепчет она мне на ухо.

— Не больше, чем я люблю тебя, *ta belle* — моя красавица.

Конец

